

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 4 / 2018

Журнал издаётся совместно с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издаётся с 1998 г., выходит ежемесячно.

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;
Бабич И.Л., д.и.н.;
Жильцов Н.А., к.ю.н., к.пед.н., профессор,
почетный работник юстиции России;
Мельников С.А., д.ю.н.;
Мигушенко О.Н., д.ю.н., профессор;
Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор;
Покровский И.Ф., д.ю.н., профессор;
Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;
Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор;
Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;
Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;
Хабидулин А.Г., д.ю.н., профессор;
Чердаков О.И., к.и.н., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент;
Зенин С.С., к.ю.н.;
Клименко А.И., д.ю.н., доцент;
Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;
Сигалов К.Е., д.ю.н., к.ф.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,
Белых В.С.,
Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф.,
Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование

и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Законность и справедливость: ценностный подход

<i>Исаев И.А.</i> Справедливость и суверенность.....	3
<i>Маюров П.Н.</i> Учение о правовом статусе личности и возможности ограничения прав и свобод индивида во взглядах представителей школы юридического позитивизма конца XIX — начала XX в.....	11
<i>Захаров В.В.</i> Законодательное определение понятий «срок» и «искровая давность» стран бывшего СССР.....	15
<i>Юртаева Е.А.</i> Законотворческие принципы и законодательная власть российских императоров.....	18
<i>Денисенко В.В.</i> Легитимация правовых институтов как процесс усвоения юридических ценностей субъектами права.....	23
<i>Артемов В.М.</i> Рецензия на монографическое издание: Исаев И.А. Воображаемая государственность. Пространство без территории. М.: РГ-Пресс, 2018. 224 с.....	28

Суд и судопроизводство: из истории институтов

<i>Морозова А.С.</i> Апелляционная инстанция для мировых судей в России конца XIX — начала XX в.....	31
<i>Кобец П.Н.</i> Историко-правовой аспект участия общественных формирований и граждан в противодействии преступности.....	35
<i>Аминов И.И.</i> Опыт устройства народного суда в Закаспийской области Российской империи (1899–1917 гг.).....	40
<i>Горбачев В.П.</i> Прокурорский надзор за законностью арестов при проведении дознаний по политическим преступлениям в Российской империи.....	45
<i>Момотов В.В.</i> Пленум Верховного Суда Российской Федерации: страницы истории.....	50
<i>Голуб А.П.</i> Историко-правовые предпосылки становления прокуратуры Франции.....	55

Право и политика: пересечение сфер влияния

<i>Дмитров И.С.</i> Зарождение концепта демократии в античной политико-правовой мысли.....	58
<i>Сосенков Ф.С.</i> Единство России в программатике политических партий национальных окраин начала XX в.....	63
<i>Приходько М.А.</i> У истоков Главного управления духовных дел иностранных исповеданий.....	68
<i>Боннер А.Т.</i> Российско-эстонский мирный договор 1920 г. и судьба коллекции Музея древностей и изящных искусств Юрьевского (Тартуского) университета.....	70
<i>Кутовой Д.А.</i> Сущность государства информационного общества: дихотомия властеотношений.....	77

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,
Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Центр редакционной подписки:
(495) 617-18-88 (многоканальный).
Формат 170x252 мм. Печать офсетная.
Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.
Физ. печ. л. 6,25. Усл. печ. л. 6,25.
Номер подписан в печать 20.03.2018.
Номер вышел в свет 26.04.2018.
Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписные индексы: Роспечать — 47643;
Каталог российской прессы — 10866;
Объединенный каталог — 85492 (на полуг.).
Также можно подписаться на www.gazety.ru
Отпечатано в типографии
«Национальная полиграфическая группа».
248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.
Тел.: (4842) 70-03-37.
Журнал включен в базу данных
Российского индекса научного цитирования
(РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:
Издательская группа «Юрист».

HISTORY OF STATE AND LAW

No. 4 / 2018

Published in association with the Kutafin Moscow State Law University

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.
Reg. PI No. FS77-30776 from December 25, 2007. Published since 1998. Published monthly.

Editor in Chief:

Isaev I.A., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Board:

Aronov D.V., doctor of historical sciences, professor;
Babich I.L., doctor of historical sciences;
Zhil'tsov N.A., candidate of juridical sciences,
candidate of pedagogical sciences, professor,
Honorary Worker of Justice of Russia;
Mel'nikov S.A., doctor of juridical sciences;
Migushhenko O.N., doctor of juridical sciences, professor;
Nigmatullin R.V., doctor of juridical sciences, professor;
Pokrovskij I.F., doctor of juridical sciences, professor;
Rasskazov L.P., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Romashov R.A., doctor of juridical sciences, professor;
Safonov V.E., doctor of juridical sciences, professor;
Tumanova A.S., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Khabibulin A.G., doctor of juridical sciences, professor;
Cherdakov O.I., candidate of historical sciences,
doctor of juridical sciences, professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Zenin S.S., candidate of juridical sciences;
Klimenko A.I., doctor of juridical sciences,
assistant professor;
Nedobezhkin S.V., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Sigalov K.E., doctor of juridical sciences,
candidate of sciences in philosophy, assistant professor

Editor in Chief of Publishing Group "Jurist":

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief of Publishing Group "Jurist":

Babkin A.I.,
Belykh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of jurisprudence
Tel.: (495) 953-91-08

Authors shall not pay for publication of their articles.

Legitimacy and justice: a value-based approach

<i>Isaev I.A.</i> Justice and Sovereignty.....	3
<i>Mayurov P.N.</i> The Doctrine on the Legal Status of an Individual and a Possibility to Limit the Individual's Rights and Freedoms from the Standpoints of Representatives of the Legal Positivism School of the Late XIX to the Early XX Century	11
<i>Zakharov V.V.</i> Legislative Definition of the "Term" and "Limitation of Action" Notions in the Former Soviet Union	15
<i>Yurtaeva E.A.</i> Law Making Principles and the Legislative Power of the Russian Emperors.....	18
<i>Denisenko V.V.</i> Legitimation of Legal Institutions as a Process of Legal Value Adoption by Law Subjects	23
<i>Artemov V.M.</i> Review of the Monograph: <i>Isaev I.A.</i> Imaginary Statehood. Space without Territory. Moscow : RG-Press, 2018. 224 s.	28

Court and judicial proceedings from the history of the institutions

<i>Morozova A.S.</i> Appeals Instance for Russian Justices of the Peace in the Late XIX to the Early XX Century	31
<i>Kobets P.N.</i> Historical and Legal Aspect of Participation of Public Associations and Citizens in Corruption Countering	35
<i>Aminov I.I.</i> Experience of Establishment of a People's Court in the Trans-Caspian Area of the Russian Empire (1899 to 1917)	40
<i>Gorbachev V.P.</i> Prosecutorial Supervision over Legitimacy of Arrests in Carrying out of Interrogations Related to Political Crimes in the Russian Empire	45
<i>Momotov V.V.</i> The Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation: Pages of History	50
<i>Golub A.P.</i> Historical and Legal Prerequisites for Establishment of the French Prosecutor's Office	55

Law and politics: overlapping of the spheres of influence

<i>Dmitrov I.S.</i> Origination of the Democracy Concept in the Ancient Political and Legal Thought.....	58
<i>Sosenkov E.S.</i> Unity of Russia in the Programmatic of Political Parties of National Suburbs of the Early XX Century.....	63
<i>Prikhodko M.A.</i> At the Origins of the Main Directorate of Religious Affairs of Foreign Confessions.....	68
<i>Bonner A.T.</i> The Russian-Estonian Peace Treaty of 1920 and the Fate of the Collection of Antiquities and Fine Arts of the Yuryev (Tartu) University.....	70
<i>Kutovoy D.A.</i> The Essence of the State of Informational Society: Dichotomy of Government Relationships.....	77

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035.
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel).
Size 170x252 mm. Offset printing.
Offset paper № 1. ISSN 1812-3805.
Printer's sheet 6,25.
Conventional printed sheet 6,25.
Passed for printing 20.03.2018.
Issue was published 26.04.2018.

Circulation 3000 copies. Free market price.

Subscription:

Rospechat' — 47643;
Catalogue of the Russian press — 10866;
United Catalogue — 85492 (for 6 months)
and on www.gazety.ru
Printed by "National Polygraphic Group".
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.
Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian
Federation for publication of basic results
of candidate and doctor theses.

Founder:
Publishing Group "Jurist".

DOI:10.18572/1812-3805-2018-4-3-10

Справедливость и суверенность

*Исаев Игорь Андреевич,
заведующий кафедрой истории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
kafedra-igr@yandex.ru*

В статье исследуется важный аспект взаимодействия категории справедливости с понятием суверенитета, этических и правовых составляющих правовой реальности. В кантовской «Критике практического разума» это соотношение определялось как подчинение общего блага общему закону. Суверенность возникает как некий синтез этих элементов. Сочетание в суверенитете господства и служения определяет саму сущность государственной власти, которая желает быть справедливой и ограничивает себе законом. Анализ дается на основании исторических фактов из римской средневековой и новой европейской истории права.

Ключевые слова: суверенитет, господство, власть, норма, закон, справедливость, легитимность, легальность, правление, господство, институты, политический режим.

Justice and Sovereignty

*Isaev Igor A.
Head of the Department of History of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Honored Scientist of the Russian Federation
Doctor of Law
Professor*

The article reviews an important aspect of interaction of the justice category with the sovereignty notion, ethical and legal constituents of legal reality. Kant in his Critique of Pure Reason defined this correlation as submission of the common good to the common law. Sovereignty appears as some synthesis of these elements. The combination of supremacy and service in the sovereignty defines the essence of government power desiring to be just and limiting itself by law. The analysis is based on historical facts from the Roman medieval and the new European history of law.

Keywords: sovereignty, supremacy, power, provision, law, justice, legitimacy, legality, governance, supremacy, institutions, political regime.

По мнению Норберта Больца, теория справедливости — это в своем роде «отрицательная теология права», и у юриспруденции, как кажется, есть свой тайный бог, поэтому каждое общество сакрализует свои собственные принципы справедливости, категорически запрещая их рациональный анализ и критику. Но уже со времен Французской революции и сама справедливость превратилась в институционализированное представление или в «обязательную фикцию», которая формирует само восприятие социальной реальности (Арнольд Гелен). И социальная справедливость прямо заявляет о том, что является настоящей идеологией, оправдывающей отказ от права, — общество сакрализует свои принципы справедливости, тем

самым обещая собственные рецепты и пути социального спасения¹.

Дистанция между религией и поклонением социальному оказывается крайне малой. Религия социальной справедливости господствует над «душами приверженцев массовой демократии, которые уже давно вместо духовного пути избрали для себя путь социального спасения». Таким образом, социальная справедливость заменяет собой прежнее и традиционное сакральное: понятие социальной справедливости уже выбрало свой путь от правового государства к государству полномочий. И это не что иное, как прощание

¹ Больц Н. Размышления о неравенстве. М.: Издательский дом ВШЭ, 2014. С. 7, 31.

с либеральным обществом (Фридрих Хайек оценивает социальную справедливость как «безнадежно неопределимое и бессмысленное понятие»).

Уже Кант, говоря о социальной справедливости, заметил, что правление, основанное на принципе благоволения народу как благоволения отца детям, иначе говоря, правление отеческое, при котором подданные, подобно несовершеннолетним, не в состоянии даже различать, что для них действительно полезно и что вредно: «Решение вопроса о том, как они должны быть счастливы, ожидать от одного лишь суждения главы государства... от одной лишь его доброты, — такое правление есть величайший деспотизм»². Монтескье же утверждал, что в монархии чувство собственного достоинства заняло место политической добродетели (столь необходимой в республике), здесь «честь приводит в действие все части политического организма; самым действием своим она связывает их, и каждый, думая преследовать только свои личные интересы, по сути дела стремится к общему благу»³. В республике забота об общем благе носит внешний и принудительный характер, подобно самой «коллективной» справедливости, она очерчивается рамками закона. (Делез уверен, что Кант в «Критике практического разума» заставляет благо «вращаться вокруг закона». Сделав закон последним основанием, Кант снабдил современное мышление важнейшим его измерением: объект закона, по сути, есть нечто ускользающее, в нем остается только одна чистая и пустая форма (поэтому и господин К. у Кафки в «Процессе» осознает себя человеком только перед лицом неведомого безличного и бессодержательного закона.) «Во всех отношениях такой закон есть мистификация и неделегированная власть»: по-настоящему тиранить может только закон, и он же делает тирана возможным».)

Со временем всепроникающее «социальное» заменяет собой гуманное «братство» Французской революции. Теперь существует уже не просто справедливость, а именно социальная справедливость, не просто политика, а социальная политика, не просто правовое государство, а социальное правовое государство — весь мир подхватывает эту песню, стоит лишь сказать волшебное слово «социальное» (Н. Больц). Но при этом ни одно государство не оказывается в большей опасности

стать инструментом на службе у власти, чем социальное государство (Эрнст Форстхорфф), само же социальное так и остается неопределенным и неюридическим понятием, которое вероломно «преодолевают основной закон в основном законе. И в случае, если социальные функции государства станут действительно господствующими, мы будем иметь превосходную тиранию»⁴.

Вико давно предупреждал об опасности такого превращения: когда народы сами захотят стать суверенными, тогда и свое обособленное и частное желание они посчитают справедливым. Суверенность же не может быть индивидуализированной и распыленной, она явно тяготеет к централизации и единству: неизбежно прибегая к представительным институтам, народ тем самым способствует передаче власти своему единственному правителю. Но это и есть путь Провидения.

Когда же «народы захотят освободиться от узды своих же законов, они окажутся в подданстве у монархов», когда монархи «захотят принудить своих подданных... пороками распущенности, которые сделают их положение более прочным, они тем самым подготовят их к тому, чтобы переносить рабство олигархов. Но в то же время, когда нации захотят сами себя привести к гибели, они спасут тем самым своих потомков в их отделенности и одиночестве. И все это совершается «умом... это не рок, т.к. у людей все же был выбор, и это не случай, т.к. всегда, когда люди поступают именно так, возникают одни и те же самые вещи и последствия».

Итак, все решает Провидение⁵, и оно же дает ощутить себя в трех главных чувствах — удивлении, благоговении и стремлении вновь обрести мудрость древних. Язык, мифы, законы и юридические институты являются прежде всего формами самовыражения, которые приобретает желание каждого человека поведать о том, что он есть и к чему стремится. Они подчиняются вполне понятным образцам, и модели развития можно установить, но при этом каждая культура выражает свой собственный опыт. «Мифы и поэзия античности выражают видение мира так же достоверно, как греческая философия или римское право» (Вико). Но не существует вневременного естественного закона, применимого везде и всегда. Политико-правовой релятивизм Вико идет значительно дальше, чем у Монтескье: политический мир познаваем человеком только в той мере, в какой он им самим создан, более высокие и божественные предписания и нор-

² Там же. С. 137–138.

³ Зеллин Ф. Политика // Словарь основных исторических понятий : избр. ст. : в 2 т. / пер. с нем. К. Левинсон ; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле ; науч. ред. пер. Ю. Арнаутова. М. : Новое литературное обозрение, 2014. Т. 1. С. 454–455.

⁴ Больц Н. Указ. соч. С. 127–128.

⁵ Вико Д. Основания новой науки об общей природе наций. Л. : Художественная литература, 1940. С. 471.

мы не могут быть раскрыты человеку в их основаниях. Также непостижима для него сущность природных явлений.

Но помимо политических институтов и правовых норм, созданных людьми, есть еще сфера знания, которую человек может познать изнутри — это история человечества, которая также делается людьми. Вико открывает опять же три способа такого познания — это язык, мифы и ритуалы, он уверен, что люди начали петь раньше, чем говорить, заговорили стихами ранее, чем прозой, это становится ясным в результате изучения разнообразных языков и символов, которыми они пользовались, и того применения, какое они им находили⁶.

Некогда в праве выжалась идея объективной целесообразности, и именно с этой стороны римский дух понял и образовал свое право, право, проистекающее из области «души и чувства», им же было перенесено в область рассчитывающего разума, и только это освобождение права от субъективно-нравственного чувства и сделало право открытым для «изображения и прочтения»: результат обозначил победу идеи целесообразности над субъективным чувством нравственности. Объектом целесообразности становился при этом не отдельный случай, а некое отвлеченное правило, которому в жертву приносилось отдельный казус, здесь относительно низшее жертвовалось в угоду относительно высшему.

И уже тогда проявилась тирания юридической дисциплины, столь свойственная римскому правовому мышлению, требовавшему не какой-то отвлеченной нравственности и справедливости, но только целесообразности: «Истинная справедливость требует большего, чем то механическое равенство, которое является результатом мертвых правил...».

Свободное нравственное чувство противилось тому, чтобы вопрос права разрешался лишь как арифметический пример, направленность римского духа на практические цели, его «мужественный правовой смысл» доказывали, что право есть не только умственная сила, но прежде всего воля, которая и придает праву действительный характер. Железная последовательность и упорный консерватизм вообще были характерны, по мнению Р. Иеринга, для раннего римского права: право не есть убеждение, мнение или знание, оно — не умственная, но нравственно-волевая сила. Здесь проявилась и особая манера римлян примирять неудобную последовательность с практическими потребностями, которая и позволила им развить до высокого уров-

ня их юридическую технику: «Сила, порядок, единство стали заслуженным результатом такого подхода к праву»⁷.

Когда-то свободные народы, господа своей власти, как бы «царствующие подопечные, слабые разумом в делах публичных, позволили руководить собой авторитету своих сенаторов, как бы опекунов. Таким образом, свободные по своей природе республики стали управляться аристократически. Но после того как «могущественные» в народных республиках стали направлять общественный совет в личных интересах своего могущества и в целях личной пользы, народы дали могущественным возможность соблазнить себя, подчинить свою общественную свободу их властолюбию, и тогда возникли партии, начались восстания и гражданские войны, и во взаимном истреблении наций возникла форма монархии, подкрепленная «вечным и естественным царским законом» (Вико).

Вико напоминает: еще Помпоний в «Дигестах» говорил, что «под влиянием самого хода вещей основываются царства», и этот закон был воспринят народами в формулировке и на языке вечной пользы. Вот тогда-то и появляется тот единственный человек, вождь, который силой оружия берет на себя все общественные заботы. Чтобы такой человек в свободных республиках мог вознестись до монархии, народ должен был разделиться на партии, поэтому «монархии по самой своей природе управляются народно: сначала законами, посредством которых монархии хотят уравнять всех подданных, затем соответственно той характерной особенности монархий, что суверены, подавляя могущественных, делают большинство свободным от угнетения последних, потом соответственно другой своей характерной особенности монархии стремятся сохранить в большинстве удовлетворенность и довольство, поддерживая жизненно необходимое в пользу естественной свободы. Наконец, посредством привилегий, которые монархии допускают или для отдельных лиц, или для целых сословий: поэтому монархии по преимуществу и соответствуют естественной «человеческой природе наиболее развитого разума»⁸.

Но принцип представительности, когда «немногие выражают волю большинства», кажется Вико все же более реальным и эффективным, чем принцип тождественности, соединяющий в единое целое волю господствующих и подвластных. «Отцы» выражали

⁶ Берлин И. Подлинная цель познания. М.: Канон+, 2002. С. 389–391, 394.

⁷ Иеринг Р. Дух римского права / пер. с 3-го испр. нем. изд. СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко, 1875. Ч. 1. С. 290–292, 298.

⁸ Вико Д. Указ. соч. С. 419–420.

волю семейств, общины или корпорации — волю целого государства, часть представляла целое: суверен всегда персонализирован, и у него есть собственный закон и своя справедливость. Кроме того, монархия органична по своему происхождению, тогда как республика конструктивна и принципиально искусственна. «Отцовское» начало монархии почти природно и представляет собой настоящий конституционный принцип государственности. Ведь никакая конституция не следует и не возникает из коллективного обсуждения, права народов не бывают писанными ими, по крайней мере, «писанные учредительные акты и основные законы суть лишь документы, объявляющие о неких предшествующих правах, о которых можно только сказать, что они существуют потому, что они существуют». Ведь у прав суверена и аристократии, как основных и учредительных, нет ни точной даты, ни именованных творцов: «Хотя писанные законы всегда являются лишь объявлением предыдущих прав, надобно еще многое для того, чтобы все, что может быть записано, становилось таковым», и в каждой естественной конституции всегда есть нечто такое, что не может быть записано и что необходимо оставить в темной и почитаемо неясности».

Чем более пишется учреждающих актов, тем учреждаемое оказывается все более слабым, ведь «законы являются лишь заявлением о правах, а права заявляются только тогда, когда на них наступают», так что наличие множества конституционных законов всегда свидетельствует о множестве произошедших потрясений и наличии опасностей распада. Лишь те права, которые уже существовали в естественной конституции нации, ей удавались успешно формулировать и развивать путем последующего принятия писаных основных законов. Но «конституция, которая якобы создана для всех наций, не годится ни для одной из них, это — только чистая абстракция и схоластическое произведение, с которым обращаются к общечеловеку в тех воображаемых пространствах, где он обитает»⁹.

Де Местр повторяет слова апостола Павла: «...этот мир есть совокупность невидимых вещей, явленных взору». Догматические формулы не способны объяснить истину, поэтому первые христиане и считали недопустимым полное и буквальное ее изложение в словах: существуют некие таинственные законы, которые не следует разглашать, но следует почитать как таинство. (Здесь де Местр рекомендует обращаться к законотворческой практике

масонства, убежденного в том, что вся тайна уже содержится в обоих Заветах. Избранники того и другого закона определенно были посвященными: «А потому нам надлежит обращаться за ответом к этой почтенной древности, дабы узнавать, каким образом толковала она священные аллегории».)

Но и мистерии беззакония уже начинают действовать в мире видимым образом. В недалеком будущем будут совершаться чудовищные преступления, и «страшный владыка тьмы станет править железной рукой» (Лафатер). Но рассуждая о революции, де Местр за неистовством «врага» угадывает силу Провидения: «...ни в одном событии человеческой истории Бог не являл себя так ясно и зримо. И если «Он и употребляет для этого орудия самые низкие и презренные, то лишь потому, что карает ради очищения и возрождения». («Революция, — писал Юнг-Штиллинг, — есть Божье отмщение, вершимое через посредство злодеев».) Никогда порядок не бывает более зримым, а рука Промысла — более осязаемой, чем в те эпохи, когда на смену деятельности человека приходит высшая сила, которая начинает действовать сама по себе»¹⁰.

«Неправда» или несправедливость в демократических государствах выражает свою волю в стремлении к фальсификации и потреблению, в государствах же самодержавных и тоталитарных правда притворяется, будто бы уже исключила из себя всякую неправду (Д. Агамбен), но под терминами «суверенитет», «право», «общая воля», «демократия» уже скрывается реальность, не имеющая ничего общего с изначальным значением этих понятий. (Перманентно существующее чрезвычайное положение становится тогда правилом, а реальная «голая» жизнь является непосредственной носителем узла «суверенного узла и как таковая... оставлена на произвол насилия»¹¹.) Следовало бы переосмыслить такие понятия, как «суверенитет» и «конституционная власть», все еще остающиеся в центре политической традиции. Ими пока еще отмечена «точка неразличимости между насилием и правом... правдой и неправдой, и как таковые они подразумевают не атрибут или орган в юридическом или государственном распорядке, а саму их изначальную доправовую структуру. Суверенитет — это только идея о существовании неразрешимого узла противоречия между насилием и правом и о том, что этот узел должен обязательно обла-

⁹ Де Местр Ж. Рассуждения о Французской революции. М.: РОССПЭН, 1997. С. 82–88.

¹⁰ Виат О. Жозеф де Местр // Де Местр Ж. Санкт-Петербургские вечера. СПб.: Алетейя, 1998. С. 633–643.

¹¹ Агамбен Д. Средства без цели. М.: Гилея, 2015. С. 113–114.

дать парадоксальной формой решения о чрезвычайном положении (К. Шмитт)... при котором «закон (речь) поддерживает свою связь с жизнью, при этом удаляясь от нее, запрещая и оставляя ее на произвол собственного насилия и собственной бессвязности... Суверенитет — это только охранник, препятствующий выходу на свет неразрешимого порога между насилием и правом»¹².

Суверен принимает окончательное решение об исключениях из нормы и исключительном положении, он же определяет пределы социальной справедливости: суверен совершенно уверен в этом своем праве. Вико называл «божественным авторитетом» только такой, для которого у Провидения не требуется специального обоснования. Но за этим следовал героический авторитет», скрытый в торжественных формулах законов. Вико приводит пример, когда по закону Публия Филона римский народ был провозглашен свободным и абсолютным носителем власти, тогда авторитет Сената стал «подобен авторитету опекуна, который подтверждал и санкционировал представленную народом формулу закона». Когда же республика переходит от народной свободы к монархии, тогда следует третий вид авторитета, как «обращения к мудрости» и «авторитета совета», когда забота об общественном благе была предоставлена суверенному государю.

Полибий считал лучшей политической формой смешанную, в которой одновременно присутствуют и монархическое, и республиканское начало, Макиавелли же был убежден в превосходстве чистых форм, соответствующих своему времени и ситуации. Вико испытывал явную симпатию к аристократической форме, тяготевшей к монархии «нового типа». «В монархии нужно лишь немного людей, мудрых в делах государственных, чтобы совещаться в кабинетах... Монархи желают издавать законы соответственно естественной справедливости, уравнивая тем самым могущественных со слабыми — и это делает только монархия. Гражданская же справедливость, т.е. государственный смысл, становится понятной лишь немногим мудрецам в общественных делах и соответственно своему вечному свойству сохраняться втайне внутри кабинетов»¹³.

Монархия остается правлением, дающим «наибольшее отличие наибольшему числу людей»: суверенность при этом образе правления обладает достаточным блеском, чтобы передать часть его с необходимыми гарантиями

множеству действующих лиц. В республике же суверенность совершенно неосязаема, поскольку она есть величие «чисто духовного свойства и ее величие нельзя передать кому-либо». Республика же по своей природе является правлением, дающим наибольшие права наименьшему числу людей, вкуче называемых «сувереном», который сам более всех отнимает эти самые права у остальных, именуемых «подданными»: «Чем больше республика сближается с чистой демократией, тем больше это ее свойство будет впечатляющим» (Ж. де Местр)¹⁴. («В республике, этом раю хилости, политические деятели — это законопослушные маленькие тираны. Сильная же личность законов не уважает». История оживляется лишь при встрече с ужасным и омерзительным и скучает, когда имеет дело с терпимостью, с либерализмом, с режимами, при которых темпераменты хиреют» (Сиоран). Главный порок демократии заключается в том, что она «позволяет первому встречному нацелиться на власть. Ничтожество безумцев и бессмысленных спорщиков делает возможными наши свободы, на которые покушаются сильные личности. Тогда республика, как будто ослепленная своим же будущим губителем, уже не верит в свои институты и не видит смысла в своем существовании: «она путается в собственных законах, а законы, защищая ее врага, настраивают ее, вынуждая уйти в отставку. Изнемогая от избытка собственной терпимости, она щадит противника, который не пощадит ее, позволяет формулировать подтачивающие ее мифы, поддается нежным уговорам своего палача». Посредственности, которые делают возможным проявление свободы, не могут гарантировать ей долгую жизнь»¹⁵.)

Суверенность отождествляется в монархиях со справедливостью, поскольку обе являются естественными и природными образованиями. И здесь Вико блестяще проигрывает свою роль предтечи грядущего политического романтизма, формы, ставшей чуть позже главной альтернативой рационалистическому Просвещению, и романтики восприняли этот вызов. Как и Вико, Новалис был уверен, что монархия в лице государя является идеальным итогом всего государственного развития, и что все остальные формы правления — только временные междуцарствия. «Наиболее здоровую конституцию при максимуме раздражений репрезентирует король, а при минимуме — отпетый циник. Чем больше они

¹² Там же.

¹³ Вико Д. Указ. соч. С. 288–390.

¹⁴ Де Местр Ж. Указ. соч. С. 145.

¹⁵ Сиоран. Искушение существованием. М.: Республика, 2003. С. 290–301.

схожи, тем легче и неизменнее путают свои роли, тем больше их конституция приближается к идеалу конституции совершенной». «Самая же совершенная конституция возникает посредством абсолютного соединения с абсолютным раздражением — любовью»¹⁶, — мечтательно иронизировал романтик.

Новалис вопрошал: «Конституция интересна только как буква... („клочок бумаги“, — повторял де Местр) Что есть закон как не волеизъявление любимой и почитаемой личности? Не нуждается ли мистический суверен, как любая идея, в символе, а какой символ достойнее и точнее милого и превосходного человека? ... Впрочем, лучше, когда король рожден, а не сделан». Король — такой же прочный жизненный принцип для государства, как солнце — для солнечной системы. Именно вокруг этого принципа сосредотачивается высшая жизнь государства, его световая атмосфера. «Король не является гражданином государства, а потому не является и государственным чиновником. (Правда, Фридрих Великий не очень искренно заверял, что «он — только первый слуга государства».) В том-то и состоит отличие монархии, что она основана на вере в человека, высшего по рождению, на добровольном предположении о существовании идеального человека, и придет время, когда все поймут, что «король не может существовать без республики, а республика без короля», что они нераздельны, как душа и тело, и что король без республики и республика без короля — пустые слова»¹⁷. (Парламентская же или демократическая монархия, по мысли мистика и контрреволюционера Доносо Кортеса, остается фальшивой формой: ведь сама власть неделима и не является результатом взаимодействия форм, она — едина. Дробление власти никак не соответствует самому ее характеру, однако и голое всемогущество также не отвечает природе человека: «Власть не является властью, если она не едина, власть не является человеческой, если у нее нет границ».

Представительные же органы, сами не обладая действительной властью, выполняют негативную функцию ограничения власти, возможности ее прямого воздействия на подданных: при действующей монархической власти парламент создает только хаос, поскольку власть монарха и парламента взаимно нейтрализуют друг друга. Упадок же парламентаризма означает не отступление к состоянию рабства, но победу, когда уже нет

нужды господствовать, ведь «абсолютная монархия сама всегда была по сути демократической и религиозной»¹⁸.)

Джанбатиста Вико считал худшей тиранией анархию или «разнузданную свободу свободных народов», неизбежным итогом которой и становится грядущая «новая монархия»: «...так как всякие порядки и законы, изобретенные свободой, решительно бессильны направлять народ и обуздывать его, то в руке монарха при помощи оружия оказываются все порядки и все законы». Провидение пытается ограничить его бесконечную власть естественным порядком, но поскольку «народы, подобно скотам» привыкли думать только о личной своей пользе и живут «в наивысшей заботе о телесной пользе преисполненности, как бесчеловечные животные» в состоянии безнадежных гражданских войн, то «их города снова превращаются в леса, а леса — в человеческие берлоги». И здесь в течение долгих веков варварства «покрываются ржавчиной подлые ухищрения коварных умов, которые варварством рефлексии сделали людей такими бесчеловечными зверями». Сам суверен превращается в деспота и тирана, заменяя собственной волей справедливость.

И если прежнее варварство чувств все же обнаруживало некую великодушную дикость, от которой можно было защититься борьбой или осторожностью, то новое «варварство рефлексии» с подлой жестокостью и под покровом лести и обаяний посягает на жизнь и имущество своих близких и друзей». Суверен сбрасывает маску.

Провидение использует эту рассудочную ярость и злость в качестве своего последнего средства: и тогда люди настолько глупеют и тупеют, что чувствуют теперь лишь одну жизненную полезность, но не знают ни удобств, наслаждений и изысканности. Варварство рефлексии соблюдает только слово, а не дух законов и установлений, и если древнее варварство еще верило, что справедливым является то, что его поддерживало, а именно, «звуки слов» и формулы, то новое варварство теперь знает, что «справедливо то, что имеют в виду установления и законы, но само же стремится обойти это суеверием слов»¹⁹. (Вико перечислял отдельные институты, пришедшие из времен «первого варварства» в варварство новое»: вернулись некоторые виды «божьего суда» — поединки, вернулись и героические разбои — титулом истинного политического господства стало вполне крими-

¹⁶ Новалис. Вера и любовь // Фрагменты ; пер. с нем. А.А. Вольский. СПб. : Владимир Даль, 2014. С. 137–138.

¹⁷ Там же. С. 124–127.

¹⁸ Кортес Д. Сочинения. СПб. : Владимир Даль, 2006. С. 41–46.

¹⁹ Вико Д. Указ. соч. С. 469–470.

нальное определение «корсар», вернулись и акты «героические возмездия» в виде религиозных войн (позднейшие варвары при взятии городов также прежде всего заботятся о том, чтобы «высмотреть, найти и унести знаменитые вклады или реликвии святых»²⁰.)

Индивидуум как таковой постоянно находится под властью случайностей. В совершенной демократии таких случайностей больше, в представительной демократии — меньше, в монархии же действует одна только произвольная судьба (Новалис). Но человек должен подчиняться только своим «собственным» личным законам, которые он внутренне принимает: «Всякий истинный закон — это ведь мой закон — неважно, кем он сформулирован и установлен».

Как вообще возникли сословия и гильдии, спрашивает Новалис и отвечает: «...из-за недостатка времени и сил у отдельного человека. А естественный и образцовый человек — это только поэтическая фантазия. Остается лишь одно — «создать человека искусственного: тогда и декреты общества становятся настоящими эманациями духа, а идеальный правитель — реальностью». Но большинство всегда выбирает правителями не самых совершенных, а чаще всего тупиц или проходимцев: у тупиц вульгарность срослась с естеством, сам он — классический образец человека толпы; прохиндеи же только подстрекают толпу. «Никакой дух тут не возродится, но зато возникает большая машина, косная и инертная, иногда пробиваемая интригой, догматики и прагматики дерутся здесь за бразды правления: но «деспотизм одного лица все же предпочтительнее этой деспотии...» — здесь хотя бы имеешь дело с правителем, играющим в открытую, там же, во-первых, не сразу разберешься, кто есть власть, а во-вторых, как лучше к ней подступиться». Терпимость же постепенно ведет к убеждению об относительности всякой позитивной формы, к полной независимости зрелого духа от индивидуальной формы, которая становится для него не более чем необходимым инструментом²¹.

Суверенитет определенно сочетает в себе господство и служение, чем и оправдыва-

ет свое тождество со справедливостью. Господство же основывается на авторитете и насилии, служение — на самопожертвовании и долге. Вслед за Полибием Вико прослеживает долгий исторический процесс политических превращений и форм суверена и основу всякой государственности усматривает во врожденной слабости отдельного человека, его политика, как и у Макиавелли, антропологична. Может быть, поэтому и древнейшая форма государственности — это единовластие, и именно к ней неизбежно и все время возвращаются исторические циклы политического? Черты же справедливости и возвышенности этой форме придает царская власть; у Вико понятие долга, так же как и у Полибия, является началом и концом всякой политической справедливости. (У Полибия, правда, монархия и тирания отличаются от царской власти, сохраняя, однако, для себя эту политическую форму как некий идеальный тип.) Но если понимать долг вообще как первооснову человеческих отношений, то «складывается неприятное ощущение, что человеческие отношения — грязное дело в принципе, и что наша ответственность по отношению друг к другу так или иначе всегда основана на грехе и преступлении»²². Но на этапе царской власти заканчивается период поступательного естественного развития государственности и начинается череда только «простых» и банальных форм государственного устройства, давно уже перечисленных Аристотелем.

Что же касается демократии, в которой понастоящему «человеческого» было более всего, ее разложение начинается уже в третьем поколении (Полибий), когда демагоги окончательно разлагают народ, порождая власть толпы. В образовавшейся охлократии лидеры стремятся лишь к неограниченной личной власти, и тогда в результате вновь возникает правление одного, при этом ни Полибий, ни Вико так и не уточняют, будет это правление монархией или тиранией. Во всяком случае, с этого момента цикл превращений начинается сызнова: внешние формы правления постоянно меняются, суверен же остается и вечно присутствует, меняя только свои маски.

²⁰ Там же. С. 440.

²¹ Новалис. Вера и любовь // Фрагменты. СПб., 2014. С. 139–141.

²² Гребер Д. Долг: первые 500 лет истории. М. : Ад Маргинем, 2015. С. 213.

Литература

1. Агамбен Д. Средства без цели. Заметки о политике / Д. Агамбен. М. : Гилея, 2015. 148 с.
2. Берлин И. Подлинная цель познания / И. Берлин. М. : Канон +, 2002. 800 с.
3. Больц Н. Размышления о неравенстве / Н. Больц. М. : Издательский дом ВШЭ, 2014. 272 с.
4. Виат О. Жозеф де Местр / О. Виат // Жозеф де Местр. Санкт-Петербургские вечера. СПб. : Алетейя, 1998. 733 с.
5. Вико Д. Основания новой науки об общей природе наций / Д. Вико ; пер. и комм. А.А. Губера. Л. : Художественная литература, 1940. 619 с.
6. Гребер Д. Долг: первые 500 лет истории / Д. Гребер. М. : Ад Маргинем, 2015. 528 с.

7. Де Местр Ж. Рассуждения о Французской революции / Ж. де Местр. М. : РОССПЭН, 1997. 216 с.
8. Зеллин Ф. Политика / Ф. Зеллин // Словарь основных исторических понятий : избранные статьи : в 2 т. ; пер. с нем. К. Левинсон ; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле ; научн. ред. пер. Ю. Арнаутова. М. : Новое литературное обозрение, 2014. Т. 1. С. 454–455.
9. Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития / Р. Иеринг ; пер. с 3-го испр. нем. изд. СПб. : Тип. В. Безобразова и Ко, 1875. Ч. 1. 321 с.
10. Кортес Д. Сочинения / Д. Кортес. СПб. : Владимир Даль, 2006. 627 с.
11. Новалис. Вера и любовь и политические афоризмы / Новалис // Фрагменты ; пер. с нем. А.Л. Вольский. СПб. : Владимир Даль, 2014. С. 137–138.
12. Сиоран Э.М. Испытание существованием / Э.М. Сиоран. М. : Республика, 2003. 431 с.

References

1. Agamben G. Sredstva bez tseli. Zametki o politike [Means Without End: Notes on Politics] / G. Agamben. Moskva : Gileya — Moscow : Hylea, 2015. 148 s.
2. Berlin I. Podlinnaya tsel poznaniya [The True Aim of Cognition] / I. Berlin. Moskva : Kanon + — Moscow : Kanon +, 2002. 800 s.
3. Bolz N. Razmy'shleniya o neravenstve [Thoughts on Inequality] / N. Bolz. Moskva : Izdatelskiy dom VShE — Moscow : publishing house of the HSE, 2014. 272 s.
4. Viatte A. Joseph de Maistre / A. Viatte // Joseph de Maistre. Sankt-Peterburgskie vechera [The Saint Petersburg Dialogues]. Sankt-Peterburg : Aleteyya — Saint Petersburg : Aleteyya, 1998. 733 s.
5. Vico G. Osnovaniya novoy nauki ob obschey prirode natsiy ; per. i komm. A.A. Gubera [Fundamentals of the New Science of the General Theory of Nations ; translated and commented by A.A. Guber] / G. Vico. Leningrad : Khudozhestvennaya literatura — Leningrad : Fiction, 1940. 619 s.
6. Graeber D. Dolg: pervy'e 500 let istorii [Debt: The First 500 Years] / D. Graeber. Moskva : Ad Marginem — Moscow : Ad Marginem, 2015. 528 s.
7. De Maistre J. Rassuzhdeniya o Frantsuzskoy revolyutsii [Considerations on the Revolution in France] / J. de Maistre. Moskva : ROSSPEN — Moscow : POLITICAL ENCYCLOPEDIA, 1997. 216 s.
8. Sellin F. Politika [Politics] / F. Sellin // Slovar osnovny'kh istoricheskikh ponyatiy ; izbranny'e statyi : v 2 t. / per. s nem. K. Levinson ; sost. Yu. Zaretsky, K. Levinson, I. Shirle ; nauchn. red. per. Yu. Arnautova [Dictionary of the Main Historical Notions : selected articles : in 2 vol. / translated from German by K. Levinson ; compiled by Yu. Zaretsky, K. Levinson, I. Shirle ; scientific editor and translator Yu. Arnautov]. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie — Moscow : New Literary Overview, 2014. Vol. 1. S. 454–455.
9. Jhering R. Dukh rimskogo prava na razlichny'kh stupenyakh ego razvitiya per. s nem. ; 3-e ispr. izd. [The Spirit of the Roman Law on Various Development Stages ; translated from German. 3rd edition, revised] / R. Jhering. Sankt-Peterburg : Tip. V. Bezobrazova i Ko — Saint Petersburg : Printing office of V. Bezobrazov and Co, 1875. Part 1. 321 s.
10. Cortes J. Sochineniya [Writings] / J. Cortes. Sankt-Peterburg : Vladimir Dal — Saint Petersburg : Vladimir Dal, 2006. 627 s.
11. Novalis. Vera i lyubov i politicheskie aforizmy' [Political Aphorisms, Faith and Love] / Novalis // Fragmenty' ; per. s nem. A.L. Volskiy [Fragments ; translated from Germany by A.L. Volskiy]. Sankt-Peterburg : Vladimir Dal — Saint Petersburg : Vladimir Dal, 2014. S. 137–138.
12. Cioran E.M. Iskushenie suschestvovaniem [The Temptation to Exist] / E.M. Cioran. Moskva : Respublika — Moscow : Republic, 2003. 431 s.

DOI:10.18572/1812-3805-2018-4-11-14

Учение о правовом статусе личности и возможности ограничения прав и свобод индивида во взглядах представителей школы юридического позитивизма конца XIX — начала XX в.

*Маюров Павел Николаевич,
аспирант 2 курса юридического факультета
кафедры теории истории государства и права
Университета при Межпарламентской Ассамблее
Евразийского экономического сообщества (МПА ЕврАзЭС)
mayurov2010@mail.ru*

В статье рассматриваются особенности положений школы юридического позитивизма конца XIX — начала XX в. Изучаются вопросы толкования права и значения прав и свобод личности. Изучается проблематика взаимосвязи позитивистского подхода к пониманию права и ограничения прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: нормативизм, юридический позитивизм, К. Бергом, право, закон, личность, ограничение прав, политические права, выборы.

The Doctrine on the Legal Status of an Individual and a Possibility to Limit the Individual's Rights and Freedoms from the Standpoints of Representatives of the Legal Positivism School of the Late XIX to the Early XX Century

*Mayurov Pavel N.
2nd Year Postgraduate Student of the Law Faculty of the Department
of Theory and History of State and Law of the University associated
with the Interparliamentary Assembly of the Eurasian Economic Community (IA EAEC)*

The article considers the peculiarities of the regulations of the school of legal positivism in the late XIX — early XX centuries. The author studies questions of interpretation of law and values the rights and freedoms of the individual. We study the interrelation between the positivist approach to understanding the rights and restrictions of the rights and freedoms of man and citizen.

Keywords: normativism, legal positivism, K. Berg, right, law, person, limitation of rights, political rights, elections.

Во второй половине XIX в. в странах Западной Европы формируется характерное для буржуазного строя гражданское общество. Исчезают остатки феодальных привилегий, пережитки институтов крепостного права, отдельные из которых сохранялись в отдельных местностях Австро-Венгрии, Испании и даже Германской империи. При этом сословное деление в отдельных странах не было отменено и сохранялось вплоть до XX в. Например, дворянство Германии, Австрии, Великобритании и др. Особыми сословными правами пользовались представители духовенства. Но сословная градация в конце XIX — начале XX в. не имела под собой значительного правового основания. Сословия сохраняли в значительной степени номинальное значение.

Формируется единое гражданское общество. Граждане и подданные европейских государств приобретают основные базовые личные и гражданские права, составившие основу современного правового статуса личности: право на жизнь, свободу, личную неприкосновенность, собственность, семью, свободу передвижения, свободу выбора профессии и творчества и др. При этом данные права, лежащие в основе норм частного права, должны были иметь гарантии в области публично-правового регулирования, что было связано с возможностями законной защиты и борьбы за свои права. В данный период были широко распространены движения на защиту прав женщин, социальные преобразования, всеобщее избирательное право и др. Следующим новшеством в данный период ста-

ло требование деятельного вмешательства государства в экономические отношения с целью поддержания определенного уровня жизни, предоставления государственных гарантий на случай нетрудоспособности, материнства и т.п. В данный период этот вопрос уже не был связан с соблюдением норм христианской морали, нравственности и т.п. Необходимость принятия подобных норм была продиктована прагматическим интересом регулирования экономических отношений в условиях монополистического производства и заигрывания перед избирателями. По мере расширения избирательного права все большее значение приобретает необходимость нормативного закрепления социальных гарантий, реализация которых стала важной частью государственной политики.

В юридической мысли были распространены разные школы, которые по-разному оценивали правовую природу правового статуса личности: позитивизм, естественное право, социологическая, материалистическая и многие другие. Положения представителей данных школ, их концепции и принципы, а также методология были отражены в нормах действующего законодательства, что оказывало решающее влияние на правовой статус личности.

В основе большинства юридических школ рассматриваемого периода лежали принципы юридического позитивизма. Сторонниками юридического позитивизма были М. Амос, Г.В.Ф. Гегель, Ш. Демоломб, А. Дюрантон, Э.Ч. Кларк, В. Маркой, Э. Рогэн, Д. Сальмонд, Т. Холланд, А. Эсмен и др. Направление позитивизма было достаточно разнообразным и включало представителей этатизма, нормативизма и др. Опираясь на позицию О. Конта, К. Бергом отстаивал позицию о том, что право должно иметь дело только с реально существующими общественными отношениями и сложившимся социальным, экономическим, политическим, культурным, религиозным укладом в конкретном обществе. Необходимо исследовать только уже существующие нормы права, а не то право, которое является желательным или предполагаемым, чем отличались сторонники исторической школы права и школы естественного права. Идеи народного духа или подтверждения прав и свобод не находят своего повреждения в реальной действительности. Право заключено в существующих источниках (формах) права. Правотворческая деятельность государства является единственным по своей сути источником права. Даже в случае с нормами обычаев, религии и т.п. они приобретают значение правовых только после их санкционирования государством, именно государство формирует корпус источников права¹.

¹ McLeod I. *Legal Theory*. London : Palgrave, 1999. P. 36.

Право лишь то, что действует и объективировано в определенной форме². Право закончено и беспробельно, поскольку за пределами норм, зафиксированных в корпусе источников права, никаких иных норм не существует. Положение о должном праве, базовым принципам которого нормы писаного права должны соответствовать, абсурдно, поскольку если признать данное положение, то итогом станет только анархия³. Суд не может отказаться от вынесения решения, ссылаясь на неясности в законе⁴. Право строится в логически непротиворечивую систему, и одни нормы права должны следовать из других, образуя сложное иерархически организованное единство. Право частное и публичное составляет содержание позитивного права, и только в результате этого и становится действующим правом⁵. Положения естественного права, права народов, в значительной степени нормы дипломатии и международного права являются всего лишь философскими положениями и не более того. Источник права проистекает из реализации суверенитета государственной власти⁶. Неясности в применении нормы права могут быть преодолены путем издания новых норм или редакции существующих, а также в результате различных способов толкования нормативных предписаний⁷.

Достоинства юридического позитивизма несомненны — это единообразие в реализации нормативных предписаний и создание стройной логически непротиворечивой системы норм. Но при этом само государство, как творец норм права, изначально предполагается правовым. В ситуации, когда речь идет о монархическом характере государственной власти, никакой сложности в данной конструкции нет. Бог дарует власть монарху, тот использует свою власть в соответствии с данным божественным провидением. Плохой закон, нарушение действующих нормативных предписаний самим главой государства может рассматриваться также, как божественное провидение, как кара бо-

² Bergbohm C. *Jurisprudenz und Rechtsphilosophie*. Berlin : Duncker & Humblot, 1892. Т. I. S. 90.

³ Ibid. S. 102.

⁴ Code civil 1804 // Французский гражданский кодекс 1804 г. С позднейшими изменениями до 1939 г. / пер. И.С. Перетерского. М. : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1941. С. 4.

⁵ Cabantous L.P.F., Liegeois J. *Répétitions écrites sur le droit administratif*. Paris : Librairie A. Marescq Ainé, A Chevalier-Marescq, successeur, 1881. P. 112.

⁶ Austin J. *Lectures on Jurisprudence, or the Philosophy of positive Law*. London : J. Murray, 1885. P. 90.

⁷ Shuman S.I. *Legal positivism, its scope and limitations*. Detroit : Wayne State University Press, 1963; Hart H.L.A. *The Concept of Law* / ed. J. Raz, P.A. Bulloch. 2nd ed. Oxford : Clarendon Press, 1994.

ж्या. Рациональность соединяется с иррациональностью в обосновании необходимости соблюдения норм права. При этом в правлении божественные заповеди не должны нарушаться, это и придает легитимность нормативным предписаниям.

В эпоху XIX в. легитимность действия нормативным актам, издаваемым государством, его органами и должностными лицами, придается путем их соответствия основным, органическим законам страны и, соответственно, конституции государства. Но вот уже в данных нормативных актах и заключались нормы, содержащие положения об основных неотчуждаемых правах и свободах человека, взаимной ответственности государства и личности, свободе и частной собственности, политических правах, религии, равенстве или сословиях и т.п.⁸

Но позиция юридического позитивизма заключалась в том, что вот именно данные «основные» нормы и определяют весь правовой порядок в стране. Отсутствие формального закрепления тех или иных прав и свобод однозначно свидетельствует о том, что они отсутствуют. Но возможны отсылки к международным соглашениям или нормам канонического права. Отсылка к нормам религии однозначно свидетельствует о том, что данный вопрос должен регулироваться конкретными нормами канонического права, что например, приводило к ограничению действия норм светского законодательства по определенным вопросам.

Человек является физическим лицом, субъектом права. Нормы законодательства и иных источников права определяют особенности его правового статуса. При этом возможен как деспотизм монархической власти, так и деспотизм парламента. Необходимо соблюдать основные законы страны, и только органы исполнительной власти на практике способны обеспечить их исполнение⁹. Необходимо равенство всех перед законом. Наличие индивидуальных прав ограничивает произвол со стороны государства. Равенство — это только равная правоспособность и равная обязанность нести публичные повинности в пользу государства и равная необходимость соблюдения законов и нарушения прав иных лиц.

При этом всеобщность понималась только как предоставление равных прав лицам, которые обладают равной способностью к их реализации. Женщины, наемные рабочие, лица, не имеющие значительного капитала или дохода, не свободны в реализации своих прав. Только налогоплательщики, т.е. лица, чьи трудом и доходами государ-

ство получает материальные ресурсы для своего существования. Равенство для юридического позитивизма XIX в. имело коренные отличия от понимания его действительной всеобщности прав и свобод человека и гражданина в юриспруденции XXI в. Демократия должна быть представительной. Депутаты не должны быть ответственны перед избирателями. Фактически это было больше похоже на своеобразное аристократическое правление, при котором значительная часть общества лишена политических прав.

Но данный фактор был необходим, поскольку представители школы юридического позитивизма отождествляли государство и правовой порядок. Государство и есть воплощенный правовой порядок. Именно государство формирует корпус норм права, действующий в стране. Нет иных норм, кроме тех, что исходят от государства. Нормы основных, органических законов определяют содержание текущего законодательства в стране. Но если в стране нет иного источника для формирования норм права, кроме воли государственной власти, то кто будет определять его содержание? Депутаты и члены представительных органов власти, однопалатных и двухпалатных парламентов, легислатур, муниципальных советов и т.п. формируют корпус норм права, действующих в стране. От их воли зависит содержание основных законов государства. В результате на практике в содержании данных норм можно теоретически прописать любые правила. В том случае, если данные правила были приняты полномочным на то органом государственной власти или должностным лицом при соблюдении должной правовой процедуры, они будут действовать безотносительно к их содержанию. Нормативные акты с более низкой юридической силой должны соответствовать актам с большей юридической силой. Но если меняются органические законы, то вслед за их изменением должна трансформироваться вся правовая система страны.

С позиций юридического позитивизма любой подобный нормативный акт является правовым. Но если законы будут приниматься всеми представителями общества, в том числе теми, кто не имеет средств для существования и не является налогоплательщиком, находится под властью иного лица, например наемные рабочие, женщины и т.п., то функционирование системы государственной власти может быть поставлено под угрозу. Люди не равны между собой по интеллекту, желанию участвовать в политической деятельности, существуют различия между полами и гендерные роли и т.п. В результате ограничение прав одних лиц и предоставление привилегий по политическому участию в жизни страны составляют одну из основ теоретических положений школы юриди-

⁸ Конт О. Дух позитивной философии. СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2001.

⁹ Эсмен А. Общие основания конституционного права. СПб. : Изд. О.Н. Попова, 1909.

ческого позитивизма. Сторонники школы юридического позитивизма занимали ведущее положение в аппарате государственной власти в странах Западной Европы конца XIX — начала XX в. Они по своим убеждениям могли быть либералами, консерваторами, националистами и сторонниками многих иных политических течений. Но их объединяло понимание государства как воплощенного правопорядка и основы для всей общественной жизни страны, и управлять государством могут только лица, отвечающие определенным критериям, связанным со стремлением сохранить, а не разрушить существую-

щий государственный и общественный строй. Предоставление политических прав широким слоям общества может поставить под угрозу его существование. Ни один из сторонников юридического позитивизма не выступал за предоставление политических прав всем полностью правоспособным и дееспособным членам-гражданам, что характерно для воззрений современной юридической науки. Кроме того, нельзя забывать и тот фактор, что обладание колониальными империями накладывало объективные ограничения на возможность предоставления всеобщих политических прав жителям колоний.

Литература

1. Конт О. Дух позитивной философии / О. Конт. СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2001. 162 с.
2. Эсмен А. Общие основания конституционного права / А. Эсмен ; под ред. Н.О. Бер. 2-е изд. СПб. : Изд. О.Н. Попова, 1909. 461 с.

References

1. Austin J. Lectures on Jurisprudence, or the Philosophy of Positive Law / J. Austin ; int. R. Campbell. London : J. Murray, 1885. 1132 s.
2. Bergbohm C. Jurisprudenz und Rechtsphilosophie: Kritische Abhandlungen / S. Bergbohm. Berlin : Duncker & Humblot, 1892. T. I. 566 s.
3. Cabantous L.P.F. Répétitions Écrites sur le Droit Administrative / L.P.F. Cabantous, J. Liegeois. Paris : Librairie A. Marescq Ainé, A Chevalier-Marescq, successeur, 1881. 1122 s.
4. Code Civil 1804 // Frantsuzskiy grazhdanskiy kodeks 1804 g. S pozdneyshimi izmeneniyami do 1939 g. ; per. I.S. Peretersky [The French Civil Code of 1804. With Further Amendments till 1939 ; translated by I.S. Peretersky]. Moskva : Yuridicheskoe izdatelstvo NKYu SSSR — Moscow : Legal publishing house of the People's Commissariat for Justice of the USSR, 1941. 471 s.
5. Hart H.L.A. The Concept of Law / H.L.A. Hart ; ed. J. Raz, P.A. Bulloch. 2nd ed. Oxford : Clarendon Press, 1994. 327 s.
6. McLeod I. Legal Theory / I. McLeod. London : Palgrave, 1999. 204 s.
7. Shuman S.I. Legal Positivism: Its Scope and Limitations / S.I. Shuman. Detroit : Wayne State University Press, 1963. 265 s.
8. Conte O. Spirit of positive philosophy/ O. Conte. Saint-Petersburg, 2001. 162 s.
9. Ademar E. The General grounds of constitutional rights / E. Ademar. Saint-Petersburg, 1909. 461 s.

DOI:10.18572/1812-3805-2018-4-15-18

Законодательное определение понятий «срок» и «исковая давность» стран бывшего СССР

Захаров Василий Вячеславович,
 аспирант кафедры гражданского права
 Уральского государственного юридического университета
 zaharovvv92@mail.ru

В статье анализируется законодательство стран ближнего зарубежья о гражданско-правовых сроках. Дается краткая характеристика нормативных актов, определяющих понятия «срок» и «исковая давность».

Автором анализируется зарубежное законодательство, связанное с гражданско-правовыми сроками в иностранных государствах, таких как Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Казахстан, Киргизия, Молдова, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина.

Ключевые слова: сравнительный анализ, частное право, время, гражданско-правовые сроки, исковая давность.

Legislative Definition of the "Term" and "Limitation of Action" Notions in the Former Soviet Union

Zakharov Vasily V.
 Assistant Professor of the Department of Civil Law of the Ural State Law University

The article analyzes the legislation of civil law terms of the Baltic and CIS Countries, reviews theoretical concepts related to conceptual framework development in this sphere. The author gives brief characteristics of statutory regulations of "civil law terms" and "limitation of actions".

The author analyzes foreign legislation related of civil law terms in foreign countries such as Azerbaijan, Armenia, Belarus, Georgia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Moldova, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan, Ukraine.

Keywords: comparative analysis, private law, time, civil law terms, limitation of actions.

Сроки в гражданском праве всегда являлись объектом пристального внимания среди научно-го сообщества. Данная категория не исчезла из поля зрения ученых, несмотря на постепенное совершенствование законодательства и повышенное внимание к ней со стороны законодателя.

В отечественном гражданском законодательстве существует довольно-таки широкий объем норм, посвященных гражданско-правовым срокам. Вместе с тем на сегодняшний день законодателем не дано определение одной из фундаментальных категорий гражданского права — гражданско-правовому сроку.

Стоит признать, что несмотря на то, что сроки играют существенную роль для гражданского права в целом, данное понятие не нашло свое истинное и подлинное правовое исследование на предмет сущностных (содержательных) характеристик данной правовой категории.

В свою очередь отсутствие легального термина «срок» в базовом документе, содержащем нормы гражданского права, значительно усложняет понимание данного термина и способствует развитию различных подходов к толкованию в доктрине гражданского права.

В российском гражданском праве срокам посвящен подраздел 5 Гражданского кодекса РФ¹ (далее — ГК РФ).

Данный подраздел начинается со ст. 190, которая именуется «Определение срока». Может возникнуть убеждение, что отечественный законодатель в данной статье дает легальное определение понятия «срок». На самом же деле в указанной статье содержатся правила установления сроков.

Под определением срока в статье имеются в виду способы его установления: календарная дата, истечение периода времени, указание на событие, которое неизбежно должно наступить².

Для усовершенствования механизма правового регулирования отношений, которые возникают на основании гражданско-правовых сроков, следует провести сравнительно-правовой анализ этой категории по гражданскому за-

¹ Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Рос. газ. 1994. 8 дек.

² Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (учебно-практический) / под ред. С.А. Степанова. 4-е изд. М.: Проспект; Екатеринбург: Институт частного права, 2015. С. 267.

конодательству стран бывшего СССР. Особенностью гражданского законодательства стран бывшего СССР является то, что нормы имеют некогда общую правовую доктрину и схожее законодательство.

Схожесть законодательства порой становится полностью идентичной, в том числе и в вопросах регулирования правил определения сроков и понятия исковой давности. Ряд гражданских кодексов полностью совпадает с положениями ГК РФ: это Гражданский кодекс Республики Армения (ст. 326, 331)³, Гражданский кодекс Республики Беларусь (ст. 191, 196)⁴ и Гражданский кодекс Киргизской Республики (ст. 207, 211)⁵.

Иные подходы к исследуемым вопросам можно обнаружить в законодательстве *Украины*. Законодатель Украины в своем Гражданском кодексе⁶, в п. 1 ст. 251, предусмотрел легальное определение «срока», под которым понимается определенный период во времени, с истечением которого связано действие или событие, которое имеет юридическое значение. Тем самым согласно украинскому подходу прямо указывается на выполняемую функцию срока — функцию юридического факта.

Применительно к исковой давности в силу п. 1 ст. 256 ГК Украины исковая давность — это срок, в границах которого лицо может обратиться в суд с требованием о защите своего гражданского права или интереса. Как видно из данного определения, украинский законодатель нашел несколько иной подход к пониманию исковой давности. В определении исковой давности связывается право обращения лица в суд с требованием о защите своего гражданского права или интереса. Термин «обращение» («лицо может обратиться») вкладывается сугубо материально-правовое содержание. Это соответствует пониманию исковой давности в гражданском законодательстве Украины как института материального права.

В Гражданском кодексе *Республики Казахстан*⁷ легального определения понятия «срок»

не содержится. Нормы ст. 172 ГК Республики Казахстан, по сути, являются аналогичными с нормами отечественного законодательства.

Согласно п. 1 ст. 172 ГК Республики Казахстан срок, установленный законодательством, сделкой либо назначаемый судом, определяется календарной датой или указанием на событие, которое должно неизбежно наступить. Срок может устанавливаться так же, как период времени, который исчисляется годами, месяцами, неделями, днями или часами (п. 2 ст. 172 ГК Республики Казахстан).

Однако в кодексе предусмотрено легальное определение исковой давности. В соответствии с п. 1 ст. 177 (которая так и звучит «Понятие исковой давности») ГК Республики Казахстан исковая давность — это период времени, в течение которого может быть удовлетворено исковое требование, возникшее из нарушений права лица или охраняемого законом интереса.

Тем самым законодатель Республики Казахстан обращает внимание, что исковая давность является периодом времени и, как следствие, гражданско-правовым сроком. Отличительной особенностью данного определения можно считать акцент на процессуальную составляющую исковой давности. На это обстоятельство указывает словосочетание «исковое требование».

В соответствии со ст. 145 ГК Республики Узбекистан⁸ установленный законодательством или сделкой, а также назначаемый судом срок определяется календарной датой или истечением периода времени, который исчисляется годами, месяцами, неделями, днями или часами. Срок может определяться также указанием на событие, которое должно неизбежно наступить.

В ст. 149 ГК Республики Узбекистан дается легальное определение понятия исковой давности. Исковая давность — это срок, в пределах которого лицо может защитить свое нарушенное право путем предъявления иска. Тем самым можно заключить, что принципиально отличных подходов к правилам определения сроков и исковой давности законодатель Республики Узбекистан не использует.

Принципиально отличными являются нормы Гражданского кодекса *Азербайджанской Республики*⁹.

⁸ Гражданский кодекс Республики Узбекистан от 1 марта 1997 г. // Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан. 1997. Прил. № 2.

⁹ Гражданский кодекс Азербайджанской Республики от 28 декабря 1999 г. № 771Г // Собрание законодательства Азербайджанской Республики. 2000. № 4. Кн. I. Ст. 250.

³ Гражданский кодекс Республики Армения от 17 июня 1998 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.competition.am/uploads/resources/qorensirkRUS.pdf> (дата обращения: 05.12.2017).

⁴ Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-3 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.pravo.kulichki.com/vip/gk/index.htm> (дата обращения: 05.12.2017).

⁵ Гражданский кодекс Кыргызской Республики (часть 1) от 8 мая 1996 г. № 15 // Ведомости Жогорку Кенеша Кыргызской Республики. 1996. № 6. Ст. 80.

⁶ Гражданский кодекс Украины от 16 января 2003 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://meget.kiev.ua/kodeks/grazhdanskiy-kodeks/> (дата обращения: 05.12.2017).

⁷ Гражданский кодекс Республики Казахстан от 27 декабря 1994 г. Общая часть // Ведомости Верховного Совета Республики Казахстан. 1994. № 23–24.

Так, одноименной кодекс данной республики содержит ст. 367, которая именуется как «Понятие срока». Согласно ст. 367.1 ГК Азербайджанской Республики сроком является время, с которым связаны возникновение, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей.

Следовательно, как и законодатель Украины, в ГК Азербайджанской Республики указывается, что срок является юридическим фактом. Однако, помимо этого, отличительной особенностью является определение срока через более общую категорию времени. С точки зрения формальной логики и соотношения понятий следует считать данное определение наиболее правильным.

Далее следуют нормы, посвященные непосредственно определению срока (то, что содержится в ст. 190 ГК РФ).

На основании ст. 367.2 установленный сделкой или назначаемый судом срок определяется календарной датой или истечением периода времени, который исчисляется годами, месяцами, неделями, днями или часами. Срок может определяться также указанием на событие, которое должно неизбежно наступить (ст. 367.3 ГК Азербайджанской Республики).

Что касается понятия исковой давности, то ГК Азербайджанской Республики посвящена отдельная статья, именуемая «Понятие исковой давности», которая содержит традиционное понимание данной категории. В соответствии со ст. 372.2 исковой давностью признается срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено.

В Гражданском кодексе Республики Молдова¹⁰, в ст. 259, содержится особенность, касающаяся определения срока.

В п. 2 данной статьи указывается, что независимо от оснований установления срока исчисляются в порядке, установленном настоящим разделом.

Что касается понятия исковой давности, то конкретной статьи, посвященной понятию исковой давности в ГК Республики Молдова нет, однако данное понятие можно сформулировать исходя из содержания п. 1 ст. 267 ГК Республики Молдова, которая называется «Общий срок исковой давности». Так, в соответствии с п. 1 ст. 267 ГК Республики Молдова общий срок, в течение которого лицо может защитить свое нарушенное право путем подачи иска в судебную инстанцию, составляет три года.

¹⁰ Гражданский кодекс Республики Молдова от 6 июня 2002 г. [Электронный ресурс] // URL:<http://www.gk.md.ru> (дата обращения: 05.12.2017).

Таким образом, исковой давностью можно считать срок, в течение которого лицо может защитить свое нарушенное право путем подачи иска в судебную инстанцию.

В Гражданском кодексе Республики Таджикистан¹¹ имеются нормы как об определении срока, так и о понятии исковой давности.

Согласно ст. 215 ГК Республики Таджикистан правила определения срока совпадают с правилами ГК РФ. Совсем иным образом обстоит дело с понятием исковой давности.

На основании п. 1 ст. 220 ГК Республики Таджикистан исковая давность — это период времени, в течение которого может быть удовлетворено исковое требование, возникшее из нарушений права лица или охраняемого законом интереса. Таким образом, как и в большинстве гражданских кодексов, в ГК Республики Таджикистан исковая давность определяется через понятие срока.

В Гражданском кодексе Туркменистана¹² норм, касающихся понятия срока, не содержится.

Вместе с тем в п. 1 ст. 147 ГК Туркменистана указывается отличное от других понятие исковой давности: право требовать от другого лица совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения ограничивается сроком давности. Можно констатировать, что в данном понятии прослеживается отчетливое материально-правовое содержание: исковая давность понимается как субъективное право лица.

В Гражданском кодексе Грузии¹³ есть нормы о правилах исчисления сроков. Понятие «срок» ГК Грузии не содержит.

Что касается исковой давности, то на основании п. 1 ст. 128 ГК Грузии на право требования у другого лица совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения распространяется срок давности.

Подводя итог, можно констатировать, что и в вопросах определения сроков, и в вопросах понятия сроков и исковой давности нормы законодательства стран бывшего СССР имеют свои собственные подходы и взгляды. Однако следует признать, что более четкая регламентация норм, посвященных гражданско-право-

¹¹ Гражданский кодекс Республики Таджикистан от 30 июня 1999 г. (часть первая) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 1999. № 6.

¹² Гражданский кодекс Туркменистана Сепармурата Туркменбаши от 17 июля 1998 г. // Ведомости Меджлиса Туркменистана. 1998. № 2. Ст. 39.

¹³ Гражданский кодекс Грузии от 26 июня 1997 г. [Электронный ресурс] // URL:<http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1259884> (дата обращения: 05.12.2017).

вым срокам в ГК РФ, обеспечит стабильность гражданско-правового регулирования и устойчивость гражданского оборота.

Аккумулируя положительные моменты из законодательства анализируемых стран, предлагается внести изменения в ГК РФ и дополнить его нормой о понятии срока. Внести изменения целесообразнее в ст. 190 ГК РФ.

Выглядеть она будет следующим образом:

«Статья 190. Понятие и определение срока

Сроком являются промежутки времени, с наступлением которых связаны возникновение, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей.

Установленный законом, иными правовыми актами, сделкой или назначаемый судом срок определяется календарной датой или истечением периода времени, который исчисляется годами, месяцами, неделями, днями или часами.

Срок может определяться также указанием на событие, которое должно неизбежно наступить».

Говоря о понятии исковой давности, стоит резюмировать, что действующая редакция ст. 195 ГК РФ в полной мере отвечает требованиям юридической техники и, как следствие, не подлежит каким-либо изменениям.

Литература

1. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (учебно-практический) / под ред. С.А. Степанова. 4-е изд. М.: Проспект; Екатеринбург: Институт частного права, 2015. 1616 с.

References

1. Kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (uchebno-prakticheskiy); pod red. S.A. Stepanova. 4-e izd. [Commentary to the Civil Code of the Russian Federation (educational and practical); edited by S.A. Stepanov. 4th edition]. Moskva: Prospekt; Ekaterinburg: Institut chastnogo prava — Moscow: Prospekt; Ekaterinburg: Institute of Private Law, 2015. 1616 s.
-

DOI:10.18572/1812-3805-2018-4-18-23

Законотворческие принципы и законодательная власть российских императоров

*Юртаева Евгения Анатольевна,
доцент кафедры теории государства и права
имени Г.В. Мальцева Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник
yurtaeva_ea@ranepa.ru*

В статье представлено обозрение основополагающих начал законодательного регулирования социальной жизни в России в императорский период. В продолжение двухсотлетнего периода возникали и самобытно разрешались важнейшие теоретические и практические проблемы в законодательной деятельности. Законодательная политика и правоприменительная практика в монархическом государстве не могли формироваться иначе, как по решению императора. Однако российский император выступал не только как институт власти, но являл собой другие ипостаси, в том числе как субъект властвования в интересах и для блага подданных. Отсюда вытекала принципиальная значимость содержания утверждаемых императором законов, и постепенно формировались представления о законности, человеческом достоинстве и чести.

Ключевые слова: монархическая власть, нормативный регулятор, законотворчество, закон, правовой обычай, обычное право, гуманизм, государственный интерес, общественное благо.

Law Making Principles and the Legislative Power of the Russian Emperors

Yurtaeva Evgenia A.

Assistant Professor of the G.V. Maltsev Department of Theory of State and Law

of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Candidate of Legal Sciences

Senior Research Scientist

The article presented review the basic principles of legislative regulation of social life in Russia during the imperial period. In the course of two hundred years the most important theoretical and practical problems in legislative activity arose and were solved in an original way. Legislative policy and law enforcement practice in a monarchical state could not be formed otherwise than by the decision of the emperor. However, the Russian emperor acted not only as an institution of power, but he represented other hypostases. The emperor was the subject of ruling for nationals benefit. This had the effect of fundamental importance the contents of laws which approved by the emperor, and gradually form an idea of the rule of law, human dignity and honor.

Keywords: *monarchical power, legal regulation, lawmaking, law, legal custom, customary law, humanism, state and public interests, public good.*

Цели и смысл законотворчества как государственной деятельности проистекают из задач государственного властвования. В Российской империи фактически формирующееся позитивное право — правовые нормы, которые материализовывались в законах, — было следствием исторически сложившихся обычно-правовых отношений, фиксировало их, закрепляло, «освящало» авторитетом императорской власти и служило способом, которым власть воздействовала на социальный порядок с тем, чтобы государство пришло «в цвет великого богатства» и «торжествовала... довольность народная»¹. Эта тенденция (несмотря на то, что в Петровское время, в начале XVIII в., она подверглась серьезному испытанию) сохранялась в течение всей истории императорской России.

Главный принцип российского монархического властвования в законодательной сфере заключался в том, что роль императора не исчерпывалась функционированием его как главы государства. В фигуре императора были персонифицированы государство как институциональная система, но одновременно и страна, и народ. В личности главы государства концентрировался не только властитель — правящий субъект, но и одновременно представитель народа, действующий вместо народа и в интересах народа. Соответственно, одной из главных обязанностей главы государства была забота о благе подданных. Нужно заметить, что такая «забота» отнюдь не была только номинальным требованием или атрибутом самодержавной власти монарха. «Царь Отечества» и «батюшка» Петр I, «ма-

тушки-властительницы» Екатерина I, Анна Иоанновна, Елизавета Петровна, Екатерина II создавали акцентированный образ главы государства — опекуна, заботящегося о своих подданных. Отметим также и то, что монархическое единовластие императора не создавало препятствий для того, чтобы при осуществлении функций государственного управления, включая законодательство, императоры привлекали к этой деятельности специальных лиц или учреждения. В разные годы «соучастниками» монархической власти при отправлении законодательных прерогатив становились Правительствующий сенат, Верховный тайный совет, Кабинет министров, Кабинет Ее Императорского Величества, Конференция при высочайшем дворе и др. Все эти учреждения в разной степени участвовали в подготовке законодательных актов, в их принятии, не говоря о высшем контроле над администрацией и судом. Несмотря на то что основной задачей этих собраний высших государственных администраторов была оперативная и конфиденциальная работа, они порой действовали как политические институты. При всем разнообразии решаемых задач деятельность таких «соучастников» императора при осуществлении им законодательной функции не порождала и не могла породить вопрос (единичное исключение лишь подтверждает общее правило) об ограничении или о фактической ограниченности самодержавной власти царя, а результатом деятельности нередко становился более высокий уровень теоретической и содержательной проработанности законодательных нововведений.

Вообще законодательная деятельность в России как функция власти развивалась в весьма специфических условиях, поскольку

¹ Куракин Б.И. История о Петре I и ближних к нему людях. 1682–1685 гг. // Русская старина. 1890. № 10. С. 238.

ку в политической и социальной жизни в императорской России место и значение права и закона были особенными. Важнейшей особенностью следует считать то, что закону, санкционированному государством, долгое время ни по социальному значению, ни по юридической силе не уступал обычай. Обычай был законом, причем законом приоритетного значения для регулирования отношений у населения с традиционным укладом жизни, в том числе сельского. Сферами, которые допускали применение общероссийских законов в качестве не основного, а субсидиарного регулятора, были не только гражданско-правовые отношения или мелкие уголовные дела с незначительным ущербом. Обычай регулировал и публично-правовые вопросы. Поэтому на всех окраинах империи царская власть опиралась главным образом на местные обычно-правовые элементы и поддерживала непрямые формы правления.

В общественном сознании исторически правовое регулирование вполне гармонично коррелировало с нормами обычаев, нравственными или религиозными нормами именно как их низший рубеж или минимальный уровень. Поэтому признавать государственный закон как нормативный регулятор, сопоставимый с другими, общество не спешило. Если принять во внимание, что исторически общеобязательность государственно-правового веления начинала вводиться Петровскими указами, которые в значительной своей массе были весьма и весьма одиозными по содержанию, переход от обычного к государственному правовому регулированию проходил не без трудностей. Трансформация взаимодействия юридического обычая и закона, постепенное признание верховенства за официально санкционированным актом «государственного» правотворчества еще долго сопровождалась напоминанием, что «законы народа должны быть извлечены из его собственных понятий, нравов, обыкновений, местных обстоятельств»².

Такая «живучесть» обычая имела еще одно объяснение. В сфере обычно-правового регулирования (как и в иных социально-регулирующих системах, отличных от правовой) принуждение является крайне нежелательным, поскольку является проявлением насилия, т.е. зла. В качестве авторитетного социального регулятора в этих условиях могла восприниматься только одухотворенная этическим смыслом правовая норма. Социальный идеал в российском правосознании всегда связывал-

² Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. СПб. : Фототипия и типография А.Ф. Дресслера, 1914. С. 107.

ся с одухотворенностью человеческого бытия: правовая реальность исторически не отождествлялась (и не могла отождествляться, учитывая исторический правовой опыт) с одним только позитивным правом; общие свойства права и закона традиционно воспринимались в конкретном, индивидуализированном контексте.

Эта особенность российского «законо-восприятия» не могла не учитываться императорской властью при наделении законодательной силой своих велений. Она же лежит в основе главной тенденции государственного развития, которая сформировалась к середине XVIII в., и выступает как тенденция гуманизации жизни русского общества. Организация жизни и быта по европейскому примеру, подъем культуры, просветительства — свидетельства формирования новой политической и социальной атмосферы в стране. Они, в свою очередь, создавали благоприятную почву для формирования в обществе представлений о человеческом достоинстве и чести. В целом содержание государственной жизни давало основания для высоких оценок состояния правовой культуры законотворчества. В числе ключевых идей, которые при подготовке законов виделись обязательными, назывались, например, справедливость и общая польза³, а классическим примером, который демонстрирует гуманистическую направленность внутренней политики во времена императрицы Елизаветы Петровны, считают ее напутствие работе комиссии, образованной для составления уложения в 1754 г., в котором она запрещает использовать в новом законе такое жестокое наказание, как смертная казнь: «...за подлежащие вины смертные казни не писать»⁴. Об уровне этической составляющей содержания российских законов и российском праве профессор российской Академии наук Ф.Г. Штрубе в 1748 г. писал, что «правам и законам» Российской империи «в рассуждении их справедливости никаких других предпочестъ нельзя»⁵. Авторитету складывавшегося в России права способствовала не только его внутренняя логика, но и внешнее воздействие и убеждение, в том числе убежденность в его справедливости⁶.

Эти обстоятельства, кроме того, стимулировали теоретическую разработку проблем

³ Татищев В.Н. Собрание сочинений : в 8 т. М. : Ладомир, 1994. Т. 1. С. 80.

⁴ Латкин В.Н. Законодательные комиссии в России в XVIII в. СПб. : А.Ф. Пантелеев, 1887. Т. 1. С. 95.

⁵ Томсинов В.А. Развитие русской юриспруденции во второй четверти XVIII века. Статья вторая // Законодательство. 2006. № 6. С. 83.

⁶ Исаев И.А. Непроявленный язык закона // Lex Russica. Научные труды МГЮА. 2006. № 1. С. 7.

права, а также внимание к ассоциированным с законодательной деятельностью этапам работы — подготовке законов, их реализации.

Задача законотворческой деятельности, закрепленная в опыте императорской России, — не только изложить суть нового закона. Изданием нового закона должна «пронизываться» действительность: справедливо считалось, насколько законы бывают органично вплетены в жизненную «материю», настолько действенность закона может прогнозироваться как реальная. В этом контексте понятие закона начало выдвигаться на место одной из важнейших политико-правовых категорий, и вместе с этим ставилась цель познания его сути и назначения. На российском правовом материале начинают определяться истоки создания законов и задачи их практической реализации, обосновываются идеи законности, которые начинают проникать в университетские учебные аудитория.

В этот период практически неколебимые позиции занимает идея о том, что в условиях, когда политико-социальная жизнь подвергается коренным преобразованиям, необходимо мировоззренчески обосновывать шаги, предпринимаемые в области законодательной политики и законоприменительной практики. То, что более успешно применение новых государственно-властных повелений — новых законов — обеспечивается после предварительной фиксации определенной идеологии, понимали и раньше (даже тогда, когда Петр I развил масштабную реформаторскую деятельность, существенно колебавшую, а порой и попросту ломавшую устои российской жизни, признавая «святое — грешным, разумное — безумием и отсталостью»⁷, стремились взывать к эмоциям подданных). Позднее потребность в идеологическом обосновании государственной законодательной политики только укреплялась, поскольку государственно-правовой опыт накопил к тому времени уже немало примеров, когда недостатки в организации ее доведения до населения порождали неприятие, а то и прямо противодействие реализации законов.

В начале XIX столетия особенно много говорилось о содержании законов как определяющем факторе их эффективности. Однако уже тогда заметили, что только законы сами по себе нельзя считать тем источником политического усилия, который способен обеспечить нужное направление социального развития. М.М. Сперанский однажды заметил: «С некоторого времени вошло у нас в обыкновение все недостатки управления слагать на не-

совершенство наших законов. Не быв в пользу их слепо предубежденным, можно, однако же, быть уверенным, что сие мнение весьма несправедливо»⁸. Обвинения в недостаточной эффективности законодательства Сперанский парировал тем, что судебные решения зависят не столько от состояния законодательства, сколько от, например, аккуратности и своевременности проведенного следствия по уголовным делам или состояния экономики — по гражданским. «Исправьте все сии несовершенства, — писал М.М. Сперанский, — тогда рассуждайте о действии наших законов»⁹.

Усилия по обеспечению социальной обоснованности законодательной деятельности, побуждению к исполнению действующих законов, однако, встречали порой нешуточное противодействие в среде, ответственной за правоприменение: не единожды чиновничеству адресовали требование применять законы в соответствии с содержанием их текстов, без самостоятельного введения чиновниками на практике каких-либо дополнительных условий. О необходимости пресекать «многие волокиты» при исполнении ясных законов не раз говорилось уже в законодательстве Петра I. Но повторялась эта мысль и позднее (например, о том, что «превратное истолкование закона не попускается, и если впрямь кем оное произведено будет, то... взыщется»¹⁰).

О неисполнении законов чиновничеством как биче государственно-правовой практики и социальной жизни говорилось нередко, но на изменение практики, однако, эти мнения влияли мало. «К чему писать законы, разве для потомства?» — задавался вопросом российский историк Н.М. Карамзин¹¹. С течением времени острота вопроса об исполнении законов бюрократическим аппаратом только усиливалась. Так было и в XIX, и в XX в. Мемуарист николаевской эпохи В.А. Докудовский в середине XIX в. недоумевал: «Чудное государство русское! Народ предоставил полное право своим царям издавать законы; но чиновничья раса присоединила условие — исполнять их или не исполнять, смотря по обстоятельствам, что и делается в России»¹².

⁸ Сперанский М.М. Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России (1803 г.) // План государственного преобразования (введение к уложению государственных законов 1809 г.). М.: Русская мысль, 1905. С. 193.

⁹ Там же. С. 195.

¹⁰ Сенатский указ 26 июля 1779 г. «О наказании за превратное истолкование закона» // ПСЗ. Собр. 1. Т. XX. 1775–1780. № 14897.

¹¹ Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 118–119.

¹² Багдасарян В.Э. Николаевская управленческая модель: между авторитаризмом и рациональной

⁷ Буровский А.М. Правда о «золотом веке» Екатерины. М.: Яуза, 2008. С. 264.

А в 1912 г. анонимный автор писал: «Как бы закон не был суров и даже „несправедлив“, зло, причиняемое им, ничто в сравнении со злом, причиняемым судом или администрацией, не руководствующимся точным смыслом закона или заведомо искажающим его»¹³. Автор предостерегал от принижения авторитета закона и фактического дозволения судам и администрации разрешать дела, не основываясь на точном смысле закона.

Позднеимперский период с точки зрения закрепления принципов и практики законодательной деятельности заслуживает внимания главным образом как время порождения разнообразных теорий о законе как явлении основном и базовом для всех политико-социальных процессов, а источник исследовательского интереса к законодательной деятельности лежит в плоскости идейного примирения абсолютистско-монархического всевластия с необходимостью считаться с новыми явлениями в общественной и правовой жизни России.

В целом наиболее яркой чертой законодательной деятельности в императорский период истории России (за исключением, пожалуй, хотя и небольшого по времени, но весьма показательного петровского периода «революционной» встряски начала XVIII в.) было то, что ее инициаторы, вдохновители, творцы или деятели вначале специально оценивали возможности новых правил перед их внедрением на соответствие традициям российской общественной практики, обычно-правовому опыту, как говорят, «духу» русского народа. Дореволюционный юридический опыт многократно подтвердил продуктивность мысли Ш. Монтескье о том, что законы должны про-

истекать из «свойств народа». Однако после революции, в XX в., закрепилось и сохраняется поныне мнение о правовом развитии дореволюционной России как архаическом, никак не могущем изжить феодальные черты, хотя такое мнение имеет под собой мало оснований. Более того, признаки феодальной архаики в российском праве и правовой жизни начали обнаруживаться как раз в послереволюционное время и воспроизводятся особенно в последние десятилетия, когда стали намеренно формироваться феодальные архетипы в социальных отношениях: сняты всяческие запреты на прямую конвертацию власти в деньги, усугубляется вмешательство государства в деятельность хозяйствующих субъектов, позволяющее порой говорить о политическом давлении на экономику, беспримерное распространение получают привилегии, делается ставка на силовые способы решений и др.¹⁴ Современные масштабы неправового бытия государства вопреки закону и вразрез с идеей «государственного интереса» и «народного блага» в императорской России были немыслимы.

Российский юридический опыт императорского периода дает немало свидетельств о нацеленности права на то, чтобы закон воспринимался исключительно как справедливый регулятор. Поиску форм преобразования государственного устройства с признанием «незыблемости» закона и равенства всех перед ним сопутствовало культивирование справедливого права и «разумного» законодательства. «Полезное» и одновременно «честное» считалось приоритетом в деятельности государства, распространявшимся, кстати, и на облеченных властью лиц. Следствием такого подхода было всеобщее ожидание позитивных преобразований именно от власти и отрицание смысла в каких-либо революционных акциях.

бюрократией // Административные реформы в России: история и современность / под общ. ред. Р.Н. Байгузина. М. : РОССПЭН [Политическая энциклопедия], 2006. С. 164.

¹³ ИАД. Закон и его применение // Вестник права и нотариата. 1912. № 18. С. 568.

¹⁴ Федотова В.Г. Российская история в зеркале модернизации // Вопросы философии. 2009. № 12. С. 4.

Литература

1. ИАД. Закон и его применение / ИАД // Вестник права и нотариата. 1912. № 18. С. 568–572.
2. Багдасарян В.Э. Николаевская управленческая модель: между авторитаризмом и рациональной бюрократией / В.Э. Багдасарян // Административные реформы в России: история и современность ; под общ. ред. Р.Н. Байгузина. М. : РОССПЭН [Политическая энциклопедия], 2006. С. 139–176.
3. Буровский А.М. Правда о «золотом веке» Екатерины / А.М. Буровский. М. : Яуза, 2008. 480 с.
4. Исаев И.А. Непроявленный язык закона / И.А. Исаев // Lex Russica. Научные труды МГЮА. 2006. № 1. С. 7–25.
5. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России / Н.М. Карамзин. СПб. : Фототипия и типография А.Ф. Дресслера, 1914. XIV, 133 с.
6. Куракин Б.И. Гистория о Петре I и ближних к нему людях. 1682–1685 гг. / Б.И. Куракин // Русская старина. 1890. № 10. С. 238–260.
7. Латкин В.Н. Законодательные комиссии в России в XVIII в. / В.Н. Латкин. СПб. : Л.Ф. Пантелеев, 1887. Т. 1. XII, 595 с.
8. Сперанский М.М. План государственного преобразования (введение к уложению государственных законов 1809 г.) / М.М. Сперанский. М. : Русская мысль, 1905. VI, 359 с.

9. Татищев В.Н. Собрание сочинений : в 8 т. / В.Н. Татищев. М. : Ладомир, 1994. Т. 1. 499 с.
10. Томсинов В.А. Развитие русской юриспруденции во второй четверти XVIII века. Статья вторая / В.А. Томсинов // Законодательство. 2006. № 6. С. 83–89.
11. Федотова В.Г. Российская история в зеркале модернизации / В.Г. Федотова // Вопросы философии. 2009. № 12. С. 3–18.

References

1. IAD. Zakon i ego primeneniye [Law and Its Application] / IAD // Vestnik prava i notariata — Bulletin of Law and Notarial System. 1912. № 18. S. 568–572.
2. Bagdasaryan V.E. Nikolaevskaya upravlencheskaya model: mezhdru avtoritarizmom i ratsionalnoy byurokraziy [Nikolay's Government Model: between Authoritarianism and Rational Bureaucracy] / V.E. Bagdasaryan // Administrativny'e reformy' v Rossii: istoriya i sovremennost ; pod obsch. red. R.N. Bayguzina [Administrative Reforms in Russia: History and the Modern Times ; under the general editorship of R.N. Bayguzin]. Moskva : ROSSPEN [Politicheskaya entsiklopediya] — Moscow : POLITICAL ENCYCLOPEDIA, 2006. S. 139–176.
3. Burovsky A.M. Pravda o «zolotom veke» Ekateriny' [The Truth about the Catherine's Golden Age] / A.M. Burovsky. Moskva : Yauza — Moscow : Yauza, 2008. 480 s.
4. Isaev I.A. Neproyavlenny'yazyk zakona [Non-Manifested Language of the Law] / I.A. Isaev // Lex Russica. Nauchny'e trudy' MGYuA — Lex Russica. Scientific Works of MSAL. 2006. № 1. S. 7–25.
5. Karamzin N.M. Zapiska o drevney i novoy Rossii [Note on Ancient and Modern Russia] / N.M. Karamzin. Sankt-Peterburg : Fototipiya i tipografiya A.F. Dresslera — Saint Petersburg : A.F. Dressler's phototype and printing office, 1914. XIV, 133 s.
6. Kurakin B.I. Gistoriya o Petre I i blizhnikh k nemu lyudyakh. 1682–1685 gg. [Story about Peter I and the People Surrounding Him. 1682 to 1685] / B.I. Kurakin // Russkaya starina — Russian Old Times. 1890. № 10. S. 238–260.
7. Latkin V.N. Zakonodatelny'e komissii v Rossii v XVIII v. [Legislative Commissions in Russia in the XVIII Century] / V.N. Latkin. Sankt-Peterburg : L.F. Panteleev — Saint Petersburg : L.F. Panteleev, 1887. Vol. 1. XII, 595 s.
8. Speransky M.M. Plan gosudarstvennogo preobrazovaniya (vvedenie k ulozheniyu gosudarstvenny'kh zakonov 1809 g.) [State Reformation Plan (Introduction to the Code of State Laws of 1809)] / M.M. Speransky. Moskva : Russkaya my'sl — Moscow : Russian Thought, 1905. VI, 359 s.
9. Tatischev V.N. Sobranie sochineniy : v 8 t. [Collection of Writings : in 8 vol.] / V.N. Tatischev. Moskva : Ladomir — Moscow : Ladomir, 1994. Vol. 1. 499 s.
10. Tomsinov V.A. Razvitiye russkoy yurisprudentsii vo vtoroy chetverti XVIII veka. Statya vtoraya [Development of the Russian Jurisprudence in the Second Quarter of the XVIII Century, Article Two] / V.A. Tomsinov // Zakonodatelstvo — Legislation. 2006. № 6. С. 83–89.
11. Fedotova V.G. Rossiyskaya istoriya v zerkale modernizatsii [Russian History Mirrored by Modernization] / V.G. Fedotova // Voprosy' filosofii — Issues of Philosophy. 2009. № 12. S. 3–18.

DOI:10.18572/1812-3805-2018-4-23-28

Легитимация правовых институтов как процесс усвоения юридических ценностей субъектами права*

*Денисенко Владислав Валерьевич,
ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории
«Актуальные проблемы права и национальной безопасности»
Института права и национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
vsu_vlad@mail.ru*

В статье проведен анализ вопросов легитимации правовых институтов в контексте правовой аксиологии. Раскрыты основные подходы к легитимации институтов в правовой системе. Показана связь между ценностями в праве и процессом легитимации.

Ключевые слова: правовые ценности, эффективность правового регулирования, легитимация правовых институтов, права человека, государственное принуждение.

* Статья подготовлена на основе результатов научно-исследовательской работы, выполняемой в рамках государственного задания РАНХиГС 2018 г.

Legitimation of Legal Institutions as a Process of Legal Value Adoption by Law Subjects

Denisenko Vladislav V.

Leading Research Scientist of the Research Laboratory for Relevant Issues
of Law and National Security of the Institute of Law and National Security
of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Candidate of Legal Sciences
Assistant Professor

The article analyzes the issues of legitimation of legal institutions in the context of legal axiology. The main approaches to the legitimation of institutions in the legal system are revealed. The relationship between values in law and the process of legitimation is shown.

Keywords: legal values, effectiveness of legal regulation, legitimation of legal institutions, human rights, state coercion.

В настоящее время одним из важнейших вопросов юридической науки является проблема правовой аксиологии (правовых ценностей), связанная с правовой культурой и правовым воспитанием. Процесс усвоения гражданами правовых ценностей напрямую влияет на степень эффективности правового регулирования, ибо лишь на легальном (государственном) принуждении¹ право действовать не может². Признание для себя правовых предписаний характеризует категория «легитимность», а процесс усвоения субъектом права ценностей — термин «легитимация». По мнению автора данной работы, легитимность — это свойство права, его характеристика (или множество свойств), а легитимация — процесс, в котором и посредством которого эти качества формируются³.

В зарубежной науке легитимацию права определяют следующим образом: «...под легитимацией мы понимаем нормативную действительность, признание за ними должной обязательности»⁴. В отечественной юриспруденции тема легитимации не разработана, ибо, как справедливо указывал Г.В. Мальцев, «юридическая наука с некоторым безразличи-

ем относится к изучению феномена легитимации правовых норм, что явно не согласуется с масштабами и значением соответствующих проблем в развитии права»⁵.

Между тем тематическую важность легитимации для современной юриспруденции сложно переоценить, если последняя желает оставаться наукой о реальных явлениях, а не абстрактных объектах. Чтобы знать абстрактный объект (в традиционном эпистемологическом смысле слова «знать», т.е. иметь истинное обоснованное убеждение о нем), его достаточно понимать, т.е. быть знакомым с системой условных обозначений, которой принадлежит этот объект (такова, например, нотная запись). Можно сказать, что абстрактный объект появляется синхронно с системой таких обозначений и с ней же исчезает (прекращает быть актуальным в рамках той или иной деятельности, например). И если бы право было упорядоченным набором абстракций, вопрос о его легитимации не мог бы считаться сложным или серьезным: можно было считать, что коль скоро норма введена в систему, она и легитимна. Однако это большая ошибка, основанная либо на неверном понимании природы права, либо на неучете общих философских закономерностей, касающихся познания. В самом деле, ведь легитимация есть не что иное, как процесс, в ходе которого правило поведения приобретает общественное признание. Оно (признание) является довольно сложным социальным фактом, лишь с некоторой долей условности разложимым на составные части, т.е. в легитимации можно выделить стадии, но нужно и понимать всю приближительность такого выделения.

При этом весьма показательным, что ряд отечественных ученых-правоведов до сих пор отождествляют категории «легитимность» и

¹ Исаев И.А. Насилие и господство: правовой аспект // История государства и права. 2017. № 2. С. 24–29.

² Денисенко В.В. Легитимность и государственное принуждение как характеристики сущности позитивного права // История государства и права. 2014. № 5. С. 25–28.

³ Наиболее точным в отечественной юриспруденции является понимание легитимации, данное В.Е. Чиркиным: «Легитимация — это процессы и явления, посредством которых» определенное социальное установление «приобретает свойство легитимности». См.: Чиркин В.Е. Легализация и легитимация государственной власти // Государство и право. 1995. № 8. С. 66.

⁴ Ван Хук М. Право как коммуникация / пер. с англ. М.В. Антонова, А.В.Полякова. СПб. : Университетский издательский консорциум, Издательство СПбГУ, 2012. С. 254.

⁵ Мальцев Г.В. Социальные основания права. М. : Норма, 2007. С. 762.

«легальность (законность)», не делают различия между процессом и свойствами, т.е. между «легитимацией» и «легитимностью», и используют в своих работах лишь категорию «легитимность». Хотя легальность (законность) — это лишь один из видов легитимации, формального характера, «легитимность через процедуру» (термин Н. Лумана). Таким образом, важность доктринального понимания процесса легитимации заключается не только в понятийном расширении теории, но и в расширении ее предмета в той части, где определенным типам правовых явлений сопоставляются типы легитимации.

Но и в целом существует необходимость научного понимания того, как в современном обществе нормы права приобретают значение для различных субъектов. Марк Ван Хук, посвятившей легитимации права главу в книге «Право как коммуникация», пишет следующим образом об актуальности легитимации для права: «Почему людей можно принудить следовать юридическим правилам, если они этого не желают? Как может быть легитимировано применение санкций к тем людям, которые не подчиняются этим правилам? Как может быть оправдано то, что существуют определенные субъекты или институты, обладающие правом издавать подобные правила (или определять их содержание и границы применения), которые будут потом использованы в конкретных ситуациях и приведут к положительным или отрицательным последствиям для других?»⁶. В отечественной науке проблема легитимации до сих пор остается нераскрытой, хотя на важность ее указывают в последние годы многие современные ученые, прежде всего, Г.В. Мальцев⁷, А.В. Поляков⁸, И.А. Честнов⁹ и ряд других.

Причина, по которой проблема легитимации в отечественной теории права не исследуется и отсутствует в учебных пособиях, заключается в том, что в основе понимания права многими отечественными правоведами лежит идея этатизма. Не случайно одной из самых популярных тем в теории государства и права является тема **законности**, в которой говорится о неукоснительном соблюдении закона всеми субъектами, но при этом нет упоминания о том, что нормы закона должны **быть легитимны, т.е. признаваться** обществом и отдельными субъектами. Для юриди-

ческого позитивизма характерны слова Ганса Кельзена о том, что «всякое произвольное содержание может быть правом»¹⁰. Поэтому с позиции этатизма любая правовая норма, исходящая от власти, уже легитимна. Увы, такой подход мало общего имеет с реальностью, ибо для того, чтобы норма стала значимой, необходим процесс придания ей значимости, который далеко не всегда одинаков, не всегда прост и никогда не формален до конца. Само по себе принуждение, как уже не раз было сказано, не может гарантировать признания. То же можно сказать в отношении власти в целом как источника законов: она далеко не всегда является залогом признания норм права субъектами. Особенно необедителен этатистский подход к легитимации в условиях современного общества, так как «господствовавшие в древности способы легитимации законов со ссылками на авторитет и волю Бога утратили былую силу, но вместе с тем глубоко укоренился скепсис и в отношении критериев, выражающих человеческие субъективные начала, так как „не все человеческое человечно“»¹¹. В связи с этим потребность современного человека в легитимации нового нельзя считать удовлетворенной, если на вопрос: «...почему приняты некоторые нормы и введены определенные институты?» — ему отвечают: «...потому что законодательное собрание или правительство считают их целесообразными»¹². Поэтому легитимацию нельзя сводить лишь к формальной процедуре и необходимо рассмотреть виды и уровни легитимации норм права для того, чтобы увидеть полную картину того, как нормы приобретают субъективное признание.

В отечественной теории права классификацию видов легитимации юридических норм предпринял Г.В. Мальцев, который выделил четыре вида: позитивную, корректирующую, учредительную и негативную легитимации¹³. Следует отметить, что указанные виды легитимации профессор Мальцев рассматривал в связке с тем, как государственная власть обновляется (для общества, естественно) инновационные процессы в правовой системе, или «нормативные стратегии» (термин Мальцева)¹⁴. Таким образом, «рассматриваемые стратегии отражают различные виды легитимации, но все они предполагают

⁶ Ван Хук М. Указ. соч. С. 250.

⁷ Мальцев Г.В. Указ. соч. С. 762–763.

⁸ Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2005. С. 110.

⁹ Честнов И.А. Постклассическая теория права. СПб.: АЛЕФ-Пресс, 2012. С. 420–421.

¹⁰ Алекси Р. Понятие и действительность права. М.: Инфотропик, 2011. С. 3.

¹¹ Мальцев Г.В. Указ. соч. С. 763.

¹² Там же. С. 763.

¹³ Там же. С. 761.

¹⁴ Там же. С. 765.

конструкцию нормы в качестве должного»¹⁵. Такая классификация легитимации юридических норм отражает различные виды законотворческой стратегии, но при этом не отвечает на главный вопрос: что же должно лежать в основе норм права, чтобы они стали признанными у граждан? При этом Мальцев отмечал, что «сокровенную суть легитимации юридической нормы, выраженную в том, что она воспринимается людьми как должное, следует искать хотя бы немного, но все же выше правовой реальности... Общество нуждается в глубоких обоснованиях и критериях легитимности, привязанных к чему-то объективному и неформальному, прочному и надежному. В качестве таких критериев могут выступать социальные и этические ценности, близкие и понятные большинству членов общества, например экономическое благосостояние, социальная справедливость, политическая свобода, а также вытекающие из них ценности и понятия инструментального характера»¹⁶. Таким образом, классификация видов легитимации как процесса, результатом которого является признание субъектами для себя норм права, должна, на наш взгляд, отражать основные механизмы воздействия на личность, в результате которых право начинает признаваться субъектами. Наиболее отвечающими этому требованию, на наш взгляд, являются классификации видов легитимации Марка ван Хука и А.В. Полякова.

А.В. Поляков полагает, что признание предписания правомерным, законным, справедливым или отказ в таком признании связан со многими обстоятельствами. Все обстоятельства Поляков объединяет в две группы: рациональные и иррациональные¹⁷. М. ван Хук выделяет два уровня и два вида легитимации: 1) формальную, 2) содержательную (в рамках последней — легитимацию коммуникативную)¹⁸. Причем, будучи сторонником коммуникативной теории права, Марк ван Хук отдает предпочтение коммуникативной легитимации как наиболее адекватной для современной эпохи.

Формальная легитимация — это процесс признания норм права вне содержательных ценностей и принципов права. К формальной легитимации относят обоснование норм в традиционных обществах, где ссылка «на бо-

жественное происхождение дает формальную легитимацию»¹⁹. Такая легитимация может оправдывать неравное правовое положение субъектов, отсутствие возможности влиять на формирование или применение правовых предписаний, так как это оправдано религиозным сознанием и подчинением сверхъестественным силам, с которыми связана власть и законы. Формальная легитимация также существует в настоящее время и связана с идеей рациональной легитимности в современном обществе Модерна, которая является основанием для подчинения приказам даже в случае расхождения с моралью. Рациональная легитимация замещает божественную природу власти и законов. Вместо идеи божества приходит концепция «коллективной воли народа», наиболее четко сформулированная в теории «народного суверенитета» Ж.-Ж. Руссо. Идея «общественного договора» рассматривается Руссо как воля, которая оправдывает, по сути, любое содержание юридических актов, идущее от демократически обоснованных решений. Обоснование формальной легитимации законов на теоретическом уровне характерно для юридического позитивизма и его понимания права. Речь идет не только о позитивизме Д. Остина или нормативизме Г. Кельзена. Теория Н. Лумана о коммуникативном понимании права является совершенно позитивистской и использует «формальную легитимацию через процедуру»²⁰. Таким образом, либо идея общей воли обосновывает через демократические процедуры достаточность лишь формы права, формальной легитимации, либо юридический позитивизм с аргументацией самостоятельности правовой системы у Лумана, «чистого учения» Кельзена, указывает на излишний характер содержательной части легитимации.

Что касается содержательной легитимации правовых норм, то она связана прежде всего с теорией естественного права и иными непозитивистскими теориями права. Основой таких теорий является идея прав человека и юридического равенства всех субъектов. В настоящее время именно идея прав человека как условия для легитимации присуща правовым системам западного общества. Именно обоснование правами личности законов не дает законодательству, основанному на демократических процедурах, на воле большинства, стать произволом. Одно из первых осмыслений этой проблемы в современных условиях принадлежит немецкому философу права Густаву Радбруху. Для гер-

¹⁵ Там же. С. 765.

¹⁶ Там же. С. 765.

¹⁷ Поляков А.В. Признание права и принцип формального равенства // Принцип формального равенства и взаимное признание права: монография / под общ. ред. В.В. Лапаевой, А.В. Полякова, В.В. Денисенко. М.: Проспект, 2016. С. 73.

¹⁸ Ван Хук М. Указ. соч. С. 254–260.

¹⁹ Там же. С. 255.

²⁰ Luhmann N. Legitimation durch Verfahren. Berlin, 1969. S. 28.

манской мысли, как политической, так и правовой, первой половины XX в. был характерен юридический позитивизм. В частности, когда в работах Макса Вебера о конституционном строе после революции 1905 г. используется категория «псевдоконституционализм», речь идет об отсутствии полноценной роли парламента, о процедуре, дающей рациональную легитимацию, но при этом право и закон не разделяются с позиции естественного права²¹. Такой подход прослеживается до окончания Второй мировой войны, когда начинается осмысление необходимости содержательной легитимации с позиции прав человека.

В настоящее время актуально закрепление законодательно процедур, связанных с содержательной легитимацией. Причина заключается в современном обществе, в котором существует тенденция к расширению предмета правового регулирования. Иными словами, этот процесс называется категорией «юридификация» общества²². Подробнее этот феномен современности представляет предмет отдельного исследования, но следует заметить, что этот процесс обуславливает неизбежность содержательной легитимации для обеспечения эффективности закона.

²¹ Вебер М. Переход России к псевдоконституционализму // Полис. Политические исследования. 2006. № 2. С. 77–89.

²² Денисенко В.В. Социальное государство и его влияние на правовое регулирование // История государства и права. 2017. № 11. С. 13–17.

Литература

1. Алекси Р. Понятие и действительность права / Р. Алекси. М.: Инфотропик, 2011. 192 с.
2. Ван Хук М. Право как коммуникация / М. ван Хук; пер. с англ. М.В. Антонова, А.В. Полякова. СПб.: Университетский издательский консорциум, Издательство СПбГУ, 2012. 288 с.
3. Вебер М. Переход России к псевдоконституционализму / М. Вебер // Полис. Политические исследования. 2006. № 2. С. 77–89.
4. Денисенко В.В. Легитимность и государственное принуждение как характеристики сущности позитивного права / В.В. Денисенко // История государства и права. 2014. № 5. С. 25–28.
5. Денисенко В.В. Социальное государство и его влияние на правовое регулирование / В.В. Денисенко // История государства и права. 2017. № 11. С. 13–17.
6. Исаев И.А. Насилие и господство: правовой аспект / И.А. Исаев // История государства и права. 2017. № 2. С. 24–29.
7. Мальцев Г.В. Социальные основания права / Г.В. Мальцев. М.: Норма, 2007. 800 с.
8. Поляков А.В. Признание права и принцип формального равенства / А.В. Поляков // Принцип формального равенства и взаимное признание права: монография; под общ. ред. В.В. Лапаевой, А.В. Полякова, В.В. Денисенко. М.: Проспект, 2016. 208 с.
9. Поляков А.В. Общая теория права / А.В. Поляков, Е.В. Тимошина. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2005. 472 с.
10. Честнов И.Л. Постклассическая теория права / И.Л. Честнов. СПб.: Алеф-Пресс, 2012. 650 с.
11. Чиркин В.Е. Легализация и легитимация государственной власти / В.Е. Чиркин // Государство и право. 1995. № 8. С. 65–73.

References

1. Alexy R. Ponyatie i deystvitelnost prava [Law Concept and Validity] / R. Alexy. Moskva: Infotropik — Moscow: Infotropik, 2011. 192 s.
2. Van Hoecke M. Pravo kak kommunikatsiya; per. s angl. M.V. Antonova, A.V. Polyakova [Law as Communication; translated from English by M.V. Antonov, A.V. Polyakov] / M. van Hoecke. Sankt-Peterburg: Universitetskiy izdatelskiy konsortsiy, Izdatelstvo SPbGU — Saint Petersburg: University Publishing Consortium, Publishing house of the SPbSU, 2012. 288 s.
3. Weber M. Perekhod Rossii k psevdokonstitutsionalizmu [Russia's Transition to Pseudo-Constitutionalism] / M. Weber // Polis. Politicheskie issledovaniya — Polis. Political Research. 2006. № 2. S. 77–89.
4. Denisenko V.V. Legitimnost i gosudarstvennoe prinuzhdenie kak kharakteristiki suschnosti pozitivnogo prava [Legitimacy and State Coercion as Characteristics of the Positive Law Essence] / V.V. Denisenko // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2014. № 5. S. 25–28.
5. Denisenko V.V. Sotsialnoe gosudarstvo i ego vliyaniye na pravovoe regulirovanie [Social State and Its Influence on Legal Regulation] / V.V. Denisenko // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2017. № 11. S. 13–17.
6. Isaev I.A. Nasilie i gospodstvo: pravovoy aspekt [Violence and Domination: Legal Aspect] / I.A. Isaev // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2017. № 2. S. 24–29.
7. Luhmann N. Legitimation durch Verfahren / N. Luhmann. Berlin: Luchterhand, 1969. 261 s.
8. Maltsev G.V. Sotsialny'e osnovaniya prava [Social Bases of Law] / G.V. Maltsev. Moskva: Norma — Moscow: Norm, 2007. 800 s.
9. Polyakov A.V. Priznanie prava i printsip formalnogo ravenstva [Recognition of Right and the Formal Equality Principle] / A.V. Polyakov // Printsip formalnogo ravenstva i vzaimnoe priznanie prava: monografiya; pod obsch. red. V.V. Lapayevoy,

- A.V. Polyakova, V.V. Denisenko [The Formal Equality Principle and Mutual Recognition of Right : monograph ; under the general editorship of V.V. Lapaeva, A.V. Polyakov, V.V. Denisenko]. Moskva : Prospekt — Moscow : Prospect, 2016. 208 s.
10. Polyakov A.V. Obschaya teoriya prava [General Law Theory] / A.V. Polyakov, E.V. Timoshina. Sankt-Peterburg : Izdatelskiy dom Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta — Saint Petersburg : Publishing house of the St. Petersburg State University, 2005. 472 s.
11. Chestnov I.L. Postklassicheskaya teoriya prava [Post-Classical Law Theory] / I.L. Chestnov. Sankt-Peterburg : Alef-Press — Saint Petersburg : Alef-Press, 2012. 650 s.
12. Chirkin V.E. Legalizatsiya i legitimatsiya gosudarstvennoy vlasti [Government Legalization and Legitimation] / V.E. Chirkin // Gosudarstvo i pravo — State and Law. 1995. № 8. S. 65–73.

DOI:10.18572/1812-3805-2018-4-28-30

Рецензия на монографическое издание: Исаев И.А. Воображаемая государственность. Пространство без территории. М. : РГ-Пресс, 2018. 224 с.

*Артемов Вячеслав Михайлович,
профессор кафедры философских и социально-экономических дисциплин
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор философских наук, профессор
vyach_artemov@mail.ru*

Review of the Monograph: Isaev I.A. Imaginary Statehood. Space without Territory. Moscow: RG-Press, 2018. 224 s.

*Artemov Vyacheslav M.
Professor of the Department of Philosophical and Socioeconomic Disciplines
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Doctor of Philosophy
Professor*

В истории философии не так много примеров, когда философы брались за рассмотрение юридических проблем, для постановки и решения которых у них, по крайней мере на первый взгляд, не было достаточной профессиональной (юридической) подготовки. Тем не менее, к примеру, И. Кант предметно размышляет о правовом государстве в работе «К вечному миру», Г.В.Ф. Гегель создает ставшую знаменитой «Философию права», а В.С. Соловьев пишет фундаментальный труд, получивший высокую оценку у самих юристов, — «Право и нравственность». Подобное удастся подчас и профессионалам-юристам, но уже применительно к философской парадигме. Наиболее яркий классический пример подобного успеха — это «Нравственные начала в уголовном процессе» А.Ф. Кони. Мож-

но назвать и П.И. Новгородцева с его сочинением «Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве». Из современных работ юристов, имеющих философскую глубину и широкий мировоззренческий масштаб, — это, к примеру, «Проблемы общей теории права и государства» (Д.А. Керимов), «Нравственные основания права» (Г.В. Мальцев). Можно смело утверждать, что «Воображаемая государственность. Пространство без территории» (М. : Проспект, 2018) И.А. Исаева принадлежит к данному кругу работ.

В этом оригинальном, весьма глубоком исследовании подчеркиваются роль и сила духовных и социально-психологических феноменов. Автор убедительно, на многочисленных исторических, теоретических и литературных примерах показывает, что именно феномен вооб-

ражаемого государства выступает в качестве своего рода «красной линии» истории социально-политической мысли, а значит, и наличной реальности. Ведь последняя вырастает из мифа не меньше, чем из истины. В этой связи, следуя логике автора, можно предположить, что сама истина не особо интересует тех, кто творит эту самую реальность, принимая те или иные управленческие (политические и юридические) решения. В значительной степени это устраивает и тех, кто, условно говоря, управляет. Они сами «обманываться рады», ибо в противном случае тягость социального бытия со всеми ее пугающими подробностями зачастую попросту невыносима.

Рассматривается и мысль о том, что иллюзорно не только массовое сознание, но и так называемое элитарное. Так, объективному пониманию общества противостоит, условно говоря, властный тип, представленный нищестаном, согласно которому «справедливости только там, где есть сила и воля к власти»¹. С точки зрения философии и этики такой подход удобен технологически, но ущербен метафизически: люди вообще перестают верить в самих себя (сверхчеловек не в счет, ибо представляет из себя, по существу, недостижимую цель), в собственную роль в жизни общества и истории.

В рассматриваемом труде в целом немало собственно философских поисков и выводов. Это, например, оригинальный взгляд, согласно которому в метафизических размышлениях древних присутствует политико-правовое измерение: «У Анаксимандра и Эмпедокла каждый элемент поочередно, подобно гражданам в полисе, правит во времени, но всеобъемлющее равенство устраняет чрезмерности каждого правления... И для Платона моделью для его идеального государства служит не столько реальный полис, сколько космический порядок»². Следует заметить, что мир идей знаменитого автора «Государства» венчает идея блага, а она, в свою очередь, является прародительницей категории добра как сердцевины этики. Полисная жизнь мыслилась преимущественно в этической парадигме.

Вместе с тем рассуждения о государственном интересе как основе закона прямо указывают на существенный люфт, даже противоречие между нравственностью и правом. Показательна ссылка на М. Фуко: «Имеется управление, значит, уже имеется и государственный интерес, значит, имеется и государство»³. Подоб-

ный подход оставляет в тени такую важнейшую скрепу общества (в значительной степени и государства), как нравственность. Сам же автор, на мой взгляд, не только в этой, но и других работах ясно демонстрирует отрицательное отношение к односторонностям современного правового позитивизма, понимание большой значимости нравственного фактора для человека, общества и государства⁴.

Привлекает теоретико-методологическая и мировоззренческая определенность, в целом философский стиль анализа проблем права и не только. Так, если в юридической литературе зачастую неоправданно смешиваются понятия «человек», «личность», «гражданин» и т.п., то автор прицельно указывает на имеющуюся существенную разницу между ними. Об этом, в частности, говорится применительно к античности сократического периода: «Единство личной и гражданской этики было поколеблено... Способность государства оберегать духовные силы граждан имело и опасную сторону: люди высокой культуры вступали в конфликт с существующим государством»⁵. Налицо важная констатация, имеющая отношение практически к любому периоду существования последнего.

Академизм работы проявляется в строгости структуры, цельности и последовательности. От государства-фантома в формах «Воображаемого полиса (греческие мотивы)» и «Воображаемой империи (северные мотивы)» автор переходит к разделу «Государство в государстве: генезис и структура воображаемого политического пространства». Примечательно, что идеи самих мыслителей прошлого, таких, к примеру, как Платон и Аристотель, высвечиваются стереоскопически и в контексте исторических влияний. Так, от утверждения классика о том, что «государство есть настоящая форма политического общения свободных людей» (Аристотель) автор, ссылаясь на К. Шмитта, последовательно переходит к Декларации прав человека и гражданина 1789 г., которая «сначала утверждала, что все люди по природе свободны и равны, но лишь речь в ней заходила о государственных и политических правах, она говорила уже не о „человеке“, а о „гражданине“»⁶. Завершается монографическое исследование размышлениями о соотношении

¹ Исаев И.А. Воображаемая государственность. Пространство без территории. М., 2018. С. 21.

² Там же. С. 27.

³ Там же. С. 178.

⁴ См., напр.: Исаев И.А. Теневая сторона закона. Иррациональное в праве: монография. М.: Проспект, 2012. С. 3, 361; Его же. Нормативность и авторитарность. Пересечения идей. М.: Норма, 2014. С. 429; и др.

⁵ Исаев И.А. Воображаемая государственность. Пространство без территории. С. 25.

⁶ Там же. С. 147.

государства и революции в контексте воображаемых превращений. Весьма показательна и отрадна явно философская концовка, когда востребованной оказывается античная диалектика (Гераклит), позволяющая понять, что «человеческая история проходит от одной революции к другой... Воображаемое делает жизнь борьбой и непрерывным движением»⁷.

Не скрою, что читать книгу не так-то просто из-за постоянно появляющихся, зачастую неожиданных и, казалось бы, совершенно далеких от основной нити повествования исторических экскурсов, теоретических суждений и культурологических сюжетов. В действительности, внимательно присмотревшись, убеждаешься в конечном счете в глубине и оправданности подобных отступлений. Жизнь и история, с одной стороны, воображение и теория — с другой, неразрывно связаны между собой. Их взаимопроникновение есть судьба культуры, а значит и человека.

Одним из подтверждений указанной линии всей книги видится несомненно интересная мысль о том, что Данте «тем и отличается от Фомы, что упорно доказывал существование вселенской монархии, высшего земного суверена над людьми, необходимой во имя философских принципов, которые сами имеют всеобщий и необходимый характер...»⁸. Размышляя дальше о так называемом упорядочивающем начале применительно к современности, хотелось бы подчеркнуть своего рода спасительную роль именно этики как науки о нравственности и системы принципов должного поведения. Отрадно отметить, что в юридической среде имеется понимание указанного обстоятельства, в целом достаточно широкая поддержка соответствующих усилий со стороны самих философов.

⁷ Там же. С. 218.

⁸ Там же. С. 101.

Литература

1. Исаев И.А. Нормативность и авторитарность. Пересечения идей / И.А. Исаев. М.: Норма, 2014. 432 с.
2. Исаев И.А. Теневая сторона закона. Иррациональное в праве: монография / И.А. Исаев. М.: Проспект, 2012. 364 с.
3. Керимов Д.А. Проблемы общей теории права и государства / Д.А. Керимов. Т. 2: Философия права. М.: Современный гуманитарный университет, 2002. 272 с.
4. Мальцев Г.В. Нравственные основания права / Г.В. Мальцев. М.: Норма, 2016. 400 с.
5. Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве / П.И. Новгородцев. СПб.: Алетейя, 2000. 370 с.

References

1. Isaev I.A. Normativnost i avtoritarnost. Peresecheniya idey [Normativity and Authoritativeness. Intercrossing of Ideas] / I.A. Isaev. Moskva: Norma — Moscow: Norm, 2014. 432 s.
2. Isaev I.A. Tenevaya storona zakona. Irratsionalnoe v prave: monografiya [The Shadow Side of Law. Irrational in Law: monograph] / I.A. Isaev. Moskva: Prospekt — Moscow: Prospekt, 2012. 364 s.
3. Kerimov D.A. Problemy' obshchey teorii prava i gosudarstva; T. 2: Filosofiya prava [Issues of the General Theory of Law and State; Vol. 2: Philosophy of Law] / D.A. Kerimov. Moskva: Sovremenny'y gumanitarnyy universitet — Moscow: Modern University for the Humanities, 2002. 272 s.
4. Maltsev G.V. Nrvstvenny'e osnovaniya prava [Moral Bases of Law] / G.V. Maltsev. Moskva: Norma — Moscow: Norm, 2016. 400 s.
5. Novgorodtsev P.I. Kant i Gegel v ikh ucheniyakh o prave i gosudarstve [Kant and Hegel in Their Law and State Doctrines] / P.I. Novgorodtsev. Sankt-Peterburg: Aleteyya — Saint Petersburg: Aleteyya, 2000. 370 s.

Отмечая несомненные и многочисленные достоинства рассматриваемой монографии, многие из которых просто нет возможности высветить в короткой рецензии, хотелось бы обратить внимание на определенный дефицит социально-экономического анализа политико-правовых проблем. Так, нелишне было бы вспомнить, к примеру, гуманистическую критику капитализма К. Марксом, двухсотлетие которого в этом году будет отмечать научная, да и мировая общественность в целом. Имея в виду необходимость преодоления различных форм отчуждения, мыслитель подчеркивал, что «человек не теряет самого себя в своем предмете лишь в том случае, если этот предмет становится для него *человеческим... общественным* предметом, сам он становится для себя общественным существом, а общество становится для него сущностью в данном предмете»⁹. И если право рассматривать, условно говоря, в качестве некоего исторического и социального продукта, то последний не должен терять человеческого, т.е., прежде всего, нравственного измерения.

Итак, читателям предложено увлекательное целостное исследование, отличающееся глубиной содержания, разнообразием и яркостью формы. Поставленная его автором проблема не просто ставится, а и достаточно полно решается, что позволяет говорить о существенном вкладе в дело исторического и философского осмысления государства в его воображаемом, теоретическом и практическом измерениях. Хочется пожелать уважаемому автору новых творческих успехов и находок в парадигме сближения истории и философии, включая этику.

⁹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. Т. 42. С. 121.

DOI:10.18572/1812-3805-2018-4-31-34

Апелляционная инстанция для мировых судей в России конца XIX — начала XX в.

*Морозова Алёна Сергеевна,
преподаватель кафедры гражданского и арбитражного процесса
Омского государственного университета
имени Ф.М. Достоевского (ОмГУ)
morozova-a-s@mail.ru*

Судебная реформа 1864 г. устанавливала, что решения по гражданским делам мировых судей пересматриваются в апелляционном порядке съездом мировых судей. Съезд мировых судей представлял собой коллегиальный орган, состоящий из мировых судей одного мирового округа. По сути, суд апелляционной инстанции состоял из должностных лиц суда первой инстанции. Дальнейшее реформирование органов мировой подсудности по гражданским делам и их судов второй инстанции не обеспечило автономность апелляционных судов от судов первой инстанции.

Ключевые слова: судебная реформа 1864 г., апелляция, мировые судьи, съезд мировых судей, гражданское судопроизводство.

Appeals Instance for Russian Justices of the Peace in the Late XIX to the Early XX Century

*Morozova Alena S.
Lecturer of the Department of Civil and Arbitral Procedure
of the Dostoevsky Omsk State University (OmSU)*

The judicial reform of 1864 established that the decisions in civil cases justices of the peace are reviewed in appeal by the congress of justices of the peace. The congress of justices of the peace was a collective body, composed of the justices of the one district. In fact, the court of appeal consisted of officials of court of the first instance. Further reforming hasn't provided autonomy of appellate courts from courts of first instance.

Keywords: judicial reform in 1864, appeal, justice of the peace, congress of justice of the peace, civil proceeding.

Основным нормативным источником, определяющим судоустройство в Российской империи второй половины XIX в., было Учреждение судебных установлений. Данный документ был утвержден Указом 20 ноября 1864 г. вместе с Уставом гражданского судопроизводства, а также иными судебными уставами: Уставом уголовного судопроизводства, Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

Согласно закону судебную власть осуществляли мировые судьи, съезд мировых судей, окружные суды, судебные палаты и Правительствующий Сенат. При этом апелляционные жалобы подавались на решения мировых судей, окружных судов и рассматривались съездами мировых судей и судебными палатами соответственно.

Съезд мировых судей представлял собой собрание участковых мировых судей и почетных мировых судей одного мирового округа. Один из мировых судей избирался ими в качестве председательствующего. Мировой округ составлял уезд с находящимися в нем городами, исключение составляли Москва и

Санкт-Петербург, которые делились на несколько мировых округов. Каждый мировой округ делился на участки, в котором и действовал один участковый мировой судья. Законодательство устанавливало начала единоличного и коллегиального рассмотрения дел, и деятельность мирового судьи являлась проявлением единоличного рассмотрения дел¹.

Мировые судьи были выборные должности с трехлетним сроком полномочий. Следовательно, известные населению своего участка и способные, по замыслу авторов реформ, воспитать в населении доверительное и уважительное отношение к суду и закону². Для

¹ Статья 3 Учреждения судебных установлений // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXXIX. Отд. 2. СПб., 1867. С. 181.

² См. подр.: Волосатых Е.А. Хронодискретное историко-теоретическое исследование правового статуса мирового судьи в Российской империи и Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016. С. 56–64; Захаров В.В. Основные этапы реформирования российского суда и института исполнения судебных решений в сфере частного права в 1832–1917 гг.: историко-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 236–237.

чего законом, а именно Учреждением судебных установлений, был предусмотрен ряд требований, предъявляемых к лицам, претендующим на должность мирового судьи: наличие конкретных качеств и отсутствие определенных препятствий.

Статьями 19–22 Учреждения судебных установлений предусматривались следующие требования к мировым судьям:

1. Возрастной критерий — не моложе 25 лет;

2. Образовательно-опытный критерий — получено образование в высших или средних учебных заведениях, или пройдено эквивалентное испытание, или кандидат прослужил не менее трех лет в таких должностях, на которых мог получить представление о судопроизводстве;

3. Имущественный критерий — необходимо было владеть самому (или супруге при предоставлении ее согласия с тем, что данное имущество будет учтено для прохождения супругом имущественного ценза, или родителям, но при этом доля, приходящаяся на не отделившегося от семьи кандидата, должна быть такой же, которой необходимо владеть самому) недвижимым имуществом (землей или иным недвижимым имуществом), оцениваемым в 15 тыс. руб., а в городах — недвижимым имуществом, оцениваемым для взимания налога в размере 3000, в столицах — 6000 руб.

Данными качествами необходимо было обладать кандидату, однако также должны были отсутствовать и следующие препятствия:

4. Критерий отсутствия «уголовного прошлого» — не могли быть мировыми судьями состоящие под судом или следствием за преступления или проступки, подвергшиеся заключению в тюрьму или более строгому наказанию, а также те, кто были под судом за преступления и проступки, влекущие те же наказания, и не были оправданы судом;

5. Критерий отсутствия свидетельств «неблагонадежности» — препятствовало занятию должности мирового судьи исключение со службы в судебном порядке, из духовного общества за пороки, а также из среды обществ и дворянских собраний по приговорам тех сословий, к которым они принадлежат; также не мог быть мировым судьей объявленный несостоятельным должником, а также состоящий под опекой за расточительность;

6. Критерий отсутствия церковного сана — священнослужители и церковнослужители не могли быть ни участковыми, ни почетными мировыми судьями.

Почетные мировые судьи осуществляли свою деятельность вне участков, не получали за свою деятельность вознаграждения и, в отличие от участковых мировых судей, могли занимать

почти любые государственные или общественные должности, за исключением должностей прокуроров, их товарищей, местных чиновников казенных управлений и полиции. Они рассматривали все дела мировой подсудности, если обе стороны обращались к нему с просьбой о посредничестве. Обращение к почетному мировому судье препятствовало обращению к иным мировым судьям с теми же требованиями.

Столь подробное рассмотрение мировых судей связано с необходимостью составления представления, во-первых, о том, с решениями каких лиц имела дело апелляционная инстанция, во-вторых, апелляционная инстанция для мировых судей представляла собой их собрание.

Как уже упоминалось выше, процессуальная деятельность съезда мировых судей строилась на основе коллегиальности. И это несомненный плюс для апелляционного производства как проверочной инстанции. Однако тот факт, что апелляцию рассматривает несколько мировых судей, чьи решения и обжалуются в данном порядке, представляется несколько неоднозначным.

Устав гражданского судопроизводства, конечно, предусматривал, что дело в апелляционном порядке рассматривалось в отсутствие того судьи, чье решение обжалуется. Однако данное обстоятельство не меняло того факта, что должностные лица суда нижестоящей инстанции являлись также должностными лицами вышестоящей инстанции. То есть одни и те же люди рассматривали дела в качестве суда первой инстанции и осуществляли апелляционный пересмотр дела своих коллег, находящихся в той же должности.

Кроме того, проблемы мировой юстиции, введенной судебной реформой, как отмечается рядом ученых, были связаны с кадровыми и организационными недостатками. Например, отсутствие у мировых судей специальной юридической подготовки, отсутствие у избирателей верного представления о тех качествах, которыми должен обладать кандидат на должность мирового судьи³.

Мировые судьи в рассмотренном виде действовали не на всей территории России. Так, оценивая проведение судебной реформы в Сибири, Е.А. Крестьянников удачно замечает что «на явное противоречие между официально сообщенными устремлениями правительства и осуществленными на практике положениями особенно красноречиво указывало устройство в Сибири мировой юстиции»⁴. В частности, в Си-

³ Захаров В.В. Указ. соч. С. 239.

⁴ Крестьянников Е.А. Судебная власть в Западной Сибири (1823–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2013. С. 25.

бири мировые судьи не избирались, а назначались на свои должности министром юстиции, а самое важное — для них отсутствовала вышестоящая инстанция в лице съезда мировых судей. Апелляционной инстанцией для решений мировых судей являлся окружной суд. Конечно, с точки зрения разграничения функций должностных лиц судов первой и второй инстанций такой подход вполне хорош, хотя и это не было обеспечено до конца, ведь для осуществления апелляционных функций могли быть привлечены мировые судьи, за исключением того судьи, чье решение обжаловалось⁵.

По сохранившимся материалам Омской судебной палаты и судов ее судебного округа, в 1899 г. Томским окружным судом в апелляционном порядке из 71 дела, оставшегося с прошлого периода, и поступивших 315 дел рассмотрено было 286 дел⁶; за 1911 г. рассмотрено 622 дела из 1646⁷; в 1912 г. из 1624 рассмотрено 581 дело⁸; в 1913 г. из 1820 дел окончено 392 дела⁹. В 1899 г. Тобольским окружным судом в порядке апелляции рассмотрено 270 дел из 91 оставшегося с прошлого периода и 299 поступивших дел¹⁰; в 1905 г. из 451 дела рассмотрено 261¹¹; в 1911 г. из 1073 дел рассмотрено 599 дел¹²; за 1912 г. рассмотрено 616 дел из 1026¹³; в 1913 г. окончено 796 дел из 1172¹⁴. Как видно, происходило стремительное увеличение количества поступавших дел, что в первую очередь обусловлено проводимой политикой по заселению территории Сибири. Остаток нерассмотренных дел был стабильно высок, доходя почти до двукратного количества относительно рассмотренных, что говорит о недостаточной кадровой обеспеченности.

Имелись и другие трудности, к числу которых относилась обширность и труднодоступность территорий. Вступивший в должность в 1899 г. председатель Тобольского окружного суда, решив ознакомиться с деятельностью подконтрольных судебных деятелей и посетить некоторые северные уезды Тобольской губернии, смог добраться только до некоторых из них. Причина состояла в отсутствии каких-либо до-

рог. Единственным на данной территории являлось речное сообщение, которое осуществлялось зимой по льду, а летом по воде. В периоды межсезонья северные уезды были недоступны. Другой причиной медлительности судопроизводства он отмечал возможность рассмотрения дел только в зимний период, поскольку, как уже упоминалось, весной и осенью невозможно сообщение, в летнее же время население отправлялось на промыслы¹⁵. В таких обстоятельствах территориальное удаление суда первой и второй инстанций от населения является явно негативным обстоятельством.

Не стоит забывать и того обстоятельства, что включение Сибири в дело судебной реформы происходило значительно позже 1864 г.¹⁶ Как указывает А.В. Астахов, необходимость распространения действия судебных уставов на Сибирь была обусловлена бурным экономическим ростом и переселенческой волной¹⁷. Только 13 мая 1896 г. был принят закон, устанавливающий порядок распространения судебных уставов на территорию Сибири. А незадолго до этого в Европейской части России назрела необходимость реформирования института мировых судей, и в сельской местности деятельность участковых мировых судей свернули. В Сибири же деятельность участковых мировых судей была развернута и в отдаленных сельских местностях, до которых, как уже говорилось, и добраться то было довольно сложно.

В рамках так называемой контрреформы¹⁸ были приняты в 1889 г. акты, согласно которым полномочия по рассмотрению дел упраздненных участковых мировых судей передавались земским начальникам, выполнявшим также административные функции, а в городах и городских поселениях, где не было земских участков, — городским судьям и уездным членам окружного суда. Апелляционными инстанциями для них являлись уездный съезд (для зем-

⁵ ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XVI. Отд. 1. СПб., 1899. С. 419; Чечелев С.В. Судебная реформа в Сибири во второй половине XIX — начале XX в. : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2001. С. 157–158.

⁶ Исторический архив Омской области. Ф. 25 (Омская судебная палата). Оп. 1. Д. 3. (Далее — ИАОО.)

⁷ ИАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 214.

⁸ ИАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 240.

⁹ ИАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 266.

¹⁰ ИАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 3.

¹¹ ИАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 87.

¹² ИАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 214.

¹³ ИАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 240.

¹⁴ ИАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 266.

¹⁵ ИАОО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 8.

¹⁶ Астахов А.В. Судебные институты омского судебного округа в конце XIX — начале XX в.: структура, состав и функционирование : дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2009. С. 44–46; Бтикеева М.А. Судебные учреждения Западной Сибири в конце XIX — начале XX в.: по материалам округа Омской судебной палаты : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002. С. 23–25.

¹⁷ Астахов А.В. Судебные институты омского судебного округа в конце XIX — начале XX вв.: структура, состав и функционирование : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2009. С. 13.

¹⁸ См., напр.: Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов : Приволжское книжное издательство, 1969. С. 220, 358; Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М. : Мысль, 1970. С. 366.

ских начальников и городских судей) и окружной суд соответственно.

При такой системе построения органов, выполнявших судебные функции, как представляется, возникает вопрос об обеспечении иерархии отношений суда первой и второй инстанций. Выполнение судебных функций возлагалось на судебное присутствие уездного съезда, которое образовывалось под председательством уездного предводителя дворянства, из уездного члена окружного суда, земских начальников, городских судей и почетных мировых судей. Иными словами, из

должностных лиц, выполняющих функции суда первой инстанции. Окружной суд осуществлял апелляционное рассмотрение жалоб на решения соборного уездного члена. И хотя по закону указанные учреждения и именовались вышестоящими, признать их таковыми можно лишь весьма условно.

Таким образом, единообразных на территории всей страны иерархических связей судебных инстанций подсудности мировой юстиции и органов, ее заменивших, не наблюдалось. Многие органы вышестоящей инстанции состояли из должностных лиц нижестоящего суда.

Литература

1. Астахов А.В. Судебные институты омского судебного округа в конце XIX — начале XX в.: структура, состав и функционирование : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А.В. Астахов. Омск, 2009. 23 с.
2. Астахов А.В. Судебные институты омского судебного округа в конце XIX — начале XX в.: структура, состав и функционирование : дис. ... канд. ист. наук / А.В. Астахов. Омск, 2009. 239 с.
3. Бтикеева М.А. Судебные учреждения Западной Сибири в конце XIX — начале XX в.: по материалам округа Омской судебной палаты : дис. ... канд. юрид. наук / М.А. Бтикеева. Омск, 2002. 220 с.
4. Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России / Б.В. Виленский. Саратов : Приволжское книжное издательство, 1969. 400 с.
5. Волосатых Е.А. Хронодискретное историко-теоретическое исследование правового статуса мирового судьи в Российской империи и Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / Е.А. Волосатых. Н. Новгород, 2016. 216 с.
6. Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов) / П.А. Зайончковский. М. : Мысль, 1970. 444 с.
7. Захаров В.В. Основные этапы реформирования российского суда и института исполнения судебных решений в сфере частного права в 1832–1917 гг.: историко-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук / В.В. Захаров. М., 2009. 558 с.
8. Крестьянников Е.А. Судебная власть в Западной Сибири (1823–1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.А. Крестьянников. Томск, 2013. 29 с.
9. Чечелев С.В. Судебная реформа в Сибири во второй половине XIX — начале XX в. : дис. ... канд. юрид. наук / С.В. Чечелев. Омск, 2001. 205 с.

References

1. Astakhov A.V. Sudebny'e instituty' omskogo sudebnogo okruga v kontse XIX — nachale XX v.: struktura, sostav i funktsionirovanie : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Judicial Institutions of the Omsk Judicial District in the Late XIX to the Early XX Century: Structure, Composition and Functioning : author's abstract of thesis of ... Candidate of Historical Sciences] / A.V. Astakhov. Omsk — Omsk, 2009. 23 s.
2. Astakhov A.V. Sudebny'e instituty' omskogo sudebnogo okruga v kontse XIX — nachale XX v.: struktura, sostav i funktsionirovanie : dis. ... kand. ist. nauk [Judicial Institutions of the Omsk Judicial District in the Late XIX to the Early XX Century: Structure, Composition and Functioning : thesis of ... Candidate of Historical Sciences] / A.V. Astakhov. Omsk — Omsk, 2009. 239 s.
3. Btikeeva M.A. Sudebny'e uchrezhdeniya Zapadnoy Sibiri v kontse XIX — nachale XX v.: po materialam okruga Omskoy sudebnoy palaty' : dis. ... kand. yurid. nauk [Judicial Bodies of Western Siberia in the Late XIX to the Early XX Century: Based on the Materials of the Omsk District Judicial Chamber : thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / M.A. Btikeeva. Omsk — Omsk, 2002. 220 s.
4. Vilensky B.V. Sudebnaya reforma i kontreforma v Rossii [Judicial Reform and Counter-Reform in Russia] / B.V. Vilensky. Saratov : Privolzhskoe knizhnoe izdatelstvo — Saratov : Volga Book Publishing House, 1969. 400 s.
5. Volosatyykh E.A. Khronodiskretnoe istoriko-teoreticheskoe issledovanie pravovogo statusa mirovogo sudyi v Rossiyskoy imperii i Rossiyskoy Federatsii : dis. ... kand. yurid. nauk [Chrono-Discrete Historical and Theoretical Research of the Legal Status of a Justice of the Peace in the Russian Empire and the Russian Federation : thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / E.A. Volosatyykh. Nizhny Novgorod — Nizhny Novgorod, 2016. 216 s.
6. Zayonchkovskiy P.A. Rossiyskoye samoderzhavie v kontse XIX stoletiya (politicheskaya reaktsiya 80-kh — nachala 90-kh godov) [The Russian Autocracy in the Late XIX Century (Political Reaction of the 1980s to the Early 1990s)] / P.A. Zayonchkovskiy. Moskva : My'sl — Moscow : Thought, 1970. 444 s.
7. Zakharov V.V. Osnovny'e etapy' reformirovaniya rossiyskogo suda i instituta ispolneniya sudebny'kh resheniy v sfere chastnogo prava v 1832–1917 gg.: istoriko-pravovoye issledovanie : dis. ... d-ra yurid. nauk [The Main Stages of Reformation of the Russian Court and Court Judgment Enforcement Institution in the Private Law Sector in 1832 to 1917: Historical and Legal Research : thesis of ... Doctor of Law] / V.V. Zakharov. Moskva — Moscow, 2009. 558 s.
8. Krestyannikov E.A. Sudebnaya vlast v Zapadnoy Sibiri (1823–1917 gg.): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Judicial Power in Western Siberia (1823 to 1917) : author's abstract of thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / E.A. Krestyannikov. Tomsk — Tomsk, 2013. 29 s.
9. Chechelev S.V. Sudebnaya reforma v Sibiri vo vtoroy polovine XIX — nachale XX v. : dis. ... kand. yurid. nauk [Judicial Reform in Siberia in the Second Half of the XIX to the Early XX Century : thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / S.V. Chechelev. Omsk — Omsk, 2001. 205 s.

DOI:10.18572/1812-3805-2018-4-35-39

Историко-правовой аспект участия общественных формирований и граждан в противодействии преступности

*Кобец Петр Николаевич,
главный научный сотрудник
Всероссийского научно-исследовательского
института Министерства внутренних дел Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
pkobets37@rambler.ru*

Сфера правоохранительной деятельности, как одна из наиболее важных, подвергается наиболее радикальным, часто ничем не аргументированным изменениям, что негативным образом сказывается на криминальной обстановке в стране. В этой связи в постсоветский период развития нашей страны отдельные действенные направления профилактики и противодействия преступности необоснованно были утрачены. Важнейшим условием, оказывающим благоприятное воздействие на повышение результативности противодействия преступности, всегда являлось максимальное сотрудничество правоохранительных органов с населением.

Ключевые слова: общественное объединение, предупреждение правонарушений, обеспечение и охрана общественного порядка, ДНД.

Historical and Legal Aspect of Participation of Public Associations and Citizens in Corruption Countering

*Kobets Petr N.
Chief Research Scientist of the National Research Institute of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation
Doctor of Law
Professor*

The field of law enforcement as one of the most important, is the most radical, often no reasoned change that has a negative impact on the criminal situation in the country. In this regard, in the post-Soviet period of development of our country the individual effective strategies for preventing and combating crime were unjustly lost. In our opinion, the most important condition that has a positive impact on improving the effectiveness of combating crime, has always been maximum cooperation of law enforcement bodies with the population.

Keywords: public organization, prevention, provision and protection of public order, voluntary national teams (VNT).

В советский период граждане СССР в лице ДНД (добровольных народных дружин), внештатных сотрудников милиции, советов профилактики и др. успешно и эффективно оказывали взаимодействие милиции по вопросам противодействия преступных проявлений. Достаточно отметить, что в начале 1980-х гг. на территории СССР действовало 183 тыс. ДНД численностью свыше 11,7 млн человек. Сегодня по известным причинам, связанным с реформированием общественной жизни, забываются многие виды участия населения в профилактике преступности, как например ДНД (в начале 1990-х гг. было создано свыше 1200 штабов ДНД, с общей численностью около 70 тыс. человек), комсомольские и молодежные оперативные отряды

(свыше 1800 штабов, свыше 100 тыс. человек), советы общественности и товарищеские суды создавались по месту жительства и в каждом трудовом коллективе¹.

Хронику сотрудничества органов правопорядка и населения России зачастую рассматривают с 1917 г. И это не вполне так, а связано это с тем, что детального, глубокого и всестороннего исследования рассматриваемой проблемы как в дореволюционный период, так и в постсоветский ни историками, ни правоохранителями не проводилось.

Однако следует отметить, что еще в эпоху правления Петра I, 20 мая 1718 г., в Санкт-

¹ Кобец П.Н. Взаимодействие между органами внутренних дел и общественными формированиями граждан // Профессинал. 2004. № 6. С. 35.

Петербурге учредили главную полицмейстерскую канцелярию для управления полицией. Указом от 20 мая 1718 г. было провозглашено, что полиция властна над всеми, не исключая никого, какого бы он звания ни был. В ее компетенцию входило: следить за регулярностью застройки; противопожарной безопасностью; чистотой улиц; трудоспособных определять на работу; строго учитывать приезжих, выявлять беглых; пресекать драки, разбои и т.д. Создание подведомственных канцелярии структур привело к формированию «регулярной» полиции. Указ от 18 июля 1718 г. требовал от каждого жителя под страхом кнута, каторги и смертной казни подавать в канцелярию полицейских дел ведомости о людях, которые у них останавливаются или отъезжают, о всяких принятых в службу, о наличии у этих людей документов. Регулярную полицию создали именным указом от 16 апреля 1719 г. «О искоренении воровских людей, и беглых солдат, и рекрут», которым также была введена форма полиции — кафтаны и короткие штаны василькового цвета и зеленые камзолы, и жалование, равное военным².

Важно отметить, что в свою очередь население продолжало нести полицейскую повинность. Горожане безвозмездно привлекались к работе по оказанию помощи полицейским органам, в частности, следили, чтобы ночами никто кроме «знатных персон» по улицам не ходил, чтобы огни ночью в домах тушили. Таким образом, «регулярная полиция» организовывала вспомогательную функцию: ночных караульщиков, десятских (1 от 10 дворов), пятидесятских (1 от 50 дворов), сотских (1 от 100 дворов), старост, которые неохотно и недобросовестно выполняли возложенные на них обязанности. В этот период произошло отделение государственных органов, выполняющих охрану общественного порядка, от общественности³.

Можно сказать, что в период становления государственности, оформления общественных отношений на государственно-правовом уровне (в виде свода законов) наблюдается тенденция к оформлению органов государственной власти, в том числе и по охране общественного порядка, и переходу данных отношений от общественно значимых к государственно значимым. И все же содействие горожан полицмейстерской канцелярии осталось приоритетным направлением в осуществлении последней своих обязанностей по охране общественного порядка. В эпоху двор-

цовых переворотов развитию полиции уделялось не много внимания, что и подтвердил беспрецедентный размах народных восстаний в XVIII в., предотвратив которые правоохранные органы без содействия регулярных войск не сумели⁴.

Историческая эпоха XIX в. характеризуется большим количеством тайных обществ, выдвигавших недовольство царской властью, не стремившейся встать на путь реформирования политической, экономической и социальной сферы, сформировавшейся в стране⁵. В связи с этим государство в этот период времени не могло рассчитывать на население по содействию в охране общественного порядка и пыталось выстроить и укрепить правоохранные органы страны, противостоящие иным силам. Привлечение граждан к выполнению полицейских функций в этот период времени носило локальный характер. Материалы Государственного архива РФ свидетельствуют, что в 1881 г. появляются первые ДНД, которые сформировались в Москве. В 1912 г. и начале 1913 г. в Москве попытались реорганизовать ДНД в Добровольную народную охрану⁶.

В 1917 г. в связи с отсутствием основных государственных правоохранных институтов власти по выполнению работы, направленной на противодействие преступности, к выполнению правоохранных задач были привлечены разнообразные народные формирования, которые впоследствии были упразднены, и созданы добровольные общества по содействию милиции.

В начале становления советской власти всевозможные формы привлечения населения к работе по охране правопорядка статус легитимности приобретают с принятием инструкции «Об организации Советской рабочей-крестьянской милиции», изданной НКВД и Наркомом юстиции РСФСР 12 октября 1918 г., где впервые упоминалось о необходимости создания на общественных началах группы оказания помощи милиции при городских исполнительных комитетах Советов. Вместе с работниками милиции члены групп охраняли улицы, заводы, выставляли посты, устраива-

⁴ Гриб В.В. Историко-правовые этапы развития общественного контроля в дореволюционной России и СССР // История государства и права. 2015. № 20. С. 3–10.

⁵ Шаяхметова Т.Е. Законодательная регламентация противодействия преступности, обеспечения и охраны общественного порядка в Российской империи XIX — начала XX в. // История государства и права. 2015. № 3. С. 7–12.

⁶ Жеребцов А.В. Правоохранные органы (история, теория, практика) // Вестник Уфимского юридического института МВД РФ. 2015. № 1. С. 82.

² Ерошкин Н.Н. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1983. С. 99.

³ Там же. С. 101.

ли засады и облавы в районах, где собирались преступные элементы. В результате такого взаимодействия была оказана значительная поддержка в поддержании общественного порядка и общественной безопасности. Начиная с 1925 г., при некоторых местных Советах были организованы административные комиссии общественного правопорядка, в которые входили граждане, изъявившие желание добровольно помогать милиции⁷.

В 1926 г. административные комиссии стали называться комиссиями общественно-го порядка. Расширились их права, они стали выполнять функции товарищеских судов, основной задачей которых была борьба с пьянством и хулиганством мерами общественного воздействия (беседы, лекции, агитсуды и т.д.). В дальнейшем они стали привлекаться милицией для расследования преступлений, профилактики⁸.

На стыке 1920-х и 1930-х гг. на предприятиях, в учреждениях и колхозах появилась форма участия населения в охране порядка — общества содействия (ОСОДМИЛы), призванные оказывать активную помощь органам милиции в борьбе с нарушителями общественного порядка. Впервые они возникли в 1928 г. по инициативе уральских рабочих. Данные общества состояли численностью не менее трех человек. Общее руководство ими осуществляли местные Советы, а оперативное — органы милиции и уголовный розыск. Эта деятельность была закреплена Постановлением Совета народных комиссаров РСФСР «Об обществах содействия органам милиции и уголовного розыска», принятым 25 мая 1930 г. Опыт рабочих стал распространяться повсеместно. Только в РСФСР к июлю 1930 г. насчитывалось уже около 4 тыс. ячеек общества. В 1932 г. была предпринята попытка возложить руководство деятельностью на органы милиции. Уже к 1940 г. состав указанных бригад составлял 400 тыс. человек, которые просуществовали вплоть до 1959 г., являлись основной формой привлечения трудящихся к охране общественного порядка как в городах, так и в сельской местности⁹.

Впоследствии деятельность дружин была регламентирована Постановлением ЦК КПСС и Совмина СССР от 5 марта 1959 г. «Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране», которым было утверждено «Примерное о добровольных народных дружинах». Во исполнение этого постановления Совмин РСФСР разрабатывает и утверждает 30 марта 1960 г. «Положение о добровольных народных дружинах РСФСР по охране общественного порядка». И уже к концу 1961 г. функционировало 130 тыс. народных дружин, насчитывающих до 4 млн человек, а к 1985 г. число дружин увеличилось до 282 тыс., объединив свыше 13 млн, к 1987 г. — около 14 млн дружинников¹⁰. В 1974 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об основах обязанностях и правах ДНД по охране общественного порядка», действующий в течение последующих 20 лет¹¹.

В начале 1990-х гг. правовая база участия населения в охране правопорядка оказалась полностью утраченной. Понимание этих проблем создало необходимые предпосылки для возрождения деятельности общественных формирований правоохранительной направленности. Конечно, это возрождение происходило на принципиально новой основе с учетом последних изменений, произошедших в результате демократических реформ.

Помимо возрождения ДНД, активизировалась деятельность по привлечению к профилактике правонарушений членов казачьих формирований. Однако процессы по возрождению ДНД стали наталкиваться на трудности, связанные с отсутствием надлежащей нормативно-правовой базы на федеральном уровне. Поэтому восполнить существовавший правовой пробел попытались некоторые субъекты РФ, в которых были приняты ряд законодательных актов, регламентирующих деятельность ДНД и других формирований общественности, направленных на охрану правопорядка. Одним из первых субъектов нашей страны, в котором стали возрождаться ДНД, был Центральный федеральный округ РФ (далее — ЦФО РФ). В этот период,

⁷ Байтин М.И., Гольдман В.С. Народные дружины. Саратов: Приволжское книжное издательство, 1969. С. 15.

⁸ Тепляшин И.В. Взаимодействие российской общественности и государства: историко-правовые аспекты // История государства и права. 2014. № 9. С. 9.

⁹ Первой В.П. Исторический опыт руководства общественными формированиями трудящихся в профилактике правонарушений в СССР // Взаимодействие органов внутренних дел и общественных организаций в реализации положений Концепции национальной безопасности Российской Федера-

ции: материалы научно-практической конференции (Москва, 24.11.2006): сб. науч. ст. М.: Издательство Московского университета МВД России, 2007. С. 128.

¹⁰ Взаимодействие милиции с трудящимися в охране общественного порядка. Советская милиция: история и современность (1917–1987). М.: Юридическая литература, 1987. С. 312.

¹¹ Овчинникова Л.И. Правовые и организационные основы привлечения негосударственных субъектов правоохранительной направленности к охране общественного порядка: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 35.

по результатам социологических исследований Центрального отдела ВНИИ МВД России, каждый второй из опрошенных респондентов был готов на внештатной основе оказывать практическую помощь органам внутренних дел.

Анализ работы по возрождению ДНД и других общественных организаций показал, что, помимо субъектов ЦФО РФ, еще в 53-х субъектах нашей страны были приняты соответствующие правовые акты, их них 7 — в виде законодательных актов и 46 — в виде нормативных актов органов исполнительной власти. Изучение указанных нормативно-правовых актов свидетельствует о том, что деятельность общественных формирований строилась на определенных принципах, к числу которых относятся: добровольность, самоуправление, законность, гласность, моральное и материальное стимулирование¹².

Необходимо отметить, что принципы морального и материального стимулирования широко практиковались в советский период. Применялись эти принципы и в постсоветское время. В частности, в субъектах ЦФО РФ осуществлялась деятельность по вовлечению населения в охрану правопорядка путем предоставления отдельных льгот, денежных премий, награждения знаками почета и других мер поощрения. На уровне субъектов Федерации и местного самоуправления внедрялся комплекс мер, направленных на вознаграждение граждан, участвующих в профилактике правонарушений. Указанные принципы были характерны для любого каждого существующего на тот момент общественного объединения, направленного на охрану общественного порядка и безопасности населения, и затрагивали общие положения их деятельности.

Вместе с тем организационные формы рассматриваемых организаций отличались разнообразием. И все же среди общественных организаций правоохранительной направленности, действующих на территории постсоветской России, особо следует выделить ДНД, они соз-

давались без исключения во всех территориальных образованиях нашей страны. Их правовой статус и порядок образования определялись соответствующими положениями о ДНД. Очень важно отметить, что перестройка российского общества в 1990-х гг. выдвинула новые формы и методы сотрудничества милиции с общественностью. Новое общественное формирование, которое заметно заявило о себе, — это казачество, оказывающее определенную помощь в охране общественной безопасности.

Реально оценивая важность борьбы с преступностью, в регионах Центрального федерального округа законодательно закреплялось участие населения в охране правопорядка. В Смоленской, Липецкой, Рязанской, Белгородской областях, г. Москве были приняты законы «Об участии населения в охране общественного порядка», которыми были определены основные принципы, задачи, порядок образования, полномочия, формы участия, меры поощрения и правовые гарантии граждан, разграничены функции между органами местного самоуправления и руководителями предприятий, организаций вне зависимости от форм собственности¹³.

В Белгородской, Смоленской, Липецкой, Московской, Курской, Тульской, Брянской, Воронежской областях народные дружинники, отряды содействия милиции, молодежные и рабочие специальные отряды совместно с сотрудниками милиции были задействованы в охране правопорядка. В их создании и финансировании активное участие принимали руководители предприятий.

Проведенный анализ показал, что в 1990-х гг. наметилась тенденция восстановления деятельности общественных формирований правоохранительной направленности, которая дальнейшего развития не получила. Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что возрождение ДНД может явиться эффективной мерой, направленной на предупреждение и борьбу с преступностью. Привлечение общественности к охране правопорядка таит в себе громадный потенциал. Граждане кровно заинтересованы в своей безопасности, в снижении количества правонарушений. В этом же заинтересовано и государство.

¹² Кобец П.Н. Об опыте взаимодействия органов местного самоуправления и органов внутренних дел субъектов Центрального федерального округа Российской Федерации по возрождению общественных формирований // Проблемы местного самоуправления. 2005. № 12. С. 27.

¹³ Там же. С. 28.

Литература

1. Байтин М.И. Народные дружины / М.И. Байтин, В.С. Гольдман. Саратов : Приволжское книжное издательство, 1969. 205 с.
2. Гриб В.В. Историко-правовые этапы развития общественного контроля в дореволюционной России и СССР / В.В. Гриб // История государства и права. 2015. № 20. С. 3–10.
3. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России / Н.П. Ерошкин. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Высшая школа, 1983. 352 с.

4. Жеребцов А.В. Правоохранительные органы (история, теория, практика) / А.В. Жеребцов // Вестник Уфимского юридического института МВД РФ. 2005. № 1. С. 82–85.
5. Кобец П.Н. Взаимодействие между органами внутренних дел и общественными формированиями граждан / П.Н. Кобец // Профессионал. 2004. № 6. С. 35–37.
6. Кобец П.Н. Об опыте взаимодействия органов местного самоуправления и органов внутренних дел субъектов Центрального федерального округа Российской Федерации по возрождению общественных формирований / П.Н. Кобец // Проблемы местного самоуправления. 2005. № 12. С. 27–30.
7. Овчинникова Л.И. Правовые и организационные основы привлечения негосударственных субъектов правоохранительной направленности к охране общественного порядка : дис. ... канд. юрид. наук / Л.И. Овчинникова. М., 2008. 218 с.
8. Первой В.П. Исторический опыт руководства общественными формированиями трудящихся в профилактике правонарушений в СССР / В.П. Первой // Взаимодействие органов внутренних дел и общественных организаций в реализации положений Концепции национальной безопасности Российской Федерации : материалы научно-практической конференции (Москва, 24.11.2006) : сб. науч. ст. М. : Издательство Московского университета МВД России, 2007. С. 127–134.
9. Советская милиция: история и современность (1917–1987) / под ред. А.В. Власова. М. : Юридическая литература, 1987. 336 с.
10. Тепляшин И.В. Взаимодействие российской общественности и государства: историко-правовые аспекты / И.В. Тепляшин // История государства и права. 2014. № 9. С. 8–11.
11. Шаяхметова Т.Е. Законодательная регламентация противодействия преступности, обеспечения и охраны общественного порядка в Российской империи XIX — начала XX в. / Шаяхметова Т.Е. // История государства и права. 2015. № 3. С. 7–12.

References

1. Baytin M.I. Narodny'e družiny' [People's Patrols] / M.I. Baytin, V.S. Goldman. Saratov : Privolzhskoe knizhnoe izdatelstvo — Saratov : Volga Book Publishing House, 1969. 205 s.
2. Grib V.V. Istoriko-pravovy'e etapy' razvitiya obschestvennogo kontrolya v dorevolutsionnoy Rossii i SSSR [Historical and Legal Stages of the Development of Public Control in the Pre-Revolutionary Russia and the USSR] / V.V. Grib // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2015. № 20. S. 3–10.
3. Eroshkin N.P. Istoriya gosudarstvenny'kh uchrezhdeniy dorevolutsionnoy Rossii ; 3-e izd., pererab. i dop [History of State Authorities of the Pre-Revolutionary Russia ; 3rd edition, revised and enlarged] / N.P. Eroshkin. Moskva : Vysshaya shkola — Moscow : Higher School, 1983. 352 s.
4. Zherebtsov A.B. Pravookhranitelnye organy' (istoriya, teoriya, praktika) [Law Enforcement Bodies (History, Theory, Practice)] / A.B. Zherebtsov // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD RF — Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2005. № 1. S. 82–85.
5. Kobets P.N. Vzaimodeystvie mezhdru organami vnutrennikh del i obschestvenny'mi formirovaniyami grazhdan [Interaction between Internal Affairs Bodies and Public Associations of Citizens] / P.N. Kobets // Professional — Professional. 2004. № 6. S. 35–37.
6. Kobets P.N. Ob opy'te vzaimodeystviya organov mestnogo samoupravleniya i organov vnutrennikh del subyektov Tsentralnogo federalnogo okruga Rossiyskoy Federatsii po vozrozhdeniyu obschestvenny'kh formirovaniy [On the Experience of Interaction between the Local Self-Government Bodies and the Internal Affairs Bodies of the Central Federal District of the Russian Federation for Restoration of Public Associations] / P.N. Kobets // Problemy' mestnogo samoupravleniya — Issues of Local Self-Government. 2005. № 12. S. 27–30.
7. Ovchinnikova L.I. Pravovy'e i organizatsionnye osnovy' privlecheniya negosudarstvenny'kh subyektov pravookhranitelnoy napravlenosti k okhrane obschestvennogo poryadka : dis. ... kand. jurid. nauk [Legal and Organizational Bases of Engaging Private Law Enforcement Entities in Maintenance of Public Order : thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / L.I. Ovchinnikova. Moskva — Moscow, 2008. 218 s.
8. Pervoy V.P. Istoricheskiy opyt' rukovodstva obschestvenny'mi formirovaniyami trudyaschikhsya v profilaktike pravonarusheniy v SSSR [Historical Experience of Governing Public Associations of Workers in Prevention of Crimes in the USSR] / V.P. Pervoy // Vzaimodeystvie organov vnutrennikh del i obschestvenny'kh organizatsiy v realizatsii polozheniy Kontseptsii natsionalnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii : materialy' nauchno-prakticheskoy konferentsii (Moskva, 24.11.2006) : sb. nauch. st. [Interaction between Internal Affairs Bodies and Public Associations for Implementation of Provisions of the National Security Concept of the Russian Federation : materials of the scientific and practical conference (Moscow, November 24, 2006) : collection of scientific articles]. Moskva : Izdatelstvo Moskovskogo universiteta MVD Rossii — Moscow : Publishing house of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2007. S. 127–134.
9. Sovetskaya militsiya: istoriya i sovremennost (1917–1987) ; pod red. A.V. Vlasova [Soviet Police: History and the Modern Times (1917 to 1987) ; edited by A.V. Vlasov]. Moskva : Yuridicheskaya literatura — Moscow : Legal Literature, 1987. 336 s.
10. Teplyashin I.V. Vzaimodeystvie rossiyskoy obschestvennosti i gosudarstva: istoriko-pravovy'e aspekty' [Interaction between the Russian Public and the State: Historical and Legal Aspects] / I.V. Teplyashin // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2014. № 9. S. 8–11.
11. Shayakhmetova T.E. Zakonodatel'naya reglamentatsiya protivodeystviya prestupnosti, obespecheniya i okhrany' obschestvennogo poryadka v Rossiyskoy imperii XIX — nachala XX v. [Legal Regulation of Combating Crime, Securing and Maintaining Public Order in the Russian Empire in the XIX to the Early XX Century] / T.E. Shayakhmetova // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2015. № 3. S. 7–12.

DOI:10.18572/1812-3805-2018-4-40-44

Опыт устройства народного суда в Закаспийской области Российской империи (1899–1917 гг.)

*Аминов Илья Исакович,
доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат психологических наук,
кандидат юридических наук, доцент,
член Ассоциации юристов России
aminovii@mail.ru*

В статье рассматривается процесс создания судебной системы Закаспийской области Российской империи в конце XIX — начале XX в., раскрываются особенности формирования и специфика функционирования, иерархия судебных органов на территориях расселения туркменских племен, анализируется влияние российского законодательства на обычное право туркмен — адат. Следствием проведенных мероприятий по административно-судебному устройству Закаспийской области, при которых учитывались местные особенности, наиболее общими чертами туркменского правосудия стали: 1) коллегиальность всех судебных инстанций (выбранный населением судья не имел права единоличного решения, он являлся лишь членом коллегии), переменность судейского состава, гласность и публичность; 2) подчиненность русской администрации (приставы и уездные начальники не только надзирали, но фактически руководили ходом судебного разбирательства, поскольку местное население привыкло искать правосудия не в суде, а у начальника; 3) превращение чрезвычайных съездов народных судей в законодательный орган, вводящий новые нормы в виде судебных прецедентов, письменных постановлений, как более «справедливых», «человечных».

***Ключевые слова:** судебная система Закаспийской области, участковый народный суд, съезд народных судей уезда (приставства), чрезвычайный съезд народных судей области, порядок судопроизводства и судопроизводства.*

Experience of Establishment of a People's Court in the Trans-Caspian Area of the Russian Empire (1899 to 1917)

*Aminov Ilya I.
Assistant Professor of the Department of Criminology and Penal Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Candidate of Psychological Sciences
Candidate of Legal Sciences
Assistant Professor
Member of the Association of Lawyers of Russia*

The article deals with the process of creating the judicial system of the Trans-Caspian region of the Russian Empire at the end of the XIX-th and the beginning of the XX-th centuries. The peculiarities of the formation and specificity of functioning, the hierarchy of the judiciary in the areas of settlement of Turkmen tribes are revealed; the influence of Russian legislation on the customary law of Turkmen Adat is analyzed. The following are the most common features of the Turkmen justice: 1) the collegiality of all judicial instances (the judge chosen by the population did not have the right to a sole decision, he was only a member of the collegium), the variability of the judiciary, Publicity and publicity; 2) the subordination of the Russian administration (bailiffs and district chiefs not only supervised, but in fact supervised the trial, because the local population is accustomed to seek justice not in court but at the head; 3) turning extraordinary congresses of people's judges into a legislative body introducing new norms into law; In the form of judicial precedents, written decisions, as more "just", "human", "civilized".

***Keywords:** the judicial system of the Trans-Caspian region, the local people's court, the congress of people's judges of the county (pre-trial), the extraordinary congress of people's judges of the region, the order of judicial organization and judicial proceedings.*

После объединения «территории туркмен текинского рода и земель Закаспийского военного отдела» 6 мая 1881 г. Высочайшим указом Александра III была учреждена Закаспийская область в качестве административной единицы Российской империи. Область располагалась между восточным берегом Каспийского моря и западными окраинами Бухарского эмирата и Хивинского ханства. На севере она доходила до Уральской области, а на юге граничила с Персией и Афганистаном.

Постепенное приобщение коренного населения Закаспийской области к государственным институтам Российской империи привело к образованию наряду с иерархией исполнительных органов и соответствующей им системы судебной власти. Были учреждены две судебные системы: российский суд (суды общей, мировой, военной юстиции) и местный суд (участковый народный суд, съезд народных судей уезда (приставства), чрезвычайный съезд народных судей области). Иерархия местного (народного) суда сложилась не сразу и далеко не везде включала в себе все перечисленные инстанции. Кроме того, характер и степень зависимости народных судов от российских военных чиновников довольно существенно отличались по регионам. В целом, следуя правилу не вторгаться в сферу внутренней жизни туркмен и оставлять в неприкосновенности их нравы и обычаи, центральное правительство и закаспийская администрация ввиду существовавшей беспорядочности в системе народного судопроизводства были вынуждены коснуться организации туркменских судов, унифицировать правила судопроизводства у разных племен.

14 мая 1899 г. в крае последовало *торжественное открытие новых судебных учреждений*. На основании отдела XII Высочайше утвержденного 15 февраля 1899 г. положения Государственного Совета об устройстве судебной части в области и в силу состоявшегося соглашения с министром юстиции военный министр 9 апреля 1899 г. представил в Правительствующий Сенат *«Временные правила о подсудности гражданских и уголовных дел туземцев Закаспийской области народным судам»*¹.

Несмотря на то что с самого начала образования Закаспийской области было определено, что пришлое население (крестьяне-переселенцы, рабочие, торговцы и пр.) подсудно общероссийским законам, а коренное население судится по нормам обычного права, подсудность местных судов претерпела определенные изменения. Из нее были изъяты и

переданы в подсудность российских судов дела о разбое и грабеже². Запрещались «кровная месть», саморасправа, самосуд над преступником, насильственный захват имущества виновника преступления. Некоторые уголовно-правовые обычаи видоизменялись. По делам, возникавшим среди туркмен, были установлены совершенно новые меры наказания: арест, тюремное заключение, телесное наказание, штраф, высылка и сылка.

Наказуемыми стали покушение на убийство, ранения, ряд деяний, направленных против правосудия (ложные обвинения и показания в суде, неявка в суд, неисполнение судебных решений), и другие правонарушения. В результате прогрессивного влияния российской правовой культуры коренным населением Закаспийской области стали постепенно сознаваться вредность и невыгодность отдельных обычаев, а принцип коллективной ответственности и коллективной защиты сменил принцип индивидуальной ответственности за совершенное преступление.

В результате проведения судебной реформы на всей территории области была выработана *иерархическая система судов для коренных жителей*, со строго определенной подсудностью для каждой инстанции (ст. 219, 227, 230, 233 проекта «Временного положения...» 1894 г.)³. Эта система сложилась не сразу и не везде включала в себе все перечисленные инстанции. Довольно значительно отличались по уездам характер и степень зависимости народных судов от областной администрации⁴.

Для образования народных судов согласно ст. 192, 193 проекта Временного положения 1994 г. *каждое аульное общество выбирало двух кандидатов в судьи*. Кандидатом мог быть избран каждый коренный житель, достигший 30-летнего возраста, пользующийся уважением и доверием народа, не подвергавшийся по приговору суда наказаниям, превышающим семидневный арест или денежное взыскание в 30 руб., не состоящий под следствием или судом. Избранные кандидаты утверждались на судебские должности начальником области по представлениям уездных

² Аминов И.И. Преступность в Закаспийской области Российской империи (1910–1912 гг.) // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20. С. 427.

³ Проект Временного положения об управлении Закаспийской области 1994 г. (ст. 179–235) // ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3795. Л. 93–102.

⁴ Введены в действие Приказом начальника Области от 18 августа 1899 г. в качестве «Временных правил подсудности народным судам Закаспийской области гражданских и уголовных дел туземцев».

¹ Собр. узак. и распор. прав. 1899. № 66. Ст. 914.

начальников на три года. Судьями считались только те лица, которые действительно исполняли судебские обязанности. По отбытии своей очереди они возвращались в аулы и продолжали считаться снова кандидатами.

Участковый народный суд действовал в пределах судебного района уезда или приставства, состоял из пяти судей, один из которых по выбору самих судей назначался председателем. При рассмотрении каждого дела участвовали все судьи, но в случае отсутствия кого-либо из судей по уважительным причинам решение принималось и при наличии трех судей, включая председателя.

Участковый народный суд действовал постоянно, что обуславливалось необходимостью быстрого и безостановочного рассмотрения и решения дел (для кочевого населения по сессиям в связи с особенностями кочевой жизни), менялся в своем составе по очереди, устанавливаемой уездным начальником, приступал к разбору дел по просьбам и жалобам, как письменным, так и устным, или непосредственно тяжущихся и потерпевших, или через волостных, аульных старшин, чинов российской администрации, а в делах уголовных, сверх того, по предписаниям надлежащего начальства.

По делам о преступлениях и проступках в случае непримирения сторон участковый суд за вред и убытки налагал на виновных следующие наказания: а) денежные взыскания не свыше 200 руб.; б) заключение под стражу не свыше одного года и шести месяцев; в) телесное наказание до 30 ударов.

По всем исковым делам суд выносил решения на всякую сумму. Но решения участкового народного суда считались обязательными: а) по делам о преступлениях и поступках, когда им определялось вознаграждение за вред и убытки не свыше 200 руб. и наказания; арест не свыше одного месяца, штраф до 30 руб. и телесное наказание до 30 ударов; б) по делам исковым — когда иски по спорам и личным обязательствам и договорам не превышали 200 руб. По остальным делам, как исковым, так и уголовным, решения этого суда считались неоконченными и могли быть обжалованы в двухнедельный срок со дня объявления решения. Жалобы эти приносились уездному начальнику как письменно, так и устно непосредственно или через пристава, помощника уездного начальника, с приложением копии с решения.

Неокончателные приговоры и решения участковых народных судов, которые не были обжалованы, поступали через уездных начальников к начальнику области, который утверждал или отменял решение суда.

Приговоры и решения участкового народного суда, вынесенные с превышением власти или по делам, ему не подсудным, в исполнение не приводились. О них уездные начальники докладывали начальнику области, который в случае отмены приговора возвращал дело с надлежащими указаниями для принятия нового решения, а при выявлении неспусудности дела участковому народному суду давал ему законное направление.

Введению *съездов народных судей* подлежали дела по жалобам на неокончателные решения участковых народных судов, передаваемые в съезд уездными начальниками⁵. Действуя в районе каждого уезда, съезды собирались под председательством уездных начальников по мере надобности и состояли из пяти судей. Решения и приговоры съезда считались законными при наличии трех судей.

Наряду с народными судьями (биями) и представителями русской администрации в местных судах могли присутствовать *казий* или *мулла*, принимавшие участие в делах, которые приходилось решать не по адатам, а по мусульманскому закону (шариату). Кроме того, казий или мулла приводил в сложных случаях тяжущихся и свидетелей к присяге, выполнял обязанности секретаря при выдаче брачных, разводных и прочих свидетельств. Следует, однако, заметить, что участие казиев в работе местных судов определялось администрацией Закаспия в обход закона, поскольку должность казия имперским законодательством не предусматривалась. Они назначались в участковом народном суде и съезде народных судей уездным начальником, а в чрезвычайном съезде народных судей — начальником области⁶. Но участие казиев в составе местного суда, исходя из анализа законодательства, было явлением временным. В пояснении к ст. 198 проекта Временного положения 1994 г. этот вопрос оговаривался достаточно ясно: «...для уменьшения вредного влияния его (шариата. — *И.А.*), признается необходимым постепенно устранить из этих судов мулл или казиев, получивших подготовку в фанатической Бухаре, заменив их в составе суда при разборе семейных, наследственных и бракоразводных дел, с правом совещательного голоса, вообще туземцами, знающими мусульманское право. Интересы тяжущихся от этого нового порядка не пострадают, а удаление из суда казиев и мулл будет служить пре-

⁵ Проект Временного положения об управлении Закаспийской области 1994 г. (ст. 227–232) // ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3795. Л. 93–102.

⁶ Хайтляев А. Уголовное обычное право туркмен / под ред. П.Ф. Повелицыной. Ашхабад : Ылым, 1986. С. 66.

пытствием к развитию мусульманского фанатизма среди населения»⁷.

Съезды народных судей налагали те же взыскания и наказания, как и участковые суды. Однако решения съездов народных судей считались окончательными по делам стоимостью, не превышающей 500 руб., а также когда решением определялся арест не свыше трех месяцев, денежное взыскание не свыше 100 руб. и телесное наказание до 30 ударов. Окончательные решения съездов народных судей вступали в законную силу немедленно по принятию решений, а неокончательные — после их утверждения.

Жалобы на неокончательные решения съездов народных судей представлялись в апелляционном порядке в комиссию по судной части при канцелярии начальника для рассмотрения и доклада начальнику области, от которого зависело в таких случаях утверждение, отмена или передача решения народного суда в Чрезвычайный съезд народных судей.

Чрезвычайные съезды народных судей созывались по мере надобности распоряжением начальника области, как правило, 1–2 раза в год. Заседания проходили в Асхабаде, в Большом зале комиссии по судной части, и длились 5–6 дней. Впервые Чрезвычайный съезд был созван 24 января 1894 г. по инициативе начальника области генерал-лейтенанта Куропаткина с целью рассмотрения наиболее сложных жалоб туркмен на решения уездных и приставских судов. В компетенцию этого съезда входило рассмотрение, как правило, возникающих между жителями разных уездов или целых родов одного уезда споров о земле, воде, разделе пастбищ. Среди рассматриваемых дел встречались также тяжбы из-за калыма (платы за невесту), о признании ребенка сыном, несмотря на рождение от рабыни, о возврате жены, отнятой у мужа из-за неуплаты калыма полностью, наследственные дела, в которых участвовало много лиц⁸. Разрешение данных конфликтов имело важнейшее значение для местного населения не только с точки зрения имущественных отношений, но также из-за необходимости поддерживать авторитет и честь семьи, рода.

Перед открытием первого заседания каждой сессии все члены съезда принимали присягу на Коране в том, что будут разбирать все дела беспристрастно.

Разбор дел осуществлялся на основе адата и шариата устно и публично. Решения и приговоры оформлялись письменно, на туркменском языке, прочитывались судьями, после чего скреплялись подписями грамотных судей или печатями безграмотных, далее поступали на утверждение начальнику области и дальнейшему обжалованию не подлежали. Делопроизводство по делам съездов сосредотачивалось в комиссии по судной части⁹.

За все время заседаний съезда в Асхабаде судьи и казии получали суточные деньги по 1 руб. 50 коп. в день, кроме того, им компенсировалась стоимость проезда от пунктов, откуда они были вызваны. Этот съезд имел в своем составе, как правило, девять судей (семеро туркмен и двух казахов) — наиболее влиятельных и уважаемых жителей области. Ввиду того, что до присоединения края к Российской империи в народных судах (*маслахатах*), имевших характер третейских судов, присутствовали выборные с обеих тяжущихся сторон, в глазах каждого туркмена только тут суд был справедлив, когда в его составе мог присутствовать хоть один представитель его племени (рода)¹⁰. Председательствовал на этих съездах глава судной комиссии управления Закаспийской области, имевший помощника — знатока местного языка и бычаев. Председатель и его помощник по сложившемуся правилу не принимали участия в постановлении решений, хотя оказывали влияние на исход дела.

Съезды народных судей, оказавшись к концу XIX столетия практически в полной власти начальников уездов и области, вводя новые нормы в виде судебных прецедентов и письменных постановлений с резолюцией начальства: «Утверждаю, как более справедливое, хотя и несогласованное с адатом решение», уподобились законодательному органу¹¹. Однако такие вмешательства были зачастую оправданы, когда виновный по адату должен был отвечать жизнью или здоровьем. В таких случаях применялся Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, или Свод законов уголовных Российской империи.

Нередко с целью усиления компетентности и беспристрастности съезда суда биев приходилось реорганизовывать его состав. Так, в Мангышлакском уезде, населенном казахами и туркменами, начальник области

⁹ Ломакин А. Указ. соч. С. 73, 77.

¹⁰ Федоров К.М. Закаспийская область. Асхабад: Паровая типография К.М. Федорова, 1901. С. 48.

¹¹ Степной закон. Обычное право казахов, киргизов и туркмен / сост., вступ. ст., ком. и глос. А.А. Никишенков; под. ред. Ю.И. Семенова. М.: Старый сад, 2000. С. 157.

⁷ Ломакин А. Обычное право туркмен (адат) [Репринт с издания 1897 г.]. М.: ЕЕ Медиа, 2015. Приложение. С. 6–7.

⁸ Андреев А.П. Туркменский суд // Исторический вестник. 1900. № 8. С. 270.

признал необходимым преобразовать состав съезда биев, чтобы как интересы туркмен, так и интересы казахов не были ущемлены от неравного состава представителей обеих народностей в суде. До последнего времени в Мангышлакском уезде съезд биев состоял из семи казахов и одного туркмена по числу волостей, населяемых той или другой народностями. При таком неравном составе суда нередко случались недоразумения по причине значительного расхождения между собой обычаев казахов и туркмен.

Судьи-казахи, представляя собой большинство, всегда настаивали на решении дел по обычаю казахов, не принимая во внимание обычаев туркмен, нередко противоположных, и всегда брали перевес. В силу этого обстоятельства начальник области издал приказ, которым постановил вызывать на съезд судебных

биев 7 казахских судей по числу волостей и 4 судей-туркмен. Таким образом, исключительно казахские дела стали разбираться только семью казахскими судьями, туркменские же дела — только четырьмя судьями из туркмен. Что касается смешанных дел, то для разбора их образовывался смешанный состав суда из четырех казахов и четырех туркмен, причем первые избирались из числа семи биев по жребию. Председателем в таких делах при равном числе голосов предоставлялось право решающего голоса.

Такая организация народного суда, как более справедливая и более отвечающая назначению суда, способствовала росту у населения доверия к судебным решениям, принимаемым на основании обычаев каждой из двух коренных народностей Мангышлакского уезда Закаспийской области Российской империи.

Литература

1. Аминов И.И. Преступность в Закаспийской области Российской империи (1910–1912 гг.) / И.И. Аминов // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20. С. 426–430.
2. Андреев А.П. Туркменский суд / А.П. Андреев / Исторический вестник. 1900. № 8 С. 268–273.
3. Ломакин А. Обычное право туркмен (адат) [Репринт с издания 1897 г.] / А. Ломакин. М. : ЕЕ Медиа, 2015. 90 с.
4. Степной закон. Обычное право казахов, киргизов и туркмен / сост., вступ. ст., ком. и глос. А.А. Никишенков ; под. ред. Ю.И. Семенова. М. : Старый сад, 2000. 289 с.
5. Федоров К.М. Закаспийская область / К.М. Федоров. Ашхабад : Паровая типография К.М. Федорова, 1901. 312 с.
6. Хайтлиев А. Уголовное обычное право туркмен / А. Хайтлиев ; под ред. П.Ф. Повелицыной. Ашхабад : Ылым, 1986. 236 с.

References

1. Aminov I.I. Prestupnost v Zakaspiyskoy oblasti Rossiyskoy imperii (1910–1912 gg.) [Crime in the Trans-Caspian Area of the Russian Empire (1910 to 1912)] / I.I. Aminov // Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Kontsept» — Scientific and methodological electronic journal Concept. 2014. Vol. 20. S. 426–430.
2. Andreev A.P. Turkmenskiy sud [Turkmen Court] / A.P. Andreev / Istoricheskiy vestnik — Historical Bulletin. 1900. № 8. S. 268–273.
3. Lomakin A. Oby'chnoe pravo turkmen (adat) ; Reprint s izdaniya 1897 g. [Turkmen Common Law (Adat) ; Reprint of the Edition of 1897] / A. Lomakin. Moskva : EE Media — Moscow : EE Media, 2015. 90 s.
4. Stepnoy zakon. Oby'chnoe pravo kazakhov, kirgizov i Turkmen ; sost., vstup. st., kom. i glos. A.A. Nikishenkov ; pod. red. Yu.I. Semenova [Steppe Law. Kazakh, Kirgiz and Turkmen Common Law ; compiled, foreword, commentaries and glossary by A.A. Nikishenkov ; edited by Yu.I. Semenov]. Moskva : Stary'y sad — Moscow : Old Garden, 2000. 289 s.
5. Fedorov K.M. Zakaspiyskaya oblast [Trans-Caspia] / K.M. Fedorov. Ashkhabad : Parovaya tipografiya K.M. Fedorova — Ashgabat : K.M. Fedorov's legal printing office, 1901. 312 s.
6. Khaytliev A. Ugolovnoe oby'chnoe pravo Turkmen ; pod red. P.F. Povelitsy'noy [Turkmen Criminal Common Law ; edited by P.F. Povelitsyna] / A. Khaytliev. Ashkhabad : Y'ly'm — Ashgabat : Ylym, 1986. 236 s.

DOI:10.18572/1812-3805-2018-4-45-49

Прокурорский надзор за законностью арестов при проведении дознаний по политическим преступлениям в Российской империи

*Горбачев Василий Павлович,
адвокат Донецкой областной коллегии адвокатов,
кандидат юридических наук, доцент
gorvp58@mail.ru*

В статье рассмотрены вопросы прокурорского надзора за законностью арестов полицией и жандармерией подозреваемых при проведении дознаний по политическим преступлениям в Российской империи после судебной реформы 1864 г.

Ключевые слова: прокуратура, жандармерия, полиция, дознание, политические преступления, арест.

Prosecutorial Supervision over Legitimacy of Arrests in Carrying out of Interrogations Related to Political Crimes in the Russian Empire

*Gorbachev Vasily P.
Attorney at the Donetsk Regional Bar Association
Candidate of Legal Sciences
Assistant Professor*

The article considers the issues of prosecutor's supervision over the legality of arrest by the police and gendarmerie of suspects when conducting investigations of political crimes in the Russian Empire after the judicial reform of 1864.

Keywords: the Prosecutor's office, gendarmerie, police, inquiry, political crimes, arrest.

После проведения в Российской империи судебной реформы 1864 г. подозреваемые в совершении государственных преступлений могли быть арестованы в уголовно-процессуальном порядке на основании Устава уголовного судопроизводства (далее — УУС) и закона от 19 мая 1871 г., которые арест регулировали как меру пресечения и предусматривали определенные гарантии неприкосновенности личности. Однако в дальнейшем при обострении политической обстановки ряд законов предусмотрел возможность применения заключения под стражу в административном порядке, чем почти полностью отменил указанные гарантии.

На практике аресты за политические преступления применялись широко. Например, только по делу о революционной пропаганде в империи («дело 193-х») было арестовано более 4 тыс. человек¹. Массовый характер аресты приобретали в революционные периоды. В связи с этим важным являлся вопрос о прокурорском надзоре за законностью таких арестов.

¹ Новицкий В.Д. Воспоминания тяжелых дней моей службы в корпусе жандармов // Былое. 1917. № 5–6. С. 120–121.

Первоначально дознание по государственным преступлениям проводилось прокуратурой или полицией. Однако закон от 19 мая 1871 г. эти полномочия передал жандармерии, которую в неотложных случаях могла заменять общая полиция. Надзор за дознанием по таким преступлениям был возложен на прокуратуру, которая имела право давать указания как о задержании подозреваемых, так и об их освобождении. По делам о противозаконных сообществах для предупреждения общения обвиняемых между собой или сокрытия следов преступления закон от 4 июня 1874 г. предоставил прокурору судебной палаты право давать письменные предложения о заключении под стражу даже за такие преступления, которые не предусматривали возможности применения этой меры пресечения. А 7 июня 1904 г. для тех же целей возможность ареста за деяния, которые не предусматривали его применение, закон распространил и на государственные преступления. Однако теперь прокуратуре в этом вопросе был предоставлен только последующий надзор. Лица, производившие дознание, могли по своей инициативе заключить обвиняемых под стражу, однако об этом они должны были немедленно сообщить

прокурору, который имел право письменно предложить отменить эту меру, если по обстоятельствам дела признавал, что она не вызывается необходимостью.

Арест в уголовно-процессуальном порядке в качестве меры пресечения мог производиться только при наличии определенных оснований и условий, указанных в ст. 257, 417–421 УУС. При этом закон не предусматривал обязанность полиции и жандармерии аресты подозреваемых согласовывать с прокуратурой. Однако архивные материалы свидетельствуют о том, что они делали это, а отсутствие сведений о таком согласовании вызывало дополнительную переписку с вышестоящими прокурорами². В то же время имелись факты проведения жандармерией арестов вопреки прямым возражениям прокуратуры³.

В связи с обострением в стране политической ситуации в конце 1870-х — начале 1880-х гг. был принят ряд чрезвычайных законов, которые расширили право ареста, предусмотрев наряду с уголовно-процессуальным и административный порядок ареста подозреваемых. Эти законы почти полностью отменили гарантии личной неприкосновенности граждан, создав почву для произвольных арестов и значительно расширив практику заключения под стражу. Массовые административные аресты начались в 1878 г., после ряда резонансных политических убийств и принятия 1 сентября 1878 г. секретных временных правил, которые чинам жандармерии (а в случае их отсутствия — начальникам местной полиции) предоставили право арестовывать не только по подозрению в совершении политических преступлений, но и за участие в уличных беспорядках или сходках политического характера, которые в то время не являлись преступлениями. Для такого ареста необязательно было наличие доказательств совершения преступления, а достаточно было предположения о политической неблагонадежности лица⁴.

Детальнее порядок административных арестов урегулирован 14 августа 1881 г. «Положением о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», которое, по разъяснению Министерства внутренних дел, предоставило административной власти чрезвычайные права подвергать подозреваемых лиц задержанию на определенный

срок для проверки имеющихся неблагоприятных сведений о них⁵. Местные начальники полиции, а также начальники жандармских управлений и их помощники имели право делать распоряжения о предварительном задержании «лиц, внушающих основательное подозрение» в совершении государственных преступлений или в «прикосновенности» к ним, а также в принадлежности к противозаконным сообществам. Отсутствия в законе других условий и неопределенность понятия «основательное подозрение» создавало почву для необоснованных арестов. Это приводило к тому, что на практике широко применялись массовые аресты, в ходе которых многие лица арестовывались без каких-либо доказательств. По замечанию в 1905 г. товарища министра внутренних дел П.Н. Дурново, ни один из обывателей не мог быть уверен в том, что он гарантирован от производства у него обыска или заключения его под стражу без видоизменения с его стороны какого-либо повода для этого⁶. А бывший директор департамента полиции А.А. Лопухин утверждал, что Положение об охране поставило все население России в зависимость от личного усмотрения чинов политической полиции, так как для ареста вместо объективных признаков виновности было признано достаточным наличие у любого жандармского чина «субъективного впечатления подозрения в виновности лица»⁷.

В административном порядке лица арестовывались без согласования с прокуратурой. Министр внутренних дел в некоторых своих указаниях прямо подчеркивал, что аресты политически неблагонадежных лиц «в порядке охраны» должны быть произведены без предварительного соглашения с прокуратурой⁸. На практике такие аресты во многих случаях были необоснованными, что вынуждены были признавать даже сами начальники жандармских управлений. Например, вновь назначенный начальник жандармского управления г. Одессы в переписке с начальником охранного отделения признал, что в июне 1907 г. он оказался в «неприглядном положении», подписывая ордера и постановления охранного отделения об обысках и арестах, не имея никаких сведений об их основаниях;

² Центральный государственный исторический архив Украины. Ф. 317. Оп. 1. Д. 2363. Л. 6 (далее — ЦГИАУ); Государственный архив Харьковской области. Ф. 373. Оп. 1. Д. 17. Л. 123, 125, 132, 453. (далее — ГАХО.)

³ ЦГИАУ. Ф. 317. Оп. 1. Д. 2363. Л. 8, 11, 13.

⁴ Государственный архив Новгородской области. Ф. 117. Оп. 1. Д. 74. Л. 41, 44. (далее — ГАНО.)

⁵ Государственный архив Тюменской области. Ф. И-239. Оп. 1. Д. 3. Л. 421об. URL: <https://www.prlib.ru/item/462513> (далее — ГАТО.)

⁶ Царизм в борьбе с революцией 1905–1907 гг.: сб. док. / под ред. А.К. Дрезена. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1936. С. 37.

⁷ Лопухин А.А. Из итогов служебного опыта. М.: Тип. В.М. Саблина, 1907. С. 26–27.

⁸ Бальц В. Суд над первым Советом рабочих депутатов (Воспоминания прокурора) // Былое. 1926. № 1. С. 134.

в результате было проведено весьма значительное количество совершенно безосновательных арестов⁹. С учетом изложенного нельзя согласиться с утверждением У.И. Гибадатова о том, что прокуратура санкционировала незаконные обыски и аресты¹⁰.

Министерство юстиции неоднократно обращало внимание прокуроров на необходимость надзора за законностью арестов. Например, 1 июня 1900 г. министр юстиции обязал прокуроров окружных судов немедленно провести проверку законности содержания под стражей всех арестованных по всем местам заключения и впредь неуклонно выполнять требование ст. 10 УУС, в силу которой прокуратура обязана наблюдать за тем, чтобы никто не содержался под стражей без постановления уполномоченных на то мест и лиц и немедленно освобождать неправильно лишенных свободы¹¹. Министерство уделяло внимание формальной стороне арестов, т.е. наличию в местах лишения свободы постановлений об аресте и соблюдению сроков содержания под стражей.

Об аресте подозреваемого необходимо было составить постановление, а его копию направить в прокуратуру. Однако такие постановления составлялись во многих случаях несвоевременно или же вообще не составлялись. Например, бывший начальник Киевского губернского жандармского управления В.Д. Новицкий в своих воспоминаниях писал, что в ходе возложенной на него проверки количества всех арестованных по делу «193-х», он установил, что по телеграммам Московского ГЖУ в 26 губерниях было арестовано большое количество лиц, однако постановления об аресте не составлены; в связи с этим ему «пришлось написать тысячи постановлений»¹².

Архивные материалы свидетельствуют о том, что полиция и жандармерия сообщали в прокуратуру о заключении подозреваемых под стражу и направляли ей копии постановлений об арестах, однако делали это не всегда. В связи с этим прокуроры иногда напоминали начальникам жандармских управлений о предусмотренной Уложением о наказаниях (ст. 450) ответственности за то, что соответствующие чиновники не сообщают об арестах¹³.

Работники прокуратуры должны были посещать места лишения свободы по обще-

му правилу не менее трех раз в месяц¹⁴ и осуществлять надзор за законностью арестов, которые проводились как на основании Устава уголовного судопроизводства, так и в административном порядке. При этом содержание и объем надзорных полномочий прокуратуры в этих случаях были различными.

Законность арестов, проведенных на основании УУС, проверялась не только с формальной стороны, но и по существу, а при выявлении нарушений прокуратура была обязана потребовать освобождения незаконно арестованных. Однако первоначально права прокуратуры в этом вопросе были ограниченными. По закону от 1 сентября 1878 г. при производстве формального дознания предложение прокурора изменить меру пресечения, избранную арестованному без достаточных оснований, не всегда было обязательным для исполнения. Если чины жандармерии или полиции признавали невозможным исполнить предложение прокурора, то сообщали ему об этом, а прокурор обязан был сообщить об этом прокурору судебной палаты для разрешения возникшего «затруднения». В то же время, по разъяснению шефа жандармов, в особо важных случаях при несогласии с предложением прокурора начальники жандармских управлений должны были сообщать шефу жандармов телеграфом и ожидать дальнейших его указаний¹⁵. Однако в сентябре 1881 г. указанный закон отменен. А в 1883 г. министр юстиции разъяснил, что при взятии обвиняемого под стражу без настоятельной в том необходимости и без достаточных для этого оснований прокуратура обязана предложить лицу, производящему дознание, заменить задержание обвиняемого другой мерой пресечения¹⁶.

Архивные материалы свидетельствуют о том, что на практике арестованные освобождались в некоторых случаях по согласованию с товарищами прокурора, а иногда — по прямому указанию прокурора¹⁷. При этом само МВД ориентировало жандармерию на то, чтобы вопросы изменения меры пресечения решались по согласованию с прокуратурой. А если предложения об освобождении арестованных давала непосредственно прокуратура, то департамент полиции требовал, чтобы такое освобождение осуществлялось только при наличии ее письменных предложений¹⁸.

⁹ ЦГИАУ. Ф. 385. Оп. 1. Д. 1733. Л. 153–153об.

¹⁰ Гибадатов У.И. Прокурорский надзор в Российской империи в пореформенный период // Закон и право. 2008. № 7. С. 112.

¹¹ ЦГИАУ. Ф. 317. Оп. 6. Д. 287. Л. 160.

¹² Новицкий В.Д. Указ. соч. С. 120.

¹³ ГАТО. Ф. И-239. Оп. 1. Д. 3. Л. 54, 83.

¹⁴ Наказ министра юстиции, генерал-прокурора, чинам прокурорского надзора судебных палат и окружных судов. СПб., 1896. С. 58.

¹⁵ ГАНУ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 74. Л. 41–41об., 45.

¹⁶ ГАТО. Ф. И-239. Оп. 1. Д. 3. Л. 71–72об.

¹⁷ ГАХО. Ф. 373. Оп. 1. Д. 17. Л. 222, 238, 425.

¹⁸ ГАТО. Ф. И-239. Оп. 1. Д. 3. Л. 358, 368.

В отличие от надзора за уголовно-процессуальными арестами при арестах в административном порядке прокурорский надзор носил усеченный характер, надзорные полномочия прокуратуры были ограничены проверкой только формальных вопросов: наличия постановления об аресте и соблюдения его срока. Например, прокурор Одесского окружного суда 30 июня 1905 г. на заявлении одного из заключенных разъяснил ему, что он арестован на основании положения об усиленной охране по распоряжению градоначальника, срок ареста продлен, поэтому по закону прокурор суда не имеет права освободить его из-под стражи¹⁹.

До начала формального дознания прокуратура не была уполномочена проверять фактические основания административного ареста, для которого не требовались доказательства совершения преступления, и не имела права давать указания об освобождении арестованных. Еще закон от 1 сентября 1878 г. установил, что аресты в административном порядке и освобождение таких арестованных осуществлялись без участия прокуратуры, а прокурору только для сведения направлялись копии постановлений об арестах²⁰. Министр юстиции по этому поводу разъяснил, что в тех случаях, когда по недостатку доказательств формальное дознание начать невозможно, прокуроры должны ограничиваться только получением копий постановлений об аресте²¹. Это было связано с тем, что такой арест являлся не результатом выявленного политического преступления, а средством для его выявления. А директор департамента полиции А.А. Лопухин в 1904 г. признал, что аресты в порядке Положения об охране жандармерия стремилась использовать как средство избежать контроля прокуратуры за достаточностью оснований к аресту²².

Обоснованность административных арестов прокуратура могла проверять только после начала формального дознания²³. И практика показала, что прокуроры проводили такие проверки и реагировали на выявляемые нарушения, из-за чего у них возникали конфликты с администрацией. Например, прокурор Черниговского окружного суда А.С. Ющенко требовал освобождения задержанных лиц, если не соблюдались предусмотренные ст. 21 Положения об охране основания для ареста, за

это в административных сферах его считали «неблагонадежным»²⁴. А прокурор Лубенского окружного суда А.Ф. Калинин за борьбу с такими незаконными арестами приобрел репутацию «либерального» прокурора²⁵.

Прокуратура обязана была наблюдать также за соблюдением установленных сроков ареста²⁶. Устав уголовного судопроизводства и временные правила от 1 сентября 1878 г. не предусматривали такие сроки. Однако они были установлены Положением об охране от 14 августа 1881 г., которое предусматривало, что в местностях, не объявленных в исключительном положении, подозреваемые могли быть арестованы на срок до 7 дней, а в местностях, объявленных состоящими в исключительном положении, — на срок до 2 недель с возможностью его продления до 1 месяца по письменному распоряжению губернатора или градоначальника. Если в отношении арестованного решался вопрос об административной высылке, то дальнейшее продление срока предварительного ареста осуществлялось министром внутренних дел на неопределенное время до окончания дела.

Наказ министра юстиции 1896 г. обязывал прокуратуры окружных судов об окончании установленного срока ареста немедленно сообщать прокурору палаты и ожидать его распоряжений. Однако циркуляр от 7 июля 1906 г. отменил это правило и потребовал неуклонно выполнять ст. 10 УУС, которая обязывала прокуроров немедленно освобождать лиц, неправильно лишенных свободы. Одновременно министр обязал работников прокуратуры окружных судов немедленно сообщать прокурору судебной палаты о каждом случае освобождения арестованных из-под стражи²⁷.

Получив копии постановлений об арестах и контролируя сроки содержания под стражей, прокуратура запрашивала необходимую информацию и получала сообщения о решениях, принятых в отношении арестованных лиц (об их высылке, о продлении срока задержания или об освобождении из-под стражи). Однако такие запросы прокуратуры зачастую оставались без ответа²⁸.

В ходе проверок прокуратура выявляла многочисленные нарушения. По свидетельству в 1900 г. прокурора Киевской судебной палаты, арестованные нередко оставались под

¹⁹ Государственный архив Одесской области. Ф. 634. Оп. 1. Д. 217. Л. 125.

²⁰ ГАНУ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 74. Л. 41.

²¹ Казанцев С.М. История царской прокуратуры. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1993. С. 182.

²² Царизм в борьбе с революцией 1905–1907 гг. С. 30.

²³ ГАНУ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 74. Л. 41.

²⁴ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 431. Л. 92. (Далее — ГАРФ.)

²⁵ Там же. Д. 430. Л. 179.

²⁶ Наказ министра юстиции, генерал-прокурора, чинам прокурорского надзора судебных палат и окружных судов. С. 57–58.

²⁷ Государственный архив Днепропетровской области. Ф. 177. Оп. 1. Д. 2. Л. 13, 22.

²⁸ ЦГИАУ. Ф. 317. Оп. 6. Д. 287. Л. 160–160об.

стражей и после истечения установленных сроков, которые обычно продлевались несвоевременно, а нередко ходатайства о продлении срока ареста вообще не возбуждались²⁹. Прокурор Черниговского окружного суда в 1906 г. «весьма часто» направлял требования об освобождении задержанных, в отношении которых не было распоряжения министра внутренних дел о продлении срока ареста. Эти требования прокурора исполнялись, однако приводили губернатора в ярость³⁰.

В то же время, зная об имеющихся нарушениях, прокуроры в некоторых случаях шли на компромисс с административной властью, по распоряжению которой лица были заключены под стражу, и предлагали ей самостоятельно решать вопросы освобождения незаконно арестованных лиц. Например, аресты за дерзкие слова и поступки против императора без прямого намерения возбудить к нему неуважение Тобольский губернский прокурор признавал незаконными, так как за эти преступления закон не предусматривал возможность избрания меры пресечения в виде содержания под стражей, в связи с этим он 16 июля 1883 г. предложил начальнику ГЖУ при поступлении к не-

му сообщений об арестах таких обвиняемых немедленно принимать меры к освобождению незаконно арестованных и к замене меры пресечения³¹. А когда 1 июня 1900 г. министр юстиции поручил прокурорам окружных судов провести проверки во всех местах заключения, прокурор Киевской судебной палаты, чтобы избежать освобождения непосредственно прокуратурой незаконно арестованных, предложил губернаторам немедленно освободить таких лиц, а в дальнейшем заблаговременно продлевать сроки задержания и об этом сообщать прокурорам окружных судов³².

Таким образом, можно сделать вывод о том, что содержание и объем прокурорского надзора за законностью заключения под стражу при проведении дознаний по политическим преступлениям зависели от того, в котором порядке (уголовно-процессуальном или административном) был проведен арест. Правовые возможности такого надзора были ограниченными. В то же время и в пределах предоставленных полномочий прокуратура не в полной мере обеспечивала соблюдение законности арестов и содержания арестованных под стражей.

²⁹ Там же.

³⁰ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 431. Л. 92.

³¹ ГАТО. Ф. И-239. Оп. 1. Д. 3. Л. 80–81.

³² ЦГИАУ. Ф. 317. Оп. 6. Д. 287. Л. 160об.–162.

Литература

1. Балц В. Суд над первым Советом рабочих депутатов (Воспоминания прокурора) / В. Балц // Былое. 1926. № 1. С. 133–156.
2. Гибадатов У.И. Прокурорский надзор в Российской империи в пореформенный период. На примере Южного Урала / У.И. Гибадатов // Закон и право. 2008. № 7. С. 111–113.
3. Казанцев С.М. История царской прокуратуры / С.М. Казанцев. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1993. 216 с.
4. Лопухин А.А. Из итогов служебного опыта. Настоящее и будущее русской полиции / А.А. Лопухин. М.: Тип. В.М. Саблина, 1907. 69 с.
5. Наказ министра юстиции, генерал-прокурора, чинам прокурорского надзора судебных палат и окружных судов. СПб., 1896. 118 с.
6. Новицкий В.Д. Воспоминания тяжелых дней моей службы в корпусе жандармов / В.Д. Новицкий // Былое. 1917. № 5–6. С. 91–124.
7. Царизм в борьбе с революцией 1905–1907 гг.: сб. док. / под ред. А.К. Дрезена. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1936. 259 с.

References

1. Balts V. Sud nad pervym Sovetom rabochikh deputatov (Vospominaniya prokurora) [Trial of the First Soviet of Workers' Deputies (Prosecutor's Memoirs)] / V. Balts // By'loe — The Past. 1926. № 1. S. 133–156.
2. Gibadatov U.I. Prokurorskiy nadzor v Rossiyskoy imperii v poreformenny'y period. Na primere Yuzhnogo Urala [Prosecutorial Supervision in the Russian Empire in the Post-Reform Period. Based on the Example of Southern Ural] / U.I. Gibadatov // Zakon i pravo — Act and Law. 2008. № 7. S. 111–113.
3. Kazantsev S.M. Istoriya tsarskoy prokuratury' [History of the Tsar's Prosecutor's Office] / S.M. Kazantsev. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta — Saint Petersburg: Publishing house of the Saint Petersburg University, 1993. 216 s.
4. Lopukhin A.A. Iz itogov sluzhebno go opy'ta. Nastoyashee i budushee russkoy politzii [From the Service Experience. The Present and the Future of Russian Police] / A.A. Lopukhin. Moskva: Tip. V.M. Sablina — Moscow: V.M. Sablin's printing office, 1907. 69 s.
5. Nakaz ministra yustitsii, general-prokurora, chinam prokurorskogo nadzora sudebny'kh palat i okruzhny'kh sudov [Order of the Minister of Justice, Prosecutor General to Prosecutorial Supervision Officials of Judicial Chambers and District Courts]. Sankt-Peterburg — Saint Petersburg, 1896. 118 s.
6. Novitsky V.D. Vospominaniya tyazhely'kh dney moyey sluzhby' v korpuse zhandarmov [Memoirs of the Hard Days of my Service in a Gendarme Corps] / V.D. Novitsky // By'loe — The Past. 1917. № 5–6. S. 91–124.
7. Tsarizm v borbe s revolyutsiyey 1905–1907 gg.: sb. dok.; pod red. A.K. Drezena [Tsarism in the Struggle against the Revolution of 1905 to 1907: collection of documents; edited by A.K. Drezzen]. Moskva: Gos. sots.-ekon. izd-vo — Moscow: State Socioeconomic Publishing House, 1936. 259 s.

DOI:10.18572/1812-3805-2018-4-50-54

Пленум Верховного Суда Российской Федерации: страницы истории

*Момотов Виктор Викторович,
секретарь Пленума,
судья Верховного Суда Российской Федерации,
Высший квалификационный класс судьи,
доктор юридических наук, профессор
avtor@lawinfo.ru*

В статье рассмотрены история Пленума Верховного Суда РФ, характер и специфические черты его работы в разные исторические периоды. Дана оценка правовой природе постановлений Пленума Верховного Суда РФ, их особому месту в российской правовой системе. Проанализированы особенности «упреждающих» постановлений Пленума Верховного Суда РФ на современном этапе.

Ключевые слова: Пленум Верховного Суда РФ, история государства и права, толкование права, правовая определенность.

The Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation: Pages of History

*Momotov Viktor V.
Plenum Secretary
Judge of the Supreme Court of the Russian Federation
Judge of the Highest Qualification Class
Doctor of Law
Professor*

The article considers the history of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, the nature and specific features of its work in different historical periods. The evaluation of the legal priorities of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, their special place in the Russian legal system is given. Analyzed features of "preemptive" decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation at the present stage.

Keywords: Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, history of state and law, interpretation of law, legal certainty.

Пленум Верховного Суда РФ представляет собой уникальное явление нашей правовой действительности. На сегодняшний день можно с уверенностью сказать, что постановления Пленума Верховного Суда РФ выступают одной из главных движущих сил российской правовой системы, локомотивом развития законодательства и правоприменительной практики.

Особое значение Пленума Верховного Суда РФ во многом обусловлено тем, что его деятельность выступает связующим звеном между правотворческой и правоприменительной деятельностью. Разъясняя смысл и содержание многочисленных норм материального и процессуального права, Пленум одновременно способствует как повышению качества судебной практики, предотвращая и упреждая судебные ошибки, так и совершенствованию правового регулирования, обращая внимание законодателя на обнаруженные пробелы

и неясности в положениях закона. Кроме того, принимая участие в правотворческом процессе путем выступления с законодательными инициативами, Пленум Верховного Суда РФ стремится развивать правовое регулирование и одновременно совершенствовать работу судов.

Чтобы в полной мере осознать значение Пленума Верховного Суда РФ для отечественного правопорядка, необходимо обратиться к истории этого органа.

В дореволюционный период какие-либо государственные органы, сходные по структуре или полномочиям с современным Пленумом Верховного Суда РФ, отсутствовали. Термин «пленум» не применялся ни к судебным, ни к каким-либо иным государственным органам. Конечно, исторически судебная практика играла огромное значение в развитии юриспруденции, особенно эта видно по кассационной практике Сената после Судебной ре-

формы 1864 г., которая послужила базой для блестящих дореволюционных научных работ. Однако постановления суда кассационной инстанции не имели общеобязательного характера и выносились только по конкретным делам. Какие-либо разъяснения, имеющие общий и абстрактный (не связанный с обстоятельствами конкретного дела) характер, были неизвестны российскому праву в течение долгого времени.

Прообраз будущего пленума высшей судебной инстанции был создан на основании Положения о судостроительстве РСФСР, принятого 11 ноября 1922 г. и введенного в действие с 1 января 1923 г.¹ Этим положением была определена структура Верховного Суда РСФСР, включающая Пленарное заседание, которое помимо «правильного истолкования законов по вопросам судебной практики» было наделено и широкими процессуальными полномочиями, позволявшими Пленарному заседанию осуществлять пересмотр любого судебного акта (ст. 60 Положения).

Пленарное заседание также было наделено полномочием по проведению выборов Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РСФСР и рассмотрению других вопросов, вносимых на пленум. Тем самым с формально-юридической точки зрения пленум обладал неограниченной компетенцией по рассмотрению любых вопросов, которые коллегии Верховного Суда внесли бы на его рассмотрение. Вместе с тем фактически пленумом осуществлялись прежде всего процессуальные полномочия по пересмотру судебных актов.

К периоду работы Пленарного заседания Верховного Суда РСФСР относится принятие первого постановления, содержащего абстрактное толкование правовых норм. Им стало Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 24 июня 1925 г. «О презумпции (предложении) права собственности государства на спорное имущество»². Этим постановлением было разъяснено, что в силу отсутствия в советском праве норм о приобретательной давности любое имущество презюмируется находящимся в собственности государства. Кроме того, пленум постановил исключить из мотивировочной части одного из постановлений Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РСФСР, вынесенного по конкретному делу, указание на то, что «собственником движимого имущества является фактический владелец, пока противное не будет доказано»: такое толкова-

ние, по мысли пленума, противоречит названной выше презумпции.

Важные дополнения были сделаны в связи с принятием нового Положения о судостроительстве от 19 ноября 1926 г.³: во-первых, в отечественном законодательстве впервые был закреплен термин «Пленум Верховного Суда», и во-вторых, согласно ст. 180 этого Положения разъяснения пленума стали обязательными для всех судов. Таким образом, в 1926 г. зародилось уникальное правовое явление, не имевшее аналогов в мире, — абстрактное официальное толкование правовых норм высшей судебной инстанцией.

В период с 1938 по 1961 г. Пленум Верховного Суда РСФСР не функционировал, поскольку действовавшим в этот период Законом «О судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик» от 16 августа 1938 г.⁴ не предусматривалось формирование в составе Верховного Суда РСФСР пленума. Какие-либо распорядительные документы о ликвидации Верховного Суда РСФСР в архивах отсутствуют. Вместе с тем 4 ноября 1938 г. был издан приказ по Верховному Суду РСФСР № 60⁵, предусматривавший ликвидацию Президиума, Специальной коллегии, Лагерного отделения Верховного Суда во исполнение вышеуказанного закона. По всей видимости, принятие этого приказа ознаменовало собой переход Верховного Суда РСФСР к работе в соответствии с новыми положениями законодательства о судостроительстве, что означало в том числе и прекращение работы Пленума.

В указанный период действовал Пленум Верховного Суда СССР, обладавший полномочиями, аналогичными полномочиям Пленума Верховного Суда РСФСР. Реальная процессуальная роль пленума высшего союзного суда была достаточно скромной, так как этот орган имел скорее политическое, чем правовое значение — основная масса дел рассматривалась судами союзных республик.

Вместе с тем разъясняющая работа Пленумом Верховного Суда СССР велась весьма активно. В период с 1938 по 1961 г. были приняты 172 постановления пленума, разъясняющие прежде всего нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства⁶. Единичные постановления

¹ Постановление ВЦИК от 11 ноября 1922 г. «О введении в действие Положения о судостроительстве РС.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.

² Документ официально опубликован не был.

³ Постановление ВЦИК от 19 ноября 1926 г. «Об утверждении Положения о Судостроительстве РС.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР. 1926. № 85. Ст. 624.

⁴ Закон «О судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик» от 16 августа 1938 г. // Ведомости ВС СССР. 1938. № 11.

⁵ Документ официально опубликован не был.

⁶ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924–1986). М., 1987.

плenums, в той или иной мере затрагивающие гражданско-правовые вопросы, касались прежде всего возмещения в уголовном процессе ущерба, причиненного преступлением (например, Постановление Пленума от 13 августа 1948 г. № 15/15/у «О применении постановления Совета Министров СССР от 10 февраля 1948 г. „О взыскании ущерба, причиненного лицами, виновными в хищении и недостатке продовольственных и промышленных товаров“»).

По-видимому, единственным постановлением Пленума Верховного Суда СССР, в котором не преваляли вопросы уголовного права и процесса, стало Постановление от 5 сентября 1952 г. № 8 «Об устранении фактов волокиты в деятельности судов». В этом постановлении, в частности, обращалось внимание на то, что суды союзных республик и приравненные к ним судебные органы, отменяя решения нижестоящих судов, часто направляют дело на новое рассмотрение в нижестоящий суд, игнорируя возможность самостоятельно рассмотреть дело по существу и вынести решение. Такой формальный подход к пересмотру судебных постановлений был квалифицирован пленумом как недопустимая волокита и затягивание процесса.

Возобновление работы Пленума Верховного Суда РСФСР связано с принятием Постановления Верховного Совета РСФСР от 27 октября 1960 г., которым вводился в действие с 1 января 1961 г. Закон «О судостроительстве РСФСР»⁷. В ст. 51 этого закона устанавливалось, что в составе Верховного Суда РСФСР действует Пленум. Статьи 56 и 57 определяли его состав, организацию работы и компетенцию. Первое заседание вновь образованного Пленума состоялось 31 марта 1961 г.

Вместе с возобновлением деятельности Пленума Верховного Суда РСФСР на основании Закона «О судостроительстве РСФСР» произошло важное изменение — компетенция Пленума была дополнена полномочием по выступлению с законодательными инициативами в Президиуме Верховного Совета РСФСР.

В период с 1961 г. до прекращения существования Советского государства Пленум Верховного Суда РСФСР изменил характер своей работы. В этот период появляются разъяснения высшей судебной инстанции, посвященные гражданско-правовым и социально-трудовым вопросам, которым уделялось не меньше внимания, чем вопросам уголовного права.

В период с 1961 г. до 1992 г. приняты 58 постановлений Пленума Верховного Суда

РСФСР, посвященных разъяснению норм материального и процессуального права⁸. 26 из этих постановлений содержат разъяснения гражданского, трудового и социального законодательства.

Разъяснения пленума приобретали все более общий, универсальный характер. Постановления Пленума стали подлинными актами абстрактного толкования правовых норм, т.е. толкования, основанного не на оценке обстоятельств конкретного дела, а на системной аналитической работе с нормативно-правовым, правоприменительным и доктринальным материалом. Именно общим и абстрактным характером разъяснений пленума, а также достаточно высоким уровнем юридической техники обусловлено то, что целый ряд постановлений, принятых в рассматриваемый период, оказались «юридическими долгожителями» и применялись в том числе после завершения советского периода истории. В качестве примера можно привести Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 19 марта 1969 г. № 47 «О судебной практике по делам о преступлениях, составляющих пережитки местных обычаев»⁹, которое было признано утратившим силу только в 2007 г. Более 30 лет применялось Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 26 сентября 1973 г. «О судебном решении»¹⁰, признанное утратившим силу в конце 2003 г. Можно привести еще десятки примеров постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР, которые с учетом изменений законодательства применялись судами по 30–35 лет.

11 декабря 1968 г. произошло важное событие: Пленум Верховного Суда РСФСР принял Постановление № 45 «Об утверждении Положения о Научно-консультативном совете при Верховном суде Российской Федерации»¹¹. Научно-консультативный совет был создан как совещательный орган, призванный вырабатывать рекомендации по принципиальным вопросам судебной практики. Научно-консультативный совет по сей день является важным совещательным органом, который оказы-

⁸ URL: www.vsrfr.ru

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 19 марта 1969 г. № 47 «О судебной практике по делам о преступлениях, составляющих пережитки местных обычаев» // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1969. № 7.

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 26 сентября 1973 г. «О судебном решении» // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1973. № 12.

¹¹ Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР № 45 «Об утверждении Положения о Научно-консультативном совете при Верховном суде Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1968. № 3.

⁷ О судостроительстве РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 588.

вает Пленуму Верховного Суда неоценимую помощь при разработке разъяснений правовых норм, тем самым поддерживая столь важную для гармоничного развития правовой системы обратную связь между научным сообществом и правоприменителями.

Утвержденное в 1968 г. положение о Научно-консультативном совете оказалось универсальным и применимым в любых исторических обстоятельствах. Поэтому, как это ни удивительно, это положение просуществовало свыше 45 лет (до 2014 г.) с некоторыми изменениями процедурного характера, внесенными в него в 1983, 1993, 1996 и 2007 гг. Необходимость принятия нового Положения была обусловлена объединением Верховного и Высшего Арбитражного Судов в 2014 г.: Пленум вновь образованного Верховного Суда РФ принял Постановление от 7 августа 2014 г. № 8¹², которым урегулировал деятельность Научно-консультативного совета.

После прекращения существования СССР началась сложная работа по формированию независимой судебной системы новой России. Статус Пленума Верховного Суда РФ в контексте этой работы был крайне важным фактором: на протяжении значительной части советского периода истории нашей страны пленум был наделен достаточно широкими формальными возможностями по развитию правовой системы через обязательные разъяснения закона и выступления с законодательными инициативами, однако самостоятельность судов в тот период не входила в число приоритетов государства. В связи с этим Пленум Верховного Суда РСФСР не стал основной «точкой роста» советского правопорядка. После распада СССР ситуация изменилась: государство под влиянием судебного сообщества взяло курс на создание независимых судов, и в этом контексте сохранение широких полномочий пленума означало существенное усиление влияния российского правосудия на весь правопорядок.

Благодаря последовательной позиции руководства Верховного Суда РФ и органов судебного сообщества удалось не только сохранить, но и укрепить высокий статус пленума высшей судебной инстанции. На него было возложено конституционное полномочие по разъяснению судебной практики (ст. 126 Конституции РФ), конкретизированное впоследствии в п. 1 ч. 3 ст. 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ

¹² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 августа 2014 г. № 8 «Об утверждении Положения о Научно-консультативном совете при Верховном Суде Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 10.

«О Верховном Суде Российской Федерации»¹³, согласно которой Пленум Верховного Суда РФ рассматривает материалы анализа и обобщения судебной практики и аналитическим разъяснения по вопросам судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства РФ.

После прекращения существования СССР весь объем работы по обеспечению единообразия судебной практики оказался возложен на Верховный Суд РФ, и в первую очередь на его пленум. Новые задачи были в полной мере осознаны высшей судебной инстанцией, в связи с чем началась активная работа по формированию единого правоприменительного пространства в государстве. Это наглядно видно по объемам проделанной работы. Так, в течение 30-летней работы Пленума Верховного Суда РСФСР (с 1961 по 1991 г.) были приняты 194 постановления, из которых 58 были посвящены толкованию правовых норм. В свою очередь, в первое же десятилетие работы Верховного суда РФ (с 1992 по 2001 г.) его пленумом принято 241 постановление, из которых толкованию правовых норм посвящены 76. В следующее десятилетие работы (с 2002 по 2011 г.) Пленум Верховного Суда принял 338 постановлений, из которых 104 содержали разъяснения закона. Таким образом, с момента образования Верховного Суда РФ происходило последовательное увеличение объемов работы пленума по обеспечению правовой определенности.

Говоря о постановлениях Пленума Верховного Суда РФ в их современной форме, следует отметить, что в сравнительно-правовом аспекте они представляют собой уникальное правовое явление. У пленумов иностранных судов отсутствует полномочие по абстрактному толкованию правовых норм, т.е. по толкованию их не в связи с рассмотрением конкретного дела, а по своему усмотрению, исходя из целесообразности в конкретный исторический момент разъяснить какую-либо норму. В Российской Федерации толкования, даваемые Пленумом Верховного Суда, являются абстрактными и не связаны с рассмотрением конкретных дел.

Кроме того, в последние годы изменился сам характер принимаемых Пленумом Верховного Суда РФ постановлений. Ранее, начиная еще с советских времен, постановления Пленума Верховного Суда СССР, а впоследствии Российской Федерации, как правило, давали ответы на вопросы, возникшие у нижестоящих судов при рассмотрении конкрет-

¹³ Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 550.

ных дел. Иными словами, разъяснения пленума представляли собой реакцию на те или иные проблемы, возникшие в правоприменительной практике. Неслучайно название большинства постановлений Пленума начинались словами «О вопросе, возникшем в судебной практике...».

Сегодня же все чаще наряду с традиционными постановлениями Пленума Верховного Суда РФ принимаются постановления Пленума Верховного Суда, которые разъясняют последние законодательные изменения в той или иной сфере, в отсутствие какой-либо сложившейся практики применения этих изменений. Разъяснения пленума не реагируют на судебные ошибки, а упреждают эти ошибки, заранее представляя судам толкование новых правовых норм. Это связано с нарастающей динамикой обновления законодательства, особенно гражданского. Новое законодательство часто бывает фрагментарным, имеющим лакуны не урегулированных правом отношений. Такой уровень толкования является вдвойне уникальным и присущим только нашему правопорядку: если принимавшиеся ранее постановления тоже содержали абстрактные толкования, но все же были обусловлены рассмотрением судами конкретных дел, то некоторые принимаемые в настоящее время постановления пленума часто не опираются на какую-либо судебную практику, а их авторы имеют перед глазами лишь текст правовой нормы.

Смысл закона, выявляемый Пленумом Верховного Суда при его толковании, учитывается при разработке проектов федеральных законов, а в некоторых случаях непосредственно служит основанием для разработки законодательных изменений. Кроме того, именно через Пленум Верховный Суд РФ выступает с законодательными инициативами.

В качестве одного из последних примеров можно привести проект федерального конституционного закона «О внесении изменений в федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции». Данный законопроект внесен в Государственную Думу на основании Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 июля 2017 г. № 28. Законопроект имеет историческое значение, поскольку предусматривает крупнейшую структурную реформу судов общей юрисдикции с конца прошлого века.

Пленум Верховного Суда РФ за годы его существования зарекомендовал себя как необходимый российскому государству и обществу орган. Можно с уверенностью говорить о том, что постановления Пленума Верховного Суда РФ не только нашли свое почетное место в отечественной правовой истории, но и имеют огромный потенциал, который еще предстоит реализовать.

DOI:10.18572/1812-3805-2018-4-55-58

Историко-правовые предпосылки становления прокуратуры Франции

Голуб Анна Петровна,
аспирант Российского государственного университета правосудия
annikianna@mail.ru

В статье рассматривается процесс становления и развития прокуратуры Франции с XVI в., переход из частных представителей короля в постоянно действующий государственный институт.

Ключевые слова: Французская республика, французская прокуратура, прокурор, генеральный прокурор, суд, парламент.

Historical and Legal Prerequisites for Establishment of the French Prosecutor's Office

Golub Anna P.
Postgraduate Student of the Russian State University of Justice

The article is dealing with the Office of Public Prosecutor formation process since XVI century; transition from crown's personal representatives to the standing state institution.

Keywords: French Republic, french office of public prosecutor, public prosecutor, attorney general, court, parliament.

Для понимания особенностей функционирования института прокуратуры V Французской республики, его своеобразия и неповторимости необходимо начать его рассмотрение с истоков, а именно с зарождения французской прокуратуры.

Если говорить о точном времени происхождения французской прокуратуры, то она возникла при Бонапарте. Основателем французской государственной прокуратуры, т.е. прокуратуры в современном смысле этого слова, некоторые исследователи считают Филиппа IV Красивого (1268–1314 гг., король — с 1285 г.). 25 марта 1302 г., в год созыва первых Генеральных штатов Франции, королевским ордонансом были утверждены в качестве должностных лиц первые генеральные прокуроры и генеральные адвокаты при трех существовавших тогда парламентах — Парижском, Руанском и Турском.

По мере развития юридического образования и усложнения правовой системы король, как и другие феодалы, стал прибегать к услугам специалистов — профессиональных прокуроров и адвокатов, которых тогда именовали *homes de rode longue* (люди в мантиях). В XIII в. от имени короля они выступали, как правило, в гражданских делах, касающихся земель королевского домена.

В середине XIII в. право на прокурорское представительство было закреплено королевскими ордонансами только за церковью и придворными.

Первыми, кто мог иметь представительство в суде, были церковные служащие (коллегия каноников, монастырских служащих, епископы, настоятели, священники — представительство было обязательно, когда сторона носила коллективный характер). Так, например, монахи монастыря Гомерфонтенской богоматери использовали юриста Жана Обри «как своего пансионера и домашнего прокурора» для ведения всех переговоров и судебных дел.

К концу XIII в. это право получили уже не только все дворяне и духовенство, но и чиновники. Правда, последние могли воспользоваться этим правом только с согласия короля, получив так называемые *letters de grace* — письма милости. Лишь в 1484 г. по требованию Генеральных штатов король отменил эти письма, ставшие к тому времени уже пустой формальностью.

С XIII по XV в. прокуроры, наряду с адвокатами, представляли стороны в суде за вознаграждение. В конце XIII — начале XIV в. почти все сельские общины Франции имеют уже своего прокурора, которого называют «прокуратор». Причем права иметь прокуратора общины добивались часто не сразу, а в процессе борьбы с сеньором. Не все из них самостоятельно избирали прокуратора, он мог также назначаться феодалом. «Их полномочия должны подтверждаться грамотой, составленной по определенной форме, нарушение которой лишает ее юридической силы.

В мандате, фиксирующем полномочия прокуроров, должны быть оговорены их имена»¹.

Прокурором в XIII в. мог быть кто угодно: городской житель мог представлять своего соседа, крестьянин — свою общину, священник — помещика или торговца. Прокурор имел право представлять как одно, так и несколько лиц. Поначалу для этого не требовалось ни специального образования, ни согласия суда, но постепенно прокурорской практикой начинают заниматься профессиональные юристы.

К концу XIII в. профессиональные частные прокуроры, как правило, получившие университетское юридическое образование, вытеснили любителей не только из высших, но и из многих низших судов. А к середине XIV в. любителей в этой сфере деятельности практически не осталось. В июне 1464 г. из 254 прокуроров, участвовавших в делах в суде Санлиса, только двое были случайными людьми, остальные — профессионалами. Такие прокуроры после принесения присяги судье получали свой офис в здании суда и получали титул «прокурор такого-то суда»².

Появление королевской прокуратуры не ведет к ликвидации частной прокуратуры, напротив, она продолжает развиваться. У сторон не было обязанности прибегать к помощи прокуроров, но постепенно все большее число гражданских дел рассматривалось с их участием. Так, например, в суде бабьи в Санлисе в июне 1464 г. было рассмотрено 212 гражданских дел с участием 414 сторон, но лишь 46 человек вели свои дела лично, дела остальных вели от их имени прокуроры³.

Как и частные лица, короли в XIII в. нанимали для ведения дел как специальных, так и общих (генеральных) прокуроров. Первые вели отдельные дела, вторым поручалось ведение всех дел короля в каком-либо одном суде. В течение XV в. по мере того, как король стремится стать единственным выразителем публичных интересов, происходит трансформация общих прокуроров из частных представителей короля в постоянно действующий государственный институт⁴.

Соответственно, и термин «генеральный прокурор» приобретает новый смысл, кото-

рый означает уже его особую государственную роль. Теперь все государственные, королевские прокуроры, независимо от того, работают ли они в парламенте или каком-либо ином суде, называются генеральным. И по сей день во Франции генеральными называют прокуроров окружных апелляционных судов.

Сначала «генеральные», т.е. общие, прокуроры работали у короля по найму, лишь в XIV в. они превращаются в королевских служащих, к которым тогда и переходит старое наименование королевских наместников — «люди короля» (*gens du roi*). Работникам французской прокуратуры это имя будет принадлежать вплоть до революции.

После перевода прокуроров в категорию государственных служащих им запрещают заниматься делами частных лиц.

Иерархические отношения между генеральным прокурором и его подчиненными не достигали тогда привычного нам уровня, когда подчинение генеральному прокурору являлось абсолютным. Но, с другой стороны, это позволило появиться в недрах французского парка принципу, который сохранился во Франции и сегодня: в соответствии с ним прокурор, поддерживая государственное обвинение в судебном заседании, руководствуется не предписанием начальства, а законом и внутренним убеждением и вправе отказать от обвинения полностью или частично.

Только генеральный прокурор имел право вести переписку с королем и канцлером и возбуждать дела в интересах короны. Он же осуществлял надзор за исполнением законов и дисциплиной в судах.

Роль прокуроров возрастает по мере расширения их функций. Они становятся «оком парламента, часовыми магистратов и надзирателями общего блага». В начале XVI в. Гийом Бюде (1468–1540), ученый и судья, так определял роль генерального прокурора: «Он является хранителем интересов государя и общества, гарантом закона, оплотом правосудия, защитником невинных; он должен противостоять злу и утверждать добро, а для этого разум и применять его для преследования либо защиты с правом на основе равенства»⁵.

Наряду с судебно-представительской функцией у прокуроров постепенно появляется и производная от нее функция надзора за законностью и дисциплиной в судебной сфере.

В самом же судебном заседании в условиях инквизиционного процесса роль прокурора заключалась не в судебных прениях с за-

¹ Мирашова Е.В. Правовые институты США и Франции: от судьи до прокурора : монография. М. : РАП, 2010. С. 45.

² Carbasse J.-M. Histoire du parquet. Paris : P.U.F., 2000.

³ Guenee B. Tribunaux et gens de justice dans la bailliade de Senlis a la fin du Moyen Age (1330–1550). Strasbourg: Publications de la Faculté de Lettres, 1963. P. 204.

⁴ Судебная система и судебные учреждения / под ред. П. Трюша ; Посольство Франции в России. М. : Гнозис/Логос, 2003. С. 4.

⁵ Marcel R. Histoire de la Magistrature française. Paris : Plon, 1956. Vol. 1. P. 62.

щитой, а в наблюдении за соблюдением судом законов уголовного судопроизводства. Лишь в XVII–XVIII вв. важной функцией прокуратуры становится поддержание государственного обвинения в суде.

Кроме того, прокуратура стала играть важную роль и в формировании судейского корпуса. Так как назначение судей всегда оставалось исключительной прерогативой короля, независимо от того, производилось ли оно по представлению судов или без представления, то мнение генеральных прокуроров по поводу кандидатов доводилось до его сведения и имело большое значение. В период продажи должностей эта роль уменьшается, но зато появляется новая — надзор за порядком продажи должностей судей, нотариусов, адвокатов, судебных исполнителей,

Прокуратура была посредником между королем и парламентом. Не только генеральный прокурор, но и генеральные адвокаты имели свободный доступ к королю с докладами. Генерал-прокурор мог в любое время прервать заседание парламента для того, чтобы сообщить ему указ короля. Когда парламента отправляет делегацию к королю, то в состав ее всегда входит представитель прокуратуры.

В каждом парламенте Генеральный прокурор занимался вопросами о статусе личности, действительности браков, защите прав несовершеннолетних, опеками, вопросами регистрации актов гражданского состояния, которые и до сих пор как во Франции, так и в России считаются важнейшей задачей прокуратуры. Разумеется, к компетенции генерального прокурора относилось также изучение вопросов, которые были характерны для старого режима и не существуют в наше время: таковы письма милости, письма облагораживания, почетные титулы, отчеты религиозных общин, больниц и администраций муниципальных образований.

Генеральный прокурор осуществлял также надзор за тюрьмами. Он вел учет всех заключенных и обязан был часто посещать их. Наконец, существовал надзор за больницами и церквями. В Париже он также занимался мелкими расходами дворца правосудия.

Генеральные прокуроры были также хранителями юридических архивов короля и совместно с председателями парламента управляли архивами парламента.

Литература

1. Guenee B. Tribunaux et gens de justice dans le bailliage de Senlis a la fin du Moyen Age (1330–1550) / B. Guenee. Strasbourg : Publications de la Faculté de Lettres, 1963.
2. Carbasse J.-M. Histoire du parquet / J.-M. Carbasse. Paris : P.U.F., 2000. 333 p.
3. Marcel R. Histoire de la magistrature française des origines à nos jours / R. Marcel. Paris : Plon, 1956, Vol. 1. 448 p.
4. Миряшева Е.В. Правовые институты США и Франции: от судьи до прокурора : монография / Е.В. Миряшева. М. : РАП, 2010. 152 с.

Никакого надзора за производством предварительного расследования прокуроры не имели. Но трижды в процессе расследования следователь должен был получать письменные заключения прокурора, представляя при этом материалы дела. Первый раз — после окончания предварительного розыска, второй раз — после завершения допросов обвиняемого и третий раз — после окончания предварительного следствия. Последнее заключение поступало уже не следователю, а суду в запечатанном конверте и оглашалось только после обвинительного заключения, с которым выступал прокурор.

Во времена первой Империи императору хотелось иметь усердных, но в то же время гибких прокуроров. Законом от 20 апреля 1810 г. Наполеон восстановил былую мощь Прокуратуры и основную ее функцию — служение государству. Все прежние должности прокуроров, существовавшие при монархии, были введены вновь. Красная мантия монархии (прежде пурпурная мантия в Римской империи) даровалась магистратам второй степени. Большое количество прокуроров были титулованы баронами и графами империи, а также награждены орденом Почетного легиона.

В соответствии с законом от 20 мая 1863 г. о процедуре расследования явных преступлений прокурор получил право контроля за проведением предварительного следствия.

На протяжении XIX и XX вв. прокуратура приобретала все большую независимость от центральной власти, за исключением таких кризисных периодов, как Государственный переворот 1851 г., Парижская Коммуна, период волнений во время войны с Алжиром, в течение которых свобода действий прокуратуры временно была ограничена.

Как мы видим из вышеизложенного, французский прокурор Средневековья и Нового времени в основном осуществлял функции в уголовной сфере.

Если королевский прокурор являлся уполномоченным короны и от имени короля — гаранта общественного и социального порядка, представляя верховную власть в судебных органах, то в настоящее время прокурор республики и прокуроры всех уровней являются представителями всеобщих интересов. Их основная роль состоит в слежении за соблюдением законов при принятии судьями решений.

5. Судебная система и судебные учреждения / под ред. П. Трюша ; Посольство Франции в России. М. : Гнозис/Логос, 2003. 195 с.

References

1. Guenee B. Tribunaux et gens de justice dans le bailliage de Senlis a la fin du Moyen Age (1330–1550) / B. Guenee. Strasbourg : Publications de la Faculté de Lettres, 1963.
2. Carbasse J.-M. Histoire du parquet / J.-M. Carbasse. Paris : P.U.F., 2000. 333 s.
3. Marcel R. Histoire de la magistrature française des origines à nos jours / R. Marcel. Paris : Plon, 1956. Vol. 1. 448 s.
4. Miryasheva E.V. Pravovyye instituty' SShA i Frantsii: ot sudi do prokurora : monografiya [Legal Institutions of the USA and France: from Judge to Prosecutor : monograph] / E.V. Miryasheva. Moskva : RAP — Moscow : Russian Academy of Entrepreneurship, 2010. 152 s.
5. Sudebnaya sistema i sudebny'e uchrezhdeniya ; pod red. P. Tryusha ; Posolstvo Frantsii v Rossii [Judicial System and Judicial Bodies ; edited by P. Tryush ; the French Embassy in Russia]. Moskva : Gnozis/Logos — Moscow : Gnozis/Logos, 2003. 195 s.

DOI:10.18572/1812-3805-2018-4-58-62

Зарождение концепта демократии в античной политико-правовой мысли

*Дмитров Иван Сергеевич,
соискатель кафедры истории права и государства
Российского университета дружбы народов
ivan_dmitrov@mail.ru*

В статье проводится историко-правовой анализ генезиса концепта демократии в античной политико-правовой мысли, позволяющий автору сделать вывод о присущей содержанию концепта демократии «генетической двойственности», то есть о существовании двух относительно самостоятельных контекстов в понимании сущности концепта демократии — политического и юридического.

Ключевые слова: демократия, античная политико-правовая мысль, афинская демократия, политический концепт, народовластие.

Origination of the Democracy Concept in the Ancient Political and Legal Thought

*Dmitrov Ivan S.
Degree-Seeking Student of the Department of History of Law and State
of the Peoples' Friendship University of Russia*

The article presents historical and legal analysis of the genesis of the concept of democracy in ancient political and legal thought, allowing the author to draw a conclusion about the inherent content of the concept of democracy "genetic duality", that is, the existence of two relatively independent of the contexts in understanding the essence of the concept of democracy — political and legal.

Keywords: democracy, ancient political and legal thought, the Athenian democracy, a political concept, democracy.

Сегодня, как никогда ранее, становится очевидным усиливающееся политическое влияние на формирование представления демократии и ее неотъемлемых характеристиках, в связи с чем возникает потребность в научно обоснованном подходе к данной проблеме. Приступая к ее исследованию, следует в первую очередь обратиться к истории политической и правовой мысли, в которой возникли идеи, связываемые с содержанием кон-

цепта демократии. Проследив их генезис, с большой долей вероятности можно определить предпосылки использования демократии как в качестве концепта политического сознания, имеющего весьма значительный потенциал идеологического воздействия на массовое общественное сознание, так и в качестве элемента системы научного знания, наиболее востребованного в политологии и юридических науках.

Подобно самой этимологии древнегреческого термина «δημοκρατία», зарождение идеи демократии следует связывать с политической и правовой мыслью Древней Греции. Данный термин происходит от двух греческих слов, которые в переводе означают «народ» и «власть», в связи с чем сама этимология греческого термина «народовластие» предопределила тот политический контекст, в рамках которого идея демократии стала предметом для размышлений античных философов, историков и политиков.

Впервые термин «демократия» был использован знаменитым древнегреческим историком Геродотом¹. У другого крупного древнегреческого историка, Фукидида, мы находим приводимые им слова Перикла, который еще в V в. до н. э., говоря о демократии, отмечал: «...называется этот строй демократическим потому, что он основан не на меньшинстве граждан, а на большинстве их. По отношению к частным интересам законы наши представляют равноправие для всех»².

Однако, как справедливо отмечает Л.П. Маринович, ни в трудах Геродота, ни в трудах Фукидида не была представлена какая-либо развернутая теория демократии. Они вообще «не уделяли большого внимания теоретическим вопросам, связанным с функционированием демократических институтов»³. В связи с этим определение концепта демократии в том виде, в котором он впервые зародился в античной политико-правовой мысли, требует своеобразной историко-правовой «реконструкции».

Период истории Древней Греции, на который пришлось появление и становление концепта демократии, обычно называют классическим. Данный период охватывает расцвет и последовавший кризис полисной системы, и именно в нем современные историки, политологи и другие исследователи пытаются увидеть основные признаки, характеризующие демократическое государственное устройство.

Таким образом, в зарождении идеи демократии можно увидеть тесную связь политико-правовой мысли с закономерностями, характеризовавшими культурно-историческую действительность периода появления рассматриваемого концепта. Это объясняется тем,

что, как отмечают многие антиковеды, занимающиеся исследованием афинской демократии⁴, зарождение идеи демократии было обусловлено сложившейся в древнегреческих полисах (прежде всего в Афинах) системой государственного управления.

Именно афинская демократия стала той исторической действительностью, которая послужила предметом или, во всяком случае, «фоном» и конкретно-историческим контекстом для размышлений древнегреческих мыслителей о демократическом государственном устройстве. При этом, с одной стороны, демократия выступила предметом политических споров, а с другой стороны, предметом для философских размышлений. В первом случае весьма противоречивые оценки демократии можно было услышать в политических речах Перикла, Ликурга, Демосфена, Мидия, Гиперида и Эсхина. В свою очередь предпосылки зарождения определенной системы знаний вокруг концепта демократии можно наблюдать в древнегреческой философии.

Наиболее полно представления о демократии были раскрыты в трудах древнегреческих философов Сократа, Платона и Аристотеля. В системе их политико-правовых взглядов олицетворением демократии были греческие Афины, причем в своих рассуждениях об афинской демократии и Сократ, и Платон, и Аристотель выступали с критикой их демократического государственного устройства, относя демократию к одной из худших форм правления.

В связи с этим необходимо обратить внимание на то, что концепт демократии зародился в античной политико-правовой мысли в процессе поиска ее представителями наилучшей формы правления в государстве. Кроме того, следует заметить, что формирование концепта демократии было связано с зарождением самой политико-правовой мысли, которое необходимо связывать с наметившимся в классический период истории Древней Греции переходом древнегреческой философии от космологических проблем к политико-правовым. Данное обстоятельство указывает на то, что политический и юридический контексты использования концепта демократии, как

¹ См., напр.: Каменская Г.В. Генезис идей демократии // Социологические исследования. 1994. № 4. С. 30.

² Фукидид. История. Т. 1. Кн. 11. М.: Наука, 1995. С. 120.

³ Маринович Л.П. Античная и современная демократия: новые подходы к сопоставлению. М.: КДУ, 2007. С. 12.

⁴ См., напр.: Бузескул В.П. История афинской демократии / вступ. ст. Э.Д. Фролова; науч. ред. Э.Д. Фролова, М.М. Холода. СПб.: Гуманитарная академия, 2003. 480 с.; Дэвис Дж.К. Демократия и классическая Греция. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. 296 с.; Маринович Л.П. Указ. соч. 212 с.; Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII — V вв. до н. э.) / вступ. ст., науч. и лит. ред. Э.Д. Фролова. СПб.: Гуманитарная академия, 2002. 544 с.

и сама политическая и правовая мысль, на тот момент еще не были четко разделены.

Переход древнегреческой философии от космологических проблем к политико-правовым следует связывать с философией Сократа, что, по мнению немецкого профессора Рормозера Гюнтера⁵, можно объяснить пришедшимся на период жизни выдающегося греческого философа (470/469–399 гг. до н. э.) первым достаточно крупным кризисом демократического устройства Афин.

Поскольку основу философии Сократа (как, впрочем, и основу философии Платона и Аристотеля) составляла этическая проблематика, постольку главными причинами кризиса афинской демократии Сократ считал нравственные. Призывая заботиться в первую очередь о добродетелях и способностях души, Сократ не отрицал того, что получают ли развитие подлинно человеческие способности души или не получают — во многом зависит от полиса, т.е. от государства, и его политического устройства. Через критику Сократом афинской демократии, главным недостатком которой он считал практику выбора должностных лиц по жребию (к тому времени ее религиозный смысл заменили соображения политической целесообразности), можно, однако, проследить его взгляды на то, каким должно быть подлинное народовластие, т.е., собственно, какова демократия в своей идее, предопределившей зарождение ее концепта в античной политико-правовой мысли.

Анализ диалогов Платона «Апологии Сократа», «Протагор», «Критон» и других⁶, в которых автор изложил взгляды своего учителя Сократа (поскольку сам Сократ не оставил после себя каких-либо сочинений), позволяет сделать вывод о том, что идею демократии учитель Платона связывал с выборной, ответственной и рационально организованной государственной властью. Все же бытовавшие на тот период представления афинского общества о демократии Сократ считал весьма смутными и требовал точного определения демократии и ее целей, не получая которого, он в конечном счете критиковал современную ему афинскую демократию, которая, основываясь на неограниченной свободе, подготавливала, по его словам, «нужду в тирании».

Отношение другого древнегреческого философа, Платона, к афинской демократии весьма показательна демонстрирует дан-

ное им самим определение: «Демократия... осуществляется тогда, когда бедняки, одержав победу, некоторых из своих противников уничтожат, иных изгонят, а остальных уравняют в гражданских правах и в замещении государственных должностей, что при демократическом строе происходит большей частью по жребию»⁷. Вместе с тем, как указывает Т.В. Кудрявцева, «именно Платону принадлежит известная классификация государственных строев, позднее уточненная Аристотелем. В диалоге «Политик» он выделяет монархию (ее негативная разновидность — тирания), аристократию (ее извращение — олигархия) и демократию»⁸. Отрицательная ипостась демократии никак особо не называется, но замечается, что «и при ней, как при других видах государственной власти, бывает управление согласное с законами и противозаконное» (Polit., 302e, пер. С.Я. Шейнман-Топштейн). Из всех правильных форм «демократия — наихудшая, а из неправильных — наилучшая (303b)»⁹.

Аристотель представил в своих трудах наиболее полную характеристику демократии, проанализировав разные ее проявления, рассмотренные им в качестве ее видов. Их осмысление позволяет установить ряд важных для понимания идеи демократии положений, характеризующих систему политико-правовых взглядов Аристотеля. Во-первых, Аристотель связывает демократию с властью большинства и, во-вторых, связывает ее со свободой, которую вслед за Платоном определяет как возможность всякого человека жить, следуя одним только своим желаниям, что обнаруживает отсутствие при демократии столь важного для государства стремления к общей пользе. В своем сочинении «Политика» Аристотель определяет демократию, с одной стороны, в качестве худшей формы правления в ее сравнении с тремя правильными: политией, аристократией и монархией, а с другой стороны, в качестве лучшей и более справедливой при ее сравнении с двумя другими «не-

⁵ Гюнтер Р. Кризис либерализма. М. : Российская академия наук, 1996.

⁶ Платон. Собрание сочинений : в 4 т. / пер с древнегреч., общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи ; вступ. ст. и ст. в примеч. А.Ф. Лосев. М. : Мысль, 1994.

⁷ Платон. Государство / пер. с древнегреч. А.Н. Егунова ; вступ. ст. Е.Н. Трубецкого ; ком. В.Ф. Асмуса. 2-е изд. М. : Академический проект, 2015. 398 с.

⁸ В «Политике» Платон пересмотрел свою более раннюю классификацию, приведенную в «Государстве» (544 с). Тогда он выделил четыре формы (по степени убывания): тимократия (нечто идеальное, хотя Платон и ссылается на критян и спартанцев); олигархия, преисполненная «множества зол»; вырастающая из нее демократия; тирания — «крайнее заболевание государства».

⁹ Кудрявцева Т.В. Греческие философы о демократии: pro et contra // Философия и общество. 2008. Вып. 1 (49). С. 118.

правильными» формами правления — олигархией и тиранией¹⁰.

Обобщая размышления древнегреческих философов относительно идеи демократии и проблем, с которыми столкнулась современная им афинская демократия в период своего кризиса, следует прежде всего согласиться с мнением Т.В. Кудрявцевой о том, что «древнегреческое понятие „демократия“, установленное и проанализированное в трудах греческих философов, во многом отличается от современного одноименного концепта, которым оперируют и политические науки, и общественное мнение»¹¹.

В целом же, несмотря на то, что в трудах античных мыслителей не была представлена какая-либо систематизированная теория демократии, можно утверждать, что связываемая в первую очередь с концептами «свободы» и «равенства» идея демократии зародилась в политико-правовой мысли Древней Греции именно в качестве политического концепта, с критикой которого выступили древнегреческие философы, основывавшиеся на этических представлениях об этих категориях и видевшие прежде всего этические корни того кризиса, к которому пришла афинская демократия.

Однако именно через критику современной им афинской демократии и связанного с ней политического концепта демократии античные философы пришли к поиску теоретических оснований подлинного народовластия.

При этом, поскольку концепт демократии связывался на тот период преимущественно с порядком формирования, принятия решений и другими вопросами организации деятельности высших органов власти в древнегреческом полисе, отражая определенные способы ведения политической борьбы за эту власть и внутри этой власти, можно говорить о том, что в своей интерпретации древнегреческими философами концепт демократии более всего

тяготел к содержанию начавшего тогда формироваться учения о форме правления.

Проведенный нами историко-правовой анализ позволяет сделать вывод о том, что зарождение идеи демократии как политического концепта было обусловлено конкретно-историческими условиями полисной организации древнегреческого общества, в связи с чем впервые появившийся политический концепт демократии следует рассматривать как идеализируемую ее современниками модель афинской демократии. Вместе с тем в процессе зарождения концепта демократии можно увидеть, как через критику политического концепта демократии и его конкретно-исторического прототипа — афинской демократии — в трудах древнегреческих философов Сократа, Платона и Аристотеля появляются предпосылки для формирования юридического концепта демократии, с атрибутивными его содержанию идеями «равенства» и «свободы».

Однако учитывая, что античная политическая и правовая мысль не была достаточно четко разделена, зародившейся здесь концепт демократии тяготел преимущественно к характеристике формы правления, в котором смешивались политические и правовые аспекты содержания еще только начавшего формироваться учения о государстве, основным предметом для размышления в котором была организация верховной государственной власти.

Таким образом, уже в период зарождения концепта демократии в античной политико-правовой мысли можно усмотреть «генетическую двойственность» его содержания, выражающуюся в том, что, с одной стороны, данный концепт содержал в себе характеристики формы правления, с другой — интерпретация концепта демократии всегда оказывалась шире описания одного лишь вида формы правления, что, вероятно, и дало основания в более позднее время, связанное с развитием политической мысли и выделением политологии в качестве самостоятельной области научного знания, рассматривать демократию уже не в качестве формы правления, а в качестве соответствующего вида политического режима.

¹⁰ Аристотель. Политика // Сочинения : в 4 т. / пер. с древнегреч. С. Жебелева. М. : Мысль, 1983. Т. 4. 644 с.

¹¹ Кудрявцева Т.В. Указ. соч. С. 126.

Литература

1. Аристотель. Политика / Аристотель // Сочинения : в 4 т. ; пер. с древнегреч. С. Жебелева. М. : Мысль, 1983. Т. 4. 644 с.
2. Бузескул В.П. История афинской демократии / В.П. Бузескул ; вступ. ст. Э.Д. Фролова ; науч. ред. Э.Д. Фролова, М.М. Холода. СПб. : Гуманитарная академия, 2003. 480 с.
3. Пюнтер Р. Кризис либерализма / Р. Пюнтер. М. : Российская академия наук, 1996. 298 с.
4. Дэвис Дж.К. Демократия и классическая Греция / Дж.К. Дэвис. М. : Российская политическая энциклопедия, 2004. 296 с.
5. Каменская Г.В. Генезис идей демократии / Г.В. Каменская // Социологические исследования. 1994. № 4. С. 29–40.
6. Кудрявцева Т.В. Греческие философы о демократии: pro et contra / Т.В. Кудрявцева // Философия и общество. 2008. Вып. 1 (49). С. 112–126.

7. Маринович Л.П. Античная и современная демократия: новые подходы к сопоставлению / Л.П. Маринович. М. : КДУ, 2007. 212 с.
8. Медушевская Н.Ф. Духовная среда российского права. Сущность, содержание, методология / Н.Ф. Медушевская, К.Е. Сигалов. Саарбрюкен : LAP LAMBERT, 2012. 362 с.
9. Платон. Государство / Платон ; пер. с древнегреч. А.Н. Егунова ; вступ. ст. Е.Н. Трубецкого ; ком. В.Ф. Асмуса. 2-е изд. М. : Академический проект, 2015. 398 с.
10. Платон. Собрание сочинений : в 4 т. / Платон ; пер. с древнегреч., общ. ред. А.Ф. Loseva, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи ; вступ. ст. и ст. в примеч. А.Ф. Лосев. М. : Мысль, 1994.
11. Сигалов К.Е. Периодизация истории государства и права в свете теории среды права / К.Е. Сигалов. М. : Московский университет МВД России, 2005. 126 с.
12. Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н. э.) / Х. Туманс ; вступ. ст., науч. и лит. ред. Э.Д. Фролова. СПб. : Гуманитарная академия, 2002. 544 с.
13. Фукидид. История / Фукидид. Т. 1. Кн. 11. М. : Наука, 1995. 545 с.

References

1. Aristotle. *Politika* [Politics] / Aristotle // *Sochineniya* : v 4 t. ; per. s drevnegrech. S. Zhebeleva [Writings : in 4 vol. ; translated from Ancient Greek by S. Zhebelev]. Moskva : My'sl — Moscow : Thought, 1983. Vol. 4. 644 s.
2. Buzeskul V.P. *Istoriya afinskoj demokratii* ; vstup. st. E.D. Frolova ; nauch. red. E.D. Frolova, M.M. Kholoda [History of the Athenian Democracy ; foreword by E.D. Frolov ; scientific editors E.D. Frolova, M.M. Kholoda] / V.P. Buzeskul. Sankt-Peterburg : Gumanitarnaya akademiya — Saint Petersburg : Academy for the Humanities, 2003. 480 s.
3. Günther R. *Krizis liberalizma* [The Crisis in Liberalism] / R. Günther. Moskva : Rossiyskaya akademiya nauk — Moscow : Russian Academy of Sciences, 1996. 298 s.
4. Davies J.K. *Demokratiya i klassicheskaya Gretsija* [Democracy and Classical Greece] / J.K. Davies. Moskva : Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya — Moscow : Russian Political Encyclopedia, 2004. 296 s.
5. Kamenskaya G.V. *Genesis idey demokratii* [Genesis of Democracy Ideas] / G.V. Kamenskaya // *Sotsiologicheskie issledovaniya* — Sociological Research. 1994. № 4. S. 29–40.
6. Kudryavtseva T.V. *Grecheskie filosofy' o demokratii: pro et contra* [Greek Philosophers about Democracy: Pro et Contra] / T.V. Kudryavtseva // *Filosofiya i obschestvo* — Philosophy and Society. 2008. Is. 1 (49). S. 112–126.
7. Marinovich L.P. *Antichnaya i sovremennaya demokratiya: novy'e podkhody' k sopostavleniyu* [The Ancient and Modern Democracy: New Approaches to Comparison] / L.P. Marinovich. Moskva : KDU — Moscow : University Book House, 2007. 212 s.
8. Medushevskaya N.F. *Dukhovnaya sreda rossiyskogo prava. Suschnost, sodержание, metodologiya* [Spiritual Environment of the Russian Law. Essence, Content, Methodology] / N.F. Medushevskaya, K.E. Sigalov. Saarbrücken : LAP LAMBERT — Saarbrücken : LAP LAMBERT, 2012. 362 s.
9. Plato. *Gosudarstvo* ; per. s drevnegrech. A.N. Egunova ; vstup. st. E.N. Trubetskogo ; kom. V.F. Asmusa. 2-e izd. [Republic ; translated from Ancient Greek by A.N. Egunov ; foreword by E.N. Trubetskoy ; commentary by V.F. Asmus. 2nd edition] / Plato. Moskva : Akademicheskiy proekt — Moscow : Academic Project, 2015. 398 s.
10. Plato. *Sobranie sochineniy* : v 4 t. ; per. s drevnegrech., obsch. red. A.F. Loseva, V.F. Asmusa, A.A. Takho-Godi ; vstup. st. i st. v primech. A.F. Losev [Collection of Writings : in 4 vol. ; translated from Ancient Greek by, under the general editorship of A.F. Losev, V.F. Asmus A.A. Takho-Godi ; foreword and commentaries by A.F. Losev] / Plato. Moskva : My'sl — Moscow : Thought, 1994. ...s.
11. Sigalov K.E. *Periodizatsiya istorii gosudarstva i prava v svete teorii sredy' prava* [Periodization of the History of State and Law in View of the Legal Environment Theory] / K.E. Sigalov. Moskva : Moskovskiy universitet MVD Rossii — Moscow : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2005. 126 s.
12. Tumanis H. *Rozhdenie Afiny'. Afinskiy put k demokratii: ot Gomera do Perikla* (VIII–V vv. do n. e.) ; vstup. st., nauch. i lit. red. E.D. Frolova [The Birth of Athena. Athenian Way to the Democracy: from Homer to Pericles (VIII–V Centuries B.C.) ; foreword by, scientific and literary editor E.D. Frolov] / H. Tumanis. Sankt-Peterburg : Gumanitarnaya akademiya — Saint Petersburg : Academy for the Humanities, 2002. 544 s.
13. Thucydides. *Istoriya* [History] / Thucydides. T. 1. Kn. 11. Moskva : Nauka — Moscow : Science, 1995. Vol. 1. Book 11. 545 s.

DOI:10.18572/1812-3805-2018-4-63-67

Единство России в программатике политических партий национальных окраин начала XX в.

Сосенков Федор Сергеевич,
*преподаватель кафедры конституционного и международного права
 Нижегородской академии
 Министерства внутренних дел Российской Федерации,*
кандидат юридических наук, доцент
 fss2005@rambler.ru

Статья посвящена отражению центробежных и центростремительных тенденций в программных документах политических партий национальных окраин Российской империи (Украинской демократическо-радикальной партии, Крестьянского союза Латвии, Грузинской революционной партии социалистов-федералистов, Тюркской партии федералистов «Мусават», Армянской народной партии, Балтийской конституционной партии, Национально-демократической польской партии и других). Кроме этого, анализируются резолюции и прочие документы различных национальных съездов, содержание которых в значительной степени определялось исследуемыми организациями. Партии, образованные на национальных окраинах России, в основном поддерживали идею сохранения общего государства, но в форме федерации, построенной на основе национального принципа. Самоопределение в рамках федерации в основном представляется национальным партиям возможным с санкции Всероссийского учредительного собрания, вместе с тем встречаются и апелляции к международным структурам. У большинства политических партий, определивших федерализацию либо широкую автономию своей целью, требования самостоятельности в предметах ведения доходили до признаков конфедерации. Стремление к федеративной форме государственного устройства особенно усилилось после Февральской революции в условиях общего ослабления общегосударственного властного центра, доходя в ряде случаев до откровенно сепаратистских требований.

Ключевые слова: национально-территориальное единство, противодействие сепаратизму, империя, федерация, национальные политические партии.

Unity of Russia in the Programmatic of Political Parties of National Suburbs of the Early XX Century

Sosenkov Fedor S.
*Lecturer of the Department of Constitutional and International Law
 of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*
Candidate of Legal Sciences
 Assistant Professor

The article investigates the centrifugal and centripetal tendencies in the policy documents of political parties of the national Borderlands of the Russian Empire (Ukrainian democratic-radical party, the Peasant Union of Latvia, the Georgian revolutionary party of socialists-federalist, the Turkic party of Federalists "Musavat" party, Armenian people's party, the Baltic constitutional party, National democratic Polish party and others). In addition, analyzes resolutions and other documents of the various national congresses, the content of which is largely determined by the studied organizations. The party emerged in the national border regions of Russia, mostly supported the idea of preserving a common state, but in the form of a Federation based on national principle. Self-determination within the Federation appear to the main national parties is possible with the approval of the national constituent Assembly, however, there are also appeals to international structures. Most political parties that determined the federalization or autonomy of its purpose, the requirements of independence in the subjects reached the signs of the confederacy. The desire for a Federal form of state structure is particularly intensified after the February revolution in the context of a General weakening of national power center, reaching in some cases to openly separatist demands.

Keywords: national-territorial unity, opposition to separatism, empire, federation, national political parties.

Начало XX в. в России ознаменовалось возникновением и активной работой общероссийских политических партий¹ и политических организаций, выражавших интересы национальных окраин². Последние зачастую характеризовались как полунелегальным, так и вовсе нелегальным положением. В рамках данной статьи проанализируем, как центробежные и значительно реже центростремительные тенденции выражались в программных документах таких политических объединений. Кроме этого, обратим внимание на резолюции и прочие документы различных национальных съездов, содержание которых в немалой степени определялось исследуемыми организациями.

Партии, сформированные на национальных окраинах России, в основном поддерживали идею сохранения общего государства в форме федерации, построенной на основе национального принципа. Эта форма позволяла национальным элитам реализовать стремление государственно обособиться. Федеративная идея при этом могла присутствовать в документе, но не называться напрямую: «Партия добивается: ... 2. Автономии Украины с отдельным представительным собранием (сеймом), которому принадлежит право законодательства во внутренних делах, которые касаются территории Украины» (Украинская Социал-демократическая рабочая партия — УСДРП)³. Другими организациями и съездами требование федерации заявлялось непосредственно⁴. Своеобразно подходила к

вопросу Украинская партия социалистов-революционеров (УПСР). С одной стороны, она ратовала за федерацию⁵, с одновременным требованием пересмотра границ Украины, определенных к лету 1917 г.⁶ Федеративная идея настолько активно прорабатывалась и поддерживалась эсерами как на общероссийском, так и на национальном уровне. УПСР выступала за равноправный федеративный союз народов и государств как в российском, так и международном масштабе. Вместе с тем декларируется, что создан такой союз может быть только после того, как каждая нация реализует свое право на самоопределение⁷. И еще

С. 7; Из программы Крестьянского союза Латвии // Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в. — 1917 г.): сб. док. Вып. 2. М.: ИНИОН, 1996. С. 47; Из программы Национал-демократической партии Латвии // Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в. — 1917 г.): сб. док. Вып. 2. М.: ИНИОН, 1996. С. 50; Программа Грузинской революционной партии социалистов-федералистов (1904 г.) // Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? / сост. А.П. Ненароков, В.А. Горный, Л.Н. Доброхотов, А.И. Кожокина и др. М.: Терра, 1992. С. 60; Программа Тюркской партии федералистов «Мусават» // Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в. — 1917 г.): сб. док. Вып. 2. М.: ИНИОН, 1996. С. 78; Проект программы партии «Алаш» // Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в. — 1917 г.): сб. док. Вып. 2. М.: ИНИОН, 1996. С. 85; Декларация Белорусского национального съезда // Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в. — 1917 г.): сб. док. Вып. 2. М.: ИНИОН, 1996. С. 188; Докладная записка делегации Белорусского национального съезда // Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в. — 1917 г.): сб. док. Вып. 2. М.: ИНИОН, 1996. С. 189; Резолюция Съезда представителей народов и областей, созванного украинской центральной радой // Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в. — 1917 г.): сб. док. Вып. 2. М.: ИНИОН, 1996. С. 199; Программа Белорусской социалистической Громады // Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? / сост. А.П. Ненароков, В.А. Горный, Л.Н. Доброхотов, А.И. Кожокина и др. М.: Терра, 1992. С. 58.

⁵ Программа Украинской партии социалистов-революционеров (15–19.07.1917) // Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? / сост. А.П. Ненароков, В.А. Горный, Л.Н. Доброхотов, А.И. Кожокина и др. М.: Терра, 1992. С. 57.

⁶ Там же. С. 57.

⁷ Там же. С. 56.

¹ См., напр.: Гайда Ф.А. Кадетская партия в 1917 г.: идеологическая трансформация в условиях революции // История государства и права. 2017. № 19. С. 33–38; Золотухина Е.К. Права человека в программных документах либеральных партий начала XX в. // История государства и права. 2010. № 18. С. 19–20; и др.

² См., напр.: Карапетян Л.А. Принцип права наций на самоопределение в политико-правовой концепции армянской социал-демократической партии «Гнчак» («Колокол») на рубеже XIX–XX вв. // История государства и права. 2015. № 4. С. 51–56; Сосенков Ф.С. К вопросу об уголовно-правовом противодействии сепаратизму в Российской империи: Царство Польское и Великое княжество Финляндское // История государства и права. 2013. № 8. С. 31–33; и др.

³ Из Программы Украинской социал-демократической рабочей партии (1905 г.) // Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? / сост. А.П. Ненароков, В.А. Горный, Л.Н. Доброхотов, А.И. Кожокина и др. М.: Терра, 1992. С. 46–47.

Характерно, что в издании программы 1917 г. в примечании к данному пункту прямо объявляется о федерации как о цели партии.

⁴ Платформа Украинской демократической партии // Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в. — 1917 г.): сб. док. Вып. 2. М.: ИНИОН, 1996.

одна характерная формула — своеобразная «федерация в федерации», которая позже реализуется в модели построения СССР и Югославии, — встречается в планах украинских социалистов-революционеров: «Партия будет также поддерживать требования политической автономии отдельных частей (провинций) украинской земли и федеральной связи между ними...»⁸.

Отдельные окраинные партии не ставили целью федерализацию России и акцентировали внимание на собственной автономии, отмечая свою приверженность идее единого государства. Показательным примером может служить образованная в январе 1917 г. Армянская народная партия (АНП), отметившая в качестве цели «широкое национально-территориальное самоуправление», при этом местности Закавказья, заселенные армянами, должны остаться «нераздельной частью России»⁹.

Отдельные партии (в основном образованные на территориях, исторически обладавших опытом собственной государственности) указывали своей целью обретение национальными окраинами Российской империи суверенитета. Вместе с тем сохранение территориальной целостности Российского государства признавалось ими временно возможным при условии предоставления соответствующим территориям автономии. Образованная еще в 1897 г. Национально-демократическая партия Польши так определяла свою главную политическую цель: «...достижение независимости образования самостоятельного польского государства»¹⁰. В 1905 г., однако, партия отмечала, что «улучшения могут быть достигнуты... при обосновании государственной принадлежности Царства Польского в Российской империи на началах автономии края»¹¹.

⁸ Там же. С. 57.

⁹ Программа Армянской народной партии // Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в. — 1917 г.): сб. док. Вып. 2. М.: ИНИОН, 1996. С. 53. См. также: Программа Финской партии // Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в. — 1917 г.): сб. док. Вып. 2. М.: ИНИОН, 1996. С. 115; Программа Младофинской партии // Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в. — 1917 г.): сб. док. Вып. 2. М.: ИНИОН, 1996. С. 136.

¹⁰ Программа Национально-демократической польской партии // Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в. — 1917 г.): сб. док. Вып. 2. М.: ИНИОН, 1996. С. 106.

¹¹ Записка «Польская национально-демократическая партия о нуждах Царства Польского» // Программ-

Созданная в 1902 г. Демократическая партия Литвы (ДПЛ) провозгласила, что ее стратегическую цель («идеал партии») составляет «свободная, никому не подчиняющаяся демократическая республика Литва...»¹². Вместе с тем «ближайшая цель» определялась как «широкая демократическая автономия этнографической Литвы»¹³. Оформившаяся в июне 1917 г. Грузинская национально-демократическая партия (ГНДП) в своей программе дает экскурс в историю грузинской государственности, узурпированной, по ее мнению, Россией. В качестве основной цели, таким образом, провозглашается восстановление политических прав¹⁴, а конкретнее — суверенитета Грузии. При этом на ближайшей повестке дня стояло установление политической автономии Грузии «на демократическо-республиканских началах»¹⁵.

У большинства политических партий, определивших федерализацию либо широкую автономию своей целью, требования самостоятельности в предметах ведения доходили в отдельных случаях до признаков конфедерации. Так, Украинская радикальная партия провозгласила, что «каждая нация России должна иметь автономию с отдельной... представительной властью, которая будет... решать все вопросы в пределах этой территории»¹⁶. Провозглашаются также требования полной самостоятельности регионов в сфере законотворчества¹⁷.

Армия и правоохранительные органы в программных документах либо подчиняются региональным властям, либо дислоцируются в их границах конкретного края: «...воинская служба отбывается в границах родного

ные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в. — 1917 г.): сб. док. Вып. 2. М.: ИНИОН, 1996. С. 106.

¹² Программа Демократической партии Литвы // Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в. — 1917 г.): сб. док. Вып. 2. М.: ИНИОН, 1996. С. 37.

¹³ Там же. С. 37.

¹⁴ Программа Грузинской национально-демократической партии // Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в. — 1917 г.): сб. док. Вып. 2. М.: ИНИОН, 1996. С. 55.

¹⁵ Там же. С. 55.

¹⁶ Платформа Украинской радикальной партии // Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в. — 1917 г.): сб. док. Вып. 2. М.: ИНИОН, 1996. С. 10.

¹⁷ Там же. С. 12; Программа Украинской демократическо-радикальной партии // Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в. — 1917 г.): сб. док. Вып. 2. М.: ИНИОН, 1996. С. 19; Программа Тюркской партии федералистов «Мусават». С. 79.

края»¹⁸, «Полицией руководят органы местного самоуправления»¹⁹. Встречаются также требования автономной судебной власти²⁰.

Собственностью на территориях субъектов федерации, в том числе на очевидно общегосударственные объекты, подлежала закреплению за регионами: «Все движимое и недвижимое имущество, которое теперь принадлежит казне в пределах Украины, в том числе государственные железные дороги, капиталы и права военного и морского ведомств, переходят в собственность украинской казны»²¹. Предусматривается также собственная валюта или, по крайней мере, банк с правом эмиссии²².

Редким исключением среди национальных партий российских окраин явилась придерживавшаяся унитаризма и политического единства Российской империи, образованная в октябре 1905 г. Балтийская конституционная партия (БКП, встречается также как Прибалтийская конституционная партия и Немецкая партия). Думается, что причина кроется в национальном составе организации: партия состояла преимущественно из прибалтийских немцев, традиционно поддерживаемых царской властью и опасавшихся подъема национального движения коренных прибалтийских народов. Выражая полную поддержку правительственному курсу, партия в своей програм-

ме не помещает ни одного тезиса о какой-либо политической самостоятельности российских этносов, ограничиваясь констатацией культурных прав. Так, БКП заявляет только о необходимости «продуктивного культурного развития для всякого народа»²³. С похожих позиций выступала другая национальная партия, которую, однако, нельзя строго назвать окраинной, закрепленной за отдельным регионом, — Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше, России (Бунд): «Россия должна остаться единой и нераздельной»²⁴.

Косвенным доказательством того, что истинной (не всегда, однако, называемой прямо) целью определенной части национальных партий было полное отделение от России, является неопределенность для многих из них самого термина «федерация» и достаточно свободное с ним обращение в программных документах. К примеру, Демократическая партия Литвы считала, что идеальным вариантом является «никому не подчиняющаяся Литва... соединенная федеративными связями с соседними демократическими государствами...»²⁵. Отсюда можно сделать вывод о том, что федерация представлялась синонимом значительной децентрализации и даже договорных межгосударственных связей. Этот вывод подтверждает также то, что некоторые национальные организации называют свои предполагаемые субъекты федерации государствами²⁶. Как было отмечено выше, требование самостоятельности во внутренних делах достигало такого масштаба, что описанные в программах партий формы государственного устройства больше походили на конфедеративный союз. К тому же ряд национальных партий после 1917 г. сменил стремление федерации на требование полной независимости (в частности, «Мусават» в Азербайджане). В заключение отметим, что общее стремление к обособлению в форме автономии, федерации или даже полной самостоятельности было связано с утратой авторитета общеимперской властью. Центробежные силы в национальных регионах нарастали пропорцио-

¹⁸ Программа Украинской демократическо-радикальной партии. С. 19.

¹⁹ Там же. С. 20.

Аналогичные требования встречаются у большинства национальных партий российских окраин. См.: Программа Демократической партии Литвы. С. 38, 43; Из программы Крестьянского союза Латвии. С. 48; Из программы Национал-демократической партии Латвии. С. 50; Программа Грузинской национально-демократической партии. С. 50; Проект программы партии «Алаш». С. 86; Записка «Польская национально-демократическая партия о нуждах Царства Польского». С. 113; Конституция Союза горцев. С. 201.

²⁰ Из программы Крестьянского союза Латвии. С. 49; Из программы Национал-демократической партии Латвии. С. 55; Программа Тюркской партии федералистов «Мусават». С. 79.

²¹ Платформа Украинской партии социалистов-федералистов // Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в. — 1917 г.): сб. док. Вып. 2. М.: ИНИОН, 1996. С. 31. См. также: Программа Демократической партии Литвы. С. 40; Из программы Национал-демократической партии Латвии. С. 51.

²² Из программы Крестьянского союза Латвии. С. 48; Из программы Национал-демократической партии Латвии. С. 50; Программа партии крымских татар «Милли Фирка» // Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в. — 1917 г.): сб. док. Вып. 2. М.: ИНИОН, 1996. С. 90.

²³ Программа Балтийской конституционной партии // Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в. — 1917 г.): сб. док. Вып. 2. М.: ИНИОН, 1996. С. 45.

²⁴ Постановление X конференции Всеобщего еврейского рабочего союза в Литве, Польше, России (апрель 1917 г.) // Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70 летия? / сост. А.П. Ненароков, В.А. Горный, А.Н. Доброхотов, А.И. Кожокина и др. М.: Терра, 1992. С. 51.

²⁵ Программа демократической партии Литвы. С. 37; Проект программы партии «Алаш». С. 86.

²⁶ Из программы Крестьянского союза Латвии. С. 45; Из программы Национал-демократической партии Латвии. С. 50.

нально ее ослаблению. Неудивительно в этой связи, что в условиях Гражданской войны национальные окраины явочным порядком объявили о своей политической независи-

мости: программа действий и модель организации власти выработывалась ими в форме автономии еще с Первой русской революции 1905–1907 гг.

Литература

1. Гайда Ф.А. Кадетская партия в 1917 г.: идеологическая трансформация в условиях революции / Ф.А. Гайда // История государства и права. 2017. № 19. С. 33–38.
2. Золотухина Е.К. Права человека в программных документах либеральных партий начала XX в. / Е.К. Золотухина // История государства и права. 2010. № 18. С. 19–20.
3. Карапетян Л.А. Принцип права наций на самоопределение в политико-правовой концепции армянской социал-демократической партии «Гнчак» («Колокол») на рубеже XIX–XX вв. / Л.А. Карапетян // История государства и права. 2015. № 4. С. 51–56.
4. Млечин Л. Назарбаев: между медведем и драконом / Л. Млечин. СПб. : Амфора, 2015. 383 с.
5. Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70 летия? / сост. А.П. Ненароков, В.А. Горный, Л.Н. Доброхотов, А.И. Кожокина и др. М. : Терра, 1992. 559 с.
6. Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в. — 1917 г.) : сб. док. / сост. В.М. Фомин. Вып. 2. М : ИНИОН, 1996. 202 с.
7. Сосенков Ф.С. К вопросу об уголовно-правовом противодействии сепаратизму в Российской империи: Царство Польское и Великое княжество Финляндское / Ф.С. Сосенков // История государства и права. 2013. № 8. С. 31–33.

References

1. Gayda F.A. Kadetskaya partiya v 1917 g.: ideologicheskaya transformatsiya v usloviyakh revolyutsii [The Cadet Party in 1917: Ideological Transformation in Conditions of the Revolution] / F.A. Gayda // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2017. № 19. S. 33–38.
2. Zolotukhina E.K. Prava cheloveka v programmy'kh dokumentakh liberalny'kh partiy nachala XX v. [Human Rights in Program Documents of Liberal Parties of the Early XX Century] / E.K. Zolotukhina // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2010. № 18. S. 19–20.
3. Karapetyan L.A. Printsip prava natsiy na samoopredelenie v politiko-pravovoy kontseptsii armyanskoj sotsial-demokraticeskoy partii «Gnchak» («Kolokol») na rubezhe XIX–XX vv. [The Principle of the Right of Nations to Self-Identification in the Political and Legal Concept of the Armenian Social Democratic Party Hunchak (Bell) on the Verge of the XIX and the XX Century] / L.A. Karapetyan // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2015. № 4. S. 51–56.
4. Mlechin L. Nazarbaev: mezhdru medvedem i drakonom [Nazarbaev: between the Bear and the Dragon] / L. Mlechin. Sankt-Peterburg : Amfora — Saint Petersburg : Amphora, 2015. 383 s.
5. Nesostoyavshiyusa yubiley. Pochemu SSSR ne otprazdnoval svoego 70 letiya? ; sost. A.P. Nenarokov, V.A. Gornyy, L.N. Dobrokhotoj, A.I. Kozhokina i dr. [Failed Anniversary. Why Has the USSR not Celebrated Its 70th Anniversary? ; compiled by P. Nenarokov, V.A. Gornyy, L.N. Dobrokhotoj, A.I. Kozhokina et al.]. Moskva : Terra — Moscow : Terra, 1992. 559 s.
6. Programmy'e dokumenty' natsionalny'kh politicheskikh partiy i organizatsiy Rossii (konets XIX v. — 1917 g.) : sb. dok. ; sost. V.M. Fomin. Vy'p. 2 [Program Documents of National Political Parties and Organizations of Russia (the Late XIX Century to 1917) : collection of documents ; compiled by V.M. Fomin. Is. 2]. Moskva : INION — Moscow : INION, 1996. 202 s.
7. Sosenkov F.S. K voprosu ob ugovovno-pravovom protivodeystvii separativizmu v Rossijskoj imperii: Tsarstvo Polskoe i Velikoe knyazhestvo Finlyandskoe [On Criminal Law Combating of Separatism in the Russian Empire: the Kingdom of Poland and the Grand Duchy of Finland] / F.S. Sosenkov // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2013. № 8. S. 31–33.

DOI:10.18572/1812-3805-2018-4-68-70

У истоков Главного управления духовных дел иностранных исповеданий

*Приходько Михаил Анатольевич,
доцент кафедры истории государства и права
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина,
кандидат юридических наук
mprihod@list.ru*

Во временной отрезок с 1810 по 1817 г. в системе центральных государственных учреждений Российской империи действовало Главное управление духовных дел иностранных исповеданий.

В это время его структура находилась в стадии формирования, а основная деятельность этого учреждения была связана со сбором и систематизацией многочисленной справочной информации и разрешением вопросов и дел в сфере иностранных исповеданий, в основном частного характера.

К сожалению, до настоящего времени особенности его организационного устройства в первые годы его деятельности являются спорным вопросом.

Более того, истории этого учреждения посвящено слишком малое количество научных исследований.

Обнаруженные архивные документы позволяют документально уточнить структурную организацию Главного управления духовных дел иностранных исповеданий в 1810–1817 гг. и определить авторов проекта учредительного документа, на основе которого строилась данная структурная организация.

***Ключевые слова:** государственная система, государственное управление, иностранные исповедания, Российская империя.*

At the Origins of the Main Directorate of Religious Affairs of Foreign Confessions

*Prihodko Mikhail A.
Assistant Professor of the Department of History of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University
Candidate of Legal Sciences*

In the time interval from 1810 to 1817 in the system of central state institutions of the Russian Empire, the General Directorate of Spiritual Affairs of Foreign Confessions operated.

At that time, its structure was at the stage of formation, and the main activity of this institution was connected with the collection and systematization of numerous background information and the resolution of questions and cases in the field of foreign confessions, mostly of a private nature.

Unfortunately, up to now the peculiarities of his organizational structure in the first years of his activity are a contentious issue.

Moreover, the history of this institution is devoted to too few scientific studies.

The archival documents found allow the documentary clarification of the structural organization of the Main Directorate of Spiritual Affairs of Foreign Confessions in 1810–1817 and identify the authors of the draft constituent document on the basis of which this structural organization was built.

***Keywords:** state system, state administration, foreign confessions, Russian empire.*

Во временной отрезок с 1810 по 1817 г. в системе центральных государственных учреждений Российской империи действовало Главное управление духовных дел иностранных исповеданий (далее — ГУДДИИ).

Обнаруженные нами в Центральном государственном архиве г. Москвы (далее — ЦГА Москвы) архивные документы — черновые материалы (черновик «Учреждения», снабженный «Штатом»¹), касающиеся структуры Главного управления духовных дел иностранных исповеданий приблизительно в 1810–1817 гг., дают основание углубить по-

знания об организационном устройстве этого центрального государственного учреждения.

Черновик «Учреждения» включает два отделения (отделение первое «Об устройстве Департамента католических исповеданий» и отделение второе «Наказ главноуправляющему духовными делами иностранных исповеданий, по управлению духовных дел протестантских исповеданий»), разделенных на 81 параграф².

Параграф первый определял примерную компетенцию главноуправляющего: «Главноуправляющий духовными делами иностранных исповеданий по всем делам до римско-ка-

¹ ЦГА Москвы. Ф. 1875. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–30об, 36, 36об, 41.

² Там же. Л. 1–30об.

толического, греко-униятского и армянского исповеданий касающимся, находится в непосредственном сношении с первенствующим в России римско-католическим архиепископом митрополитом и с суфраганами его епархиальными епископами, с греко-униятским митрополитом и его суфраганами, равно как и с армянскими епархиальными архиепископами»³.

Особенно ценен черновик штата ГУДДИИ, которым снабжен текст «Учреждения», именно он и определяет структурную организацию ГУДДИИ.

«I. Департамент для католических исповеданий.

- Директор — 1.
- Секретарь — 1.
- Начальник отделения — 1.
- Столоначальников — 2.
- Помощников старших — 2.
- Помощников младших — 2.
- Журналист — 1.

II. Департамент для протестантских исповеданий.

- Директор — 1.
- Секретарь — 1.
- Начальник отделения — 1.
- Столоначальников — 2.
- Помощников старших — 2.
- Помощников младших — 2.
- Переводчик — 1.
- Журналист — 1.

III. Департамент для иноверческих исповеданий:

- Директор — 1.
- Начальников отделений — 2.
- Столоначальников — 4.
- Помощников старших — 2.
- Помощников младших — 2.
- Переводчиков — 2.
- Журналистов — 1.
- Канцелярия Главноуправляющего.

- Директор — 1.
- Секретарей — 3.
- Помощников — 3.

Архив Главноуправляющего, состоящий под надзором директора Канцелярии Главноуправляющего.

- Начальник — 1.
- Помощников — 2.
- Счетный стол Главноуправляющего.

Начальник счетного стола, он же экзекутор — 1.

- Помощник — 1.»⁴.

Тем самым Департамент ГУДДИИ в это время состоял не из двух (как значится в официальных «Месяцословах» за 1811–1817 гг.), а из трех отделений: 1) католических исповеда-

ний; 2) протестантских исповеданий; 3) иноверческих (азиатских) исповеданий (дела магометан, евреев и ламаитов).

Поскольку официальные «Месяцословы» за 1811–1817 гг. точно указывают на единственный Департамент ГУДДИИ, мы с большой долей уверенности делаем вывод о структурировании этого Департамента на практике из трех отделений, с теми же названиями, что и названия департаментов, упоминаемых в архивных источниках, только с заменой термина «департамент» на термин «отделение», так как департамент не мог состоять из департаментов.

Что же касается указания в «Месяцословах» за 1811–1817 гг. только двух начальников отделений в Департаменте ГУДДИИ, то, на наш взгляд, это объяснялось сложностью и длительностью организации Отделения иноверческих (азиатских) исповеданий, неназначением вследствие этого его руководителя и вероятным подчинением этого отделения одному из уже назначенных начальников отделений.

Тем самым путем архивных разысканий мы пришли к выводу о том, что ориентировочно с 1814 по 1817 г. ГУДДИИ состояло из одного Департамента, включавшего в свой состав три отделения.

Организационное устройство и порядок делопроизводства в ГУДДИИ в 1811–1817 гг. определялись «Временным учреждением» — проектом правового акта, не получившего официального утверждения, текст которого не обнаружен до сих пор.

В это время структура ГУДДИИ находилась в стадии формирования, а основная деятельность этого учреждения была связана со сбором и систематизацией многочисленной справочной информации и разрешением вопросов и дел в сфере иностранных исповеданий в основном частного характера.

Обнаруженные в ЦГА Москвы архивные документы хранятся в фонде дворян Тургеневых, среди бумаг Александра Ивановича Тургенева, «правой руки» Александра Николаевича Голицына в ГУДДИИ.

А.И. Тургенев был директором Канцелярии ГУДДИИ в 1810–1814 гг. и директором Департамента духовных дел иностранных исповеданий в 1814–1823 гг.

По всей видимости, на него и была возложена обязанность разработки учредительного документа ГУДДИИ в начале 10-х гг. XIX в.

С уверенностью можно предположить, что проект этого документа не мог пройти мимо внимания руководителя ГУДДИИ А.Н. Голицына.

Именно ему он представлялся А.И. Тургеневым на рассмотрение и согласование, и

³ Там же. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 36, 36об, 41.

именно в него А.Н. Голицыным вносились возможные необходимые изменения.

Тем самым А.И. Тургенева и А.Н. Голицына мы определяем как авторов проекта учреждения ГУДДИИ середины 10-х гг. XIX в.

Тем самым вновь обнаруженные архивные документы позволяют существенным

образом документально уточнить структурную организацию Главного управления духовных дел иностранных исповеданий в 1810–1817 гг. и определить авторов проекта учредительного документа, на основе которого строилась данная структурная организация.

Литература

1. Центральный государственный архив г. Москвы. Ф. 1875. Оп. 1. Д. 6.

References

1. Tsentralny'y gosudarstvenny'y arkhiv g. Moskvy'. F. 1875. Op. 1. D. 6 [The Central State Archive of Moscow. Fund 1875. List 1. Case 6].

DOI:10.18572/1812-3805-2018-4-70-76

Российско-эстонский мирный договор 1920 г. и судьба коллекции Музея древностей и изящных искусств Юрьевского (Тартуского) университета

*Боннер Александр Тимофеевич,
профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук
kgpc@msal.ru*

Статья посвящена сложной судьбе коллекции Музея древностей и изящных искусств Юрьевского (Тартуского) университета. В период Первой мировой войны в связи с наступлением немецких войск и угрозой оккупации г. Тарту Императорский Юрьевский университет был эвакуирован в Петроград, а затем переведен в Воронеж. При нем с 1803 г. существовал Музей древностей и изящных искусств, экспонаты которого, включая художественные произведения мирового уровня, с 1916 г. пребывают в Воронеже. По условиям российско-эстонского мирного договора 1920 г. все имущество Юрьевского (Тартуского) университета следовало вернуть эстонской стороне. Однако до настоящего времени это не сделано.

Ключевые слова: Музей древностей и изящных искусств Юрьевского (Тартуского) университета, российско-эстонский мирный договор, коллекция Музея изящных искусств Тартуского университета.

The Russian-Estonian Peace Treaty of 1920 and the Fate of the Collection of Antiquities and Fine Arts of the Yuryev (Tartu) University

*Bonner Aleksandr T.
Professor of the Department of Civil and Administrative Proceedings
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Doctor of Law
Honored Scientist of the Russian Federation*

The Article is devoted to the complicated fate of the collection of the Museum of antiquities and fine arts of Yuryev (Tartu) University. During the First World War, in connection with the German offensive and the threat of occupation of Tartu, Imperial Tartu University was evacuated to Petrograd, and then transferred

to Voronezh. With him in 1803 there was a Museum of antiquities and fine arts, which exhibits, including art works of world level, from 1916, are in Voronezh. Under the terms of the Russian-Estonian peace Treaty of 1920 all the property of Yuryev (Tartu) University ought to return the Estonian side. However, to date this has not been done.

Keywords: the Museum of antiquities and fine arts of Yuryev (Tartu) University, Russian-Estonian peace Treaty, the collection of the Museum of fine arts of the University of Tartu.

В старинном особняке, расположенном в глубине одного из кварталов в центре г. Воронежа, находится Воронежский областной художественный музей имени И.Н. Крамского. Несмотря на то что Воронеж никогда не относился к крупным художественным центрам, областной художественный музей включен в популярную энциклопедию «Музеи мира»¹. Этой чести он удостоился наряду с крупнейшими художественными собраниями мирового значения. Среди них Лувр, Музей д'Орсе (Париж), Ватиканская пинакотека, Галерея Боргезе (Рим), Вашингтонская Национальная картинная галерея, Метрополитен-музей (США), Дрезденская галерея, Старая пинакотека (Мюнхен, ФРГ), Национальная Лондонская галерея, Пражская картинная галерея, а также отдельные российские художественные музеи. Это объясняется тем, что в Воронеже находится редкая для отечественных художественных музеев отличная коллекция произведений античного, а также западноевропейского искусства. Как же она оказалась в Воронеже?

В 1915 г., во время Первой мировой войны, в связи с наступлением немецких войск и угрозой оккупации г. Тарту был эвакуирован в Петроград, а затем переведен в Воронеж, в Императорский Юрьевский университет. При нем с 1803 г. существовал Музей древностей и изящных искусств. Из Тарту были перевезены библиотека и музейное собрание университета, а также эвакуированы профессор, преподаватели и студенты. В 1918 г. на базе Тартуского университета был образован Воронежский университет. Туда же было передано все имущество, прибывшее из Тарту, включая художественную коллекцию Музея древностей и изящных искусств Тартуского университета.

Между тем в период с 28 ноября 1918 г. по 3 января 1920 г. Вооруженные силы самопровозглашенной Эстонской Республики при участии белой Северо-Западной армии, Британского военно-морского флота, финских, шведских и датских добровольцев противостояли на северо-западной территории бывшей Российской империи Вооруженным силам Советской России. По окончании боевых действий в эстонском Тарту, 2 февраля 1920 г., был заключен мирный договор между РСФСР и Эстони-

ей, получивший название Тартуского. С российской стороны договор подписал глава делегации А. Иоффе, действовавший на основании доверенности на представление интересов РСФСР по заключению договора, подписанной председателем Совета народных комиссаров В.И. Лениным. Договор был незамедлительно ратифицирован законодательными органами обеих договаривающихся сторон.

Заключение договора было позитивно встречено в обеих странах. В частности, по словам В.И. Ленина: «*Капиталисты из всех сил мешали заключению мира Эстонии с нами. Мы их победили. Мы заключили мир с Эстонией, — первый мир, за которым последуют другие, открывая нам возможность товарообмена с Европой и Америкой*»². Что же касается эстонской стороны, то она рассматривала заключение договора в качестве важного шага на пути к международному признанию независимости Эстонии.

По договору РСФСР сделала Эстонию ряд территориальных уступок. Эстония освободилась от каких-либо обязательств перед РСФСР, а также от долговых и иных обязательств царской России. РСФСР передавала Эстонии часть золотого запаса царской России и принадлежавшее российской казне движимое и недвижимое имущество.

Что же касается современных оценок сторон Тартуского мирного договора, то они неоднозначны. 8 мая 1990 г. Верховный Совет Эстонской ССР принял закон о восстановлении действия Конституции Независимой Эстонской Республики 1938 г. А 16 мая 1990 г. был принят закон «Об основах временного порядка управления Эстонией». В нем провозглашалось, что отношение между Республикой и Союзом ССР отныне строятся на основе Тартуского мирного договора.

Позицию эстонской стороны сформулировал известный специалист в области международного права, ректор академии Nord Рейн Мюллерсон в интервью изданию Postimees:

«Нет никаких сомнений в том, что Тартуский мир важен исторически, и таковым его значение и останется. На вопрос о том, действителен ли Тартуский мирный договор, нет однозначного и твердого ответа, об этом ведутся споры. Я считаю его действительным, по-

¹ Турскова Т.А. Музеи мира. Популярная энциклопедия. М.: Терра, 2001. С. 83–91.

² Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1974. Т. 40. С. 121.

скольку такие мирные договоры не заканчиваются. В них даже нет положения о денонсации.

А в том, что Россия и в свое время Советский Союз рассматривали Тартуский мир как недействительный, нет ничего нового. По их мнению, произошло добровольное вступление Эстонии в Советский Союз...

Но я уверен, что Эстония вошла в состав СССР не на добровольных началах. Непосредственно военная сила не была применена, но давление оказывалось. Я не знаю ни одного примера, чтобы какое-нибудь государство добровольно отказывалось от своей независимости и суверенитета. Поскольку мы не можем говорить о добровольном присоединении, то Тартуский мирный договор не утратил свою действительность в 1940 году. Поэтому он еще в силе»³.

Взгляд же на проблему официальных кругов России диаметрально противоположен. В связи с 80-летием Тартуского мирного договора позиция МИД России была сформулирована послом России в Эстонии А.И. Глуховым. Договор принадлежит истории, юридически и фактически он прекратил свое действие с принятием Эстонии в состав СССР в 1940 г. Выход Эстонской Республики из состава СССР в 1991 г. не означает восстановления действия Тартуского договора, заключенного довоенной Эстонией. Признание независимости Эстонской Республики Постановлением Государственного Совета СССР от 6 сентября 1991 г. основывалось на том, что Эстония вплоть до этого времени входила в состав СССР как Эстонская ССР.

Проблематика настоящей статьи не предполагает юридического анализа текста всего Тартуского договора. В нем нас интересует главным образом п. 4 ст. XII, в котором записано следующее:

«Правительство России возвращает в Эстонию и передает Правительству последней имущества, в том числе библиотеки, архивы, учебные пособия, документы и прочие предметы, как Юрьевского Университета, так и всех находящихся или находившихся ранее в пределах Эстонии учебных заведений, ученых, правительственных и общественных учреждений, и вообще все вывезенные из Эстонии в Россию архивы, документы и прочие предметы, имеющие для Эстонии научное или историческое значение, поскольку указанные предметы находятся или окажутся в ведении Правительства, правительственных и общественных учреждений России»⁴.

³ Идеон А. Мюллерсон: Тартуский договор действителен // Postimees. 2009. 2 февр.

⁴ Собрание Узаконений 1920. № 7.

Однако обязательства РСФСР по возвращению коллекции Музея древностей и изящных искусств Тартуского университета в связи с создававшимися российской стороной различными искусственными препятствиями выполнены не были.

Некоторая часть имущества Тартуского университета, включая по меньшей мере определенную часть библиотечных фондов, в конечном итоге в Эстонию все-таки вернулась. В то же время нельзя не отметить, что книги из бывшей библиотеки Юрьевского университета были переданы в Тарту не российской стороной, а... одной из структур фашистской Германии, так называемым Оперативным штабом Рейхслайтера Розенберга. Оперативный штаб был создан «для выявления и охраны», а фактически для вывоза культурных ценностей с оккупированных Германией территорий. В специальном обосновании «законности» своей деятельности по вывозу культурных ценностей Оперативный штаб, разумеется, не нуждался. Однако в отдельных случаях он не упускал возможности дополнительно обосновать «правомерность» такой деятельности. В частности, вывоз библиотеки Воронежского университета мотивировался особыми правовыми соображениями. Ранее эти книги входили в фонды библиотеки Юрьевского (ныне Тартуского) университета, в 1916 г. эвакуированной в Воронеж. Со ссылкой на п. 4 ст. 12 мирного договора между Советской Россией и Эстонией от 2 февраля 1920 г. эта акция Оперативным штабом Рейхслайтера Розенберга была представлена в качестве «торжества законности»⁵. Согласно акту от 24 августа 1943 г. Дерптскому университету было передано не только 2986 книг, ранее принадлежавших Юрьевскому университету, но еще и 1834 книги иного происхождения.

Собрание этого музея имело высокую культурно-историческую и художественную ценность и состояло из большого количества произведений западноевропейского и русского искусства, а также нумизматической коллекции, завещанной музею его первым директором профессором классической филологии Карлом Моргенштерном. При его непосредственном участии для университетского собрания в Вене, Берлине, Риге и Риме были приобретены произведения мастеров нидерландской, голландской, фламандской, итальянской, испанской и немец-

⁵ Бойцов М.А., Васильева Т.А. «Культурная война» Оперативного штаба «РР» // Картотека «Z» Оперативного штаба «Рейхслайтер Розенберг». Ценности культуры на оккупированных территориях России, Украины и Белоруссии 1941–1942: труды исторического факультета МГУ (исторические источники); подгот. М.А. Бойцов, Т.А. Васильева. М., 1998. М., 1998. С. 49–50.

кой школ живописи XVI–XIX вв. Особый интерес представляла коллекция античной керамики — ваз и терракот. Собрание древностей обогащалось за счет произведений, приносимых в дар Императорской археологической комиссией, а также частными лицами — преподавателями университета, любителями старины.

Как пишут авторы вступительной статьи к великолепно изданному альбому «Воронежский областной музей изобразительных искусств»: «Перемещение коллекции Юрьевского университета в Воронеж сделало целесообразным ее объединение с художественным собранием городского музея. Эвакуированные из Тарту произведения, на некоторое время составив художественную экспозицию картинной галереи Воронежского государственного университета, после этого в течение нескольких лет хранились на консервации, без доступа посетителей»⁶.

Только благодаря наличию богатейшей коллекции художественных ценностей из Тарту 15 января 1933 г. состоялось решение об открытии художественного музея в Воронеже.

По состоянию на 2005 г. собрание этого центра насчитывало около 23 тыс. единиц хранения⁷, существенная часть которых имеет тартуское происхождение. Среди них произведения античной керамики, богатейшая нумизматическая коллекция, ценнейшие произведения западноевропейской живописи, а также ряд произведений российских художников. Краткая искусствоведческая характеристика прибывших из Эстонии художественных ценностей дана во вводной статье и комментариях к альбому, посвященному сокровищам Воронежского областного музея изобразительных искусств.

Таким образом, нежданно-негаданно Воронежский музей стал одним из немногих российских музеев, имеющих в своем собрании подлинные произведения древнегреческих скульпторов и вазопиццев, а также произведения западноевропейских художников мирового уровня.

Превосходная коллекция vaz была создана и расписана в VIII–V вв. до н. э. Начало коллекции античной керамики этого музея было положено первым директором Юрьевского музея К. Моргенштерном. Впоследствии античные вазы и терракоты приобретались музеем в Неаполе, Капуе, Черветри. Большое количество античных vaz было куплено на аукционе в Париже в 1888 г.

Воронежская коллекция западноевропейской живописи включает ряд высококлассных

произведений художников Италии, Германии, Франции, Голландии, Фландрии, Бельгии, имеющих, по сути, мировое значение. Практически все они тартуского происхождения. Среди них работы мастеров мирового класса Карло Маратти, Себастьяно Риччи, Алессандро Маньяско (Италия), Абрахама Блумарта, Николаса Питерса Берхема, Адриана ван де Велде, Иоста Корнелиса Дрохслота, Питера Класса, Якобса Вилемса де Вета Старшего, Яна Йозефа Хореманса Старшего, Томаса Хереманса (Голландия), Яна Миля (Бельгия), Жака Куртуа (Франция), Христиана Зейбольда, Франца Ленбаха и Людвига Кнауца (Германия). Среди российских музеев похвастать отдельными произведениями перечисленных художников могут лишь Государственный Эрмитаж и ГМИИ имени А.С. Пушкина⁸.

В Воронеже имеются и некоторые произведения известных российских живописцев, в свое время также поступивших из собрания Музея древностей и изящных искусств при Юрьевском университете. В частности, это два великолепных пейзажа Ф.М. Матвеева, работавшего на рубеже XVIII–XIX вв. и долгое время жившего в Италии. Написанные им «Окрестности Рима» и «Водопад в Тиволи» исполнены художником в период расцвета его творчества по всем правилам классического пейзажа. В свое время оба полотна находились в собрании фон Бланкенгагена (Дерпт), который приобрел их в Риме у самого автора. В Воронеже хранятся и произведения А.П. Боголюбова, И.И. Левитана, Е.Э. Дюкера, П.И. Петровичева, С.В. Малютина и некоторых других художников, также имеющих тартуское происхождение⁹.

С 1918 по 1933 г. Коллекция последовательно передавалась различным музейным учреждениям г. Воронежа. А в 1933 г. на ее базе был создан Областной художественный музей. Теперь он именуется Воронежским областным художественным музеем имени И.Н. Крамского. В 1942 г. в связи с событиями Второй мировой войны наиболее ценная часть экспонатов Тартуского музея из Воронежа была эвакуирована

⁶ Воронежский областной музей изобразительных искусств / сост. Е.А. Резникова. М.: Изобразительное искусство, 1984. С. 7.

⁷ Лунева М.И. Воронежский областной художественный музей // Российская музейная энциклопедия. М.: Прогресс, 2005. С. 120.

⁸ Государственный Эрмитаж. Западноевропейская живопись. Каталог-1: Италия, Испания, Франция, Швейцария. Л.: Аврора, 1976. С. 110–111, 128–129, 218–219, 221; Там же. Каталог-2: Нидерланды, Фландрия, Бельгия, Голландия, Германия, Австрия, Англия, Дания, Норвегия, Финляндия, Швеция, Венгрия, Польша, Румыния, Чехословакия. Л.: Аврора, 1981. С. 80, 104, 115–116, 131, 137–138, 234; Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина: каталог живописи. М.: Mazzotta, 1995. С. 480–482, 271, 508, 465, 444, 583–584, 612, 609.

⁹ Воронежский областной музей изобразительных искусств: альбом / авт.-сост. Е.А. Резникова, М.И. Лунева, М.А. Хайдарова. М.: Изобразительное искусство, 1984. № 6, 7, 18, 37, 43, 55, 78.

на. Часть же собрания, квалифицированная как «экспонаты второстепенного характера», осталась невывезенной и погибла.

Некоторое время назад в кассах Воронежского музея появились в продаже открытки, на которых были воспроизведены лучшие вещи из Тартуской коллекции. Открытки были отпечатаны в 2000 г. в г. Тарту (Республика Эстония). На их оборотной стороне воспроизведен герб Тартуского университета с датой его основания (1632 г.). Что же касается репродуцируемых работ, то в отношении них на трех языках (эстонском, английском и русском) сообщалось: «Из Музея искусств Тартуского университета. Находится в Воронежском обл. худ. музее».

Нетрудно догадаться, что публикация серии открыток под эгидой Тартуского университета означают единственное. Университет и Эстонская республика в целом претендуют на возвращение им некогда принадлежавших университету художественных ценностей. Не исключено, что по этому поводу могут быть предприняты соответствующие дипломатические демарши. В принципе не исключены и разбирательства в органах по разрешению международно-правовых споров.

В настоящее время в Интернете на сайте, расположенном по адресу http://www.ut.ee/artmuseum/fotod/voro_rus.pdf, размещен Каталог коллекции Музея искусств Тартуского университета. Каталог озаглавлен «Dorpat — Jurjev — Tartu ja Voronez: ulikooli kollektsooni saatus. Дерпт — Юрьев — Тарту и Воронеж: история университетской коллекции». Он подготовлен совместными усилиями искусствоведов Тарту и Воронежа и опубликован под эгидой Министерства культуры Эстонской Республики, Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ, Тартуского университета, Художественного музея Тартуского университета, Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охраны культурного наследия, Федерального агентства по культуре и кинематографии РФ и Воронежского областного художественного музея имени И.Н. Крамского. В каталоге достаточно подробно изложена история Музея искусств Тартуского университета и его коллекции, а также уточнена атрибуция некоторых произведений живописи в составе этой коллекции. Таким образом, по поводу происхождения коллекции, ее нынешнего состава и принимавшихся в 1920 г. обязательств РСФСР о возвращении коллекции эстонской стороне принципиальных разногласий между составителями каталогами и соответствующими ведомствами России и Эстонии как будто бы нет.

Тем не менее предпринимавшиеся эстонской стороной на протяжении длительного вре-

мени, начиная с 2 февраля 1920 г. (даты заключения Тартуского мирного договора), попытки реального возвращения коллекции по ее принадлежности в Тарту успеха не имели. Два государства достигли соглашений по вопросам о судьбе отдельных предметов и коллекций, изначально принадлежавших университету, однако дискуссии о том, где должна находиться художественная коллекция Тартуского университета, продолжают до сих пор¹⁰.

В связи с этим во вступительной статье к каталогу ректор Тартуского университета академик Яак Аавиксоо, в частности, обращает внимание на следующее:

«Художественная коллекция имеет для Тартуского университета большое символическое значение. Важнейшими из университетских связей являются связи со многими поколениями его выпускников. Создание богатства всех университетов мира отнюдь не стоит считать заслугой лишь правителей государств. Университет — это среда, которая способствует проявлению свойственных человеку альтруистических порывов, свидетельствующих о признании университета как его студентами и профессурой, так и выпускниками. Увековечить свое имя можно и через академические институты. Одна из возможностей получить признание — сделать дар своей alma mater. С учетом сделанных пожертвований можно спросить, являются ли принадлежащие университету предметы собственностью государства, университета или академического сообщества? ...университет благодарен многим поколениям своих выпускников, а также государственной власти, внесшей лепту в развитие университета, и имеет определенные обязательства перед ними. Это обязательства по преимуществу символические — сохранить академические традиции, нести в себе те ценности, которые представляли в истории университета народы, влиявшие на его жизнь. Поэтому сегодняшний Тартуский университет является ведущим центром Эстонии по изучению и сохранению русской культуры. Тартуский университет остается выдающимся и позитивнейшим памятником долгой совместной истории народов Эстонии и России. Не забыта история и сейчас. В 2002 г., в знак уважения к Императорскому университету, Тартуский университет отметил не только 370-летие основания, но и 200-летний юбилей возобновления своей деятельности. Примером отношения Тартуского университета и Эстонской Республики к

¹⁰ Аавиксоо Я. Дерпт-Юрьев-Тарту и Воронеж: судьба университетской коллекции // Dorpat — Jurjev — Tartu ja Voronez: ulikooli kollektsooni saatus. Дерпт — Юрьев — Тарту и Воронеж: история университетской коллекции : альбом. URL: www.ut.ee/artmuseum/fotod/voro_rus.pdf

вопросу об исторических правах может служить добровольный акт возвращения университетом имущества Печорского монастыря (Российская Федерация) — как достояния, которое должно находиться там, где оно создавалось.

Тартуский университет благодарен за то, что связанная с ним исторически художественная коллекция была хорошо сохранена в Воронеже. С 1933 г. художественное собрание хранится в Воронежском областном художественном музее имени И.Н. Крамского, сотрудничестве с которым становится все более плодотворным для Тартуского университета. Подтверждением тому служит настоящий каталог¹¹.

На сетования эстонской стороны кто-то может возразить в том смысле, что со времени переезда Тартуской коллекции в Воронеж прошло уже 100 лет и стоит ли ворошить прошлое? Художественное собрание «хорошо сохранено в Воронеже», а сотрудничество с ним «становится все более плодотворным для Тартуского университета». Однако ни Воронежский музей, ни Министерство культуры РФ, даже если бы и захотели, не могут самостоятельно принять решения о возвращении коллекции ее законному владельцу. Вопрос о возвращении коллекции по принадлежности может быть решен не на уровне контактов учреждений образования и культуры Эстонии и России, но исключительно на межгосударственном уровне. Обязательства по возврату коллекции носят не гражданско-правовой характер, с присущим ему ограниченным сроком исковой давности. В данном случае речь идет о международно-правовых обязательствах, которые срока давности не имеют.

Принцип добросовестного выполнения международных обязательств является одним из основополагающих принципов международного публичного права. В соответствии с этим принципом государства обязаны добросовестно выполнять свои обязательства по международному праву. Неукоснительному выполнению подлежат как обязательства, вытекающие из общепризнанных принципов и норм международного права, так и обязательства, которые вытекают из соответствующих международному праву договоров или других соглашений, участниками которых они являются.

Таким образом, названный принцип юридически обязывает субъектов выполнять то, что предписывают источники международного права. Без реального исполнения данного принципа не может нормально функционировать система международных отношений. Принцип добросовестного выполнения международных обязательств является основой всяких международ-

ных отношений и вытекает из самой природы международного общения государств. Он призван служить важнейшей социальной нормой поведения государств на международной арене.

Рассматриваемый принцип закреплен в п. 2 ст. 2 Устава ООН, где записано, что все члены Организации Объединенных Наций добросовестно выполняют принятые на себя по настоящему Уставу обязательства. Согласно ст. 26 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться.

Данный принцип закреплен также в Декларации о принципах международного права 1970 г. и Заключительном акте ОБСЕ.

Нормативное содержание принципа добросовестного выполнения международных обязательств заключается в следующем:

а) каждое государство обязано добросовестно выполнять свои обязательства, принятые им в соответствии с Уставом ООН;

б) каждое государство обязано добросовестно выполнять свои обязательства, вытекающие из общепризнанных принципов и норм международного права;

в) каждое государство обязано добросовестно выполнять свои обязательства, вытекающие из международных договоров, действительных согласно общепризнанным принципам и нормам международного права. Согласно этому принципу субъекты международного права не вправе в одностороннем порядке отказаться от своих обязательств¹². Ответить на вопрос: действовала ли и действует ли Российская Федерация в рассматриваемой ситуации в соответствии с принципом добросовестного выполнения международных обязательств, мы предоставляем возможность ответить читателю.

А пока что немногочисленные посетители Воронежского музея могут полюбоваться лишь произведениями российского искусства, да еще коллекцией античной керамики. Что же касается шедевров западноевропейского искусства из бывшего Музея древностей и изящных искусств Тартуского университета, то в ныне занимаемых музеем достаточно скромных помещениях их попросту негде размещать. Так что фактически они находятся на очередной «консервации» художественных ценностей.

¹² Международное право / под ред. В.Н. Дурденевско-го, С.Б. Крылова. М., 1947. С. 393; Тиунов О.И. Принцип соблюдения договоров в международном праве. Пермь, 1976. С. 3; Зимненко Б.А. Международное право и правовая система Российской Федерации. М., 2006. С. 245; Международное публичное право: учебник / под ред. К.А. Бекяшева. М.: Проспект, 2011. С. 142–143; и др.

¹¹ Там же.

Литература

1. Аавиксоо Я. Дерпт-Юрьев-Тарту и Воронеж: судьба университетской коллекции / Я. Аавиксоо // Dorpat — Jurjev — Tartu ja Voronezh: ulikooli kollektsiooni saatus. Дерпт — Юрьев — Тарту и Воронеж: история университетской коллекции: альбом. URL: www.ut.ee/artmuseum/fotod/voro_rus.pdf
2. Бойцов М.А. «Культурная война» Оперативного штаба «RR» / М.А. Бойцов, Т.А. Васильева // Картотека «Z» Оперативного штаба «Рейхсляйтер Розенберг». Ценности культуры на оккупированных территориях России, Украины и Белоруссии 1941–1942: труды исторического факультета МГУ (исторические источники); подгот. М.А. Бойцов, Т.А. Васильева. М., 1998. С. 49–50.
3. Воронежский областной музей изобразительных искусств: альбом / авт.-сост. Е.А. Резникова, М.И. Лулева, М.А. Хайдарова. М.: Изобразительное искусство, 1984. 216 с.
4. Зимненко Б.Л. Международное право и правовая система Российской Федерации / Б.Л. Зимненко. М.: Статут, 2006. 451 с.
5. Идеон А. Мюллерсон: Тартуский договор действителен / А. Идеон // Postimees. 2009. 2 февр.
6. Ленин В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. 5-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1974. 506 с.
7. Лулева М.И. Воронежский областной художественный музей / М.И. Лулева // Российская музейная энциклопедия; ред. В.Л. Янин. М.: Прогресс, 2005. 845 с.
8. Международное право / под ред. В.Н. Дурденевского, С.Б. Крылова. М.: Госюриздат, 1947. 393 с.
9. Международное публичное право: учебник / под ред. К.А. Бекяшева. М.: Проспект, 2011. 1002 с.
10. Тиунов О.И. Принцип соблюдения договоров в международном праве / О.И. Тиунов. Пермь: Издательство Пермского университета, 1976. 152 с.
11. Турскова Т.А. Музеи мира. Популярная энциклопедия / Т.А. Турскова. М.: Terra, 2001. 352 с.

References

1. Aaviksoo J. Derpt-Yurev-Tartu i Voronezh: sudba universitetskoy kollektsii [Dorpat-Yuryev-Tartu and Voronezh: the Fate of the University Collection] / J. Aaviksoo // Dorpat — Jurjev — Tartu ja Voronezh: ulikooli kollektsiooni saatus. Derpt — YUrev — Tartu i Voronezh: istoriya universitetskoy kollektsii: albom [Dorpat-Yuryev-Tartu and Voronezh: the Fate of the University Collection : album]. URL: www.ut.ee/artmuseum/fotod/voro_rus.pdf
2. Boytsov M.A. «Kulturnaya voyna» Operativnogo shtaba «RR» [The Cultural War of the RR Control Headquarters] / M.A. Boytsov, T.A. Vasileva // Kartoteka «Z» Operativnogo shtaba «Reykhslyayter Rozenberg». Tsennosti kultury' na okkupirovannykh territoriyakh Rossii, Ukrainy i Belorussii 1941–1942: trudy istoricheskogo fakulteta MGU (istoricheskie istochniki); podgot. M.A. Boytsov, T.A. Vasileva [Card File Z of the Reichsleiter Rosenberg Control Headquarters. Cultural Values on the Occupied Territories of Russia, Ukraine and Belarus in 1941 to 1942: works of the Faculty of History of the MSU (historical sources); prepared by M.A. Boytsov, T.A. Vasileva]. Moskva — Moscow, 1998. S. 49–50.
3. Voronezhskiy oblastnoy muzey izobrazitelnykh iskusstv : albom ; avt.-sost. E.A. Reznikova, M.I. Luneva, M.A. Khaydarova [The Voronezh Regional Museum of Fine Arts : album ; compiled by E.A. Reznikova, M.I. Luneva, M.A. Khaydarova]. Moskva : Izobrazitelnoe iskusstvo — Moscow : Fine Arts, 1984. 216 s.
4. Zimnenko B.L. Mezhdunarodnoe pravo i pravovaya sistema Rossiyskoy Federatsii [International Law and the Legal System of the Russian Federation] / B.L. Zimnenko. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2006. 451 s.
5. Ideon A. Myullerson: Tartuskiy dogovor deystvitelen [Müllerson: the Tartu Treaty is Valid] / A. Ideon // Postimees — Postimees. 2009. February 2.
6. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy ; 5-e izd. [Full Collection of Works ; 5th edition] / V.I. Lenin. Moskva : Izdatelstvo politicheskoy literatury' — Moscow : Publishing House of Political Literature, 1974. 506 s.
7. Luneva M.I. Voronezhskiy oblastnoy khudozhestvennyy muzey [The Voronezh Regional Museum of Fine Arts] / M.I. Luneva // Rossiyskaya muzeynaya entsiklopediya ; red. V.L. Yanin [Russian Museum Encyclopedia ; edited by V.L. Yanin]. Moskva : Progress — Moscow : Progress, 2005. 845 s.
8. Mezhdunarodnoe pravo / pod red. V.N. Durdenevskogo, S.B. Krylova [International Law ; edited by V.N. Durdenevsky, S.B. Krylov]. Moskva : Gosyurizdat — Moscow : Gosyurizdat, 1947. 393 s.
9. Mezhdunarodnoe publichnoe pravo : uchebnik ; pod red. K.A. Bekyasheva [International Public Law : textbook ; edited by K.A. Bekyashev]. Moskva : Prospekt — Moscow : Prospect, 2011. 1002 s.
10. Tiunov O.I. Printsip soblyudeniya dogovorov v mezhdunarodnom prave [The Principle of Observance of Agreements in the International Law] / O.I. Tiunov. Perm : Izdatelstvo Permskogo universiteta — Perm : Publishing house of the Perm University, 1976. 152 s.
11. Turskova T.A. Muzei mira. Populyarnaya entsiklopediya [World Museums. Popular Encyclopedia] / T.A. Turskova. Moskva : Terra — Moscow : Terra, 2001. 352 s.

DOI:10.18572/1812-3805-2018-4-77-80

Сущность государства информационного общества: дихотомия властеотношений

Кутовой Данила Анатольевич,
аспирант кафедры теории и истории государства и права
Таганрогского института управления и экономики
d.a.kutovoy@yandex.ru

В статье проводится анализ влияния информационно-коммуникационных технологий на трансформацию сущности государства и системы властных отношений. Информатизация общественных отношений приводит к модернизации социальных, экономических, политических и других условий жизни социума, что оказывает влияние на институт государства в целом. В результате установлено, что адаптация и содействие самореализации интересов личности и общества в условиях культурной самоидентификации и общественной безопасности определяют сущность современного государства в условиях глобализации современного мира.

Ключевые слова: сущность государства, информационное общество, электронная демократия, теория государства и права, информационное право, цифровая демократия, трансформация государства, общественный диалог, информатизация общественных отношений, государственное управление, гражданское общество, цифровое общество.

The Essence of the State of Informational Society: Dichotomy of Government Relationships

Kutovoy Danila A.
Postgraduate Student of the Department of Theory and History
of State and Law of the Taganrog Institute of Management and Economics

The article analyzes the influence of information and communication technologies on the transformation of the essence of the state and the system of power relations. Informatization of social relations leads to modernization of social, economic, political and other conditions of life of the society, which influences the institution of the state as a whole. As a result, it has been established that the adaptation and promotion of self-actualization of the interests of the individual and society in conditions of cultural self-identification and public security determine the essence of the modern state in the context of the globalization of the modern world.

Keywords: state essence, information society, electronic democracy, state and law theory, information law, digital democracy, state transformation, public dialogue, informatization of public relations, public administration, civil society, digital society.

В условиях информатизации общественных отношений сложившиеся в теории государства и права определения сущности государства постепенно становятся нерелевантными, что приводит к необходимости введения в него современных условий, изменивших его облик и оказавших влияние на их трансформацию. Кардинальные изменения, оказавшие влияние на принципы властного воздействия, привели к отказу от административно-командной модели управления к сервисному государству. В теории государства и права существуют различные точки зрения относительно функций государства, в частности, некоторые авторы считают, что функции, в зависимости от аспектов понимания государства, делятся на три вида: базовые, типовые и специфические¹. Так как го-

сударство является одной из форм публичной власти, то его функции реализуются в процессе регулирования общественных отношений, результатом чего должно стать обеспечение устойчивого функционирования всех органов публичной власти.

Изменение функций государства само по себе не является формой его адаптации, так как отражает лишь проявление воздействия на общество, но не те изменения, которые в нем произошли. Таким образом, необходимость детерминации общественных потребностей и поддержание стабильности приводят к необходимости адаптации публичной властью своих институтов, что приводит к изменению сущности государства. Сущность государства представляет собой организационную природу государства, обусловленную экономическими, социальными и иными его особенностями как необходимая форма выражения общечеловече-

¹ Бредихин А.А. О функциях государства // История государства и права. 2013. № 22. С. 17.

ских потребностей и ценностей и развивается как результат деятельности публичной власти и проявления общественной власти.

Жизнедеятельность любого общества отнюдь не исчерпывается существующими в нем антагонистическими интересами и противоречиями. Помимо непримиримых интересов и отношений в обществе есть отношения неантагонистического характера, общие для всех социальных групп населения. М.И. Абдулаев пишет, что государство «призвано служить средством управления общественными процессами (защита прав и законных интересов граждан, обеспечение законности и правопорядка, безопасности граждан и общества)»². В то же время Н.И. Матузов и А.В. Малько подчеркивают необходимость помнить, что «далеко не любое государство и далеко не всегда в своей политике воплощает волю (интересы) всего народа, большинства граждан»³. Следовательно, существуют объективные условия (социально-исторического, военно-политического, экономического характера), которые должны совпадать с национальными интересами обеспечения суверенитета.

Государство как форма организации власти всегда берет на себя функцию обеспечения части таких наиболее важных общественных потребностей, как безопасность, организация и защита культурной и национальной самоидентификации. Но это никоим образом не колеблет классового понимания сущности государства. Ведь вопрос о его сущности — это вопрос не обо всем содержании государственной деятельности, а лишь о том, что в этой деятельности является основным, т.е. первичным. Сущность государства определяется его природой и социальным предназначением обеспечивать стабильность развития общества, следовательно, она не может сводиться ни к каким его другим сторонам и не выводится из «основания его бытия». Повышение уровня жизни населения, стимулирование развития новых технологий, расширение возможностей для самореализации всегда являлись потребностью любого общества. С момента появления частной собственности начался процесс становления модели государства как института насилия, договора, социального государства, управляемого государством, информационного государства.

Понятие государства включает в себя иерархическую организационную форму управления, что становится базальтернативным катализатором общественных потребностей. Однако социально-экономическое, научное и культурное и т.д. развитие человечества являет-

ся различным, в связи с чем данные потребности, несмотря на общую схожесть, приобретают индивидуальный для каждого народа характер. Социальные изменения оказывают влияние на правопонимание и правовосприятие, носящие субъективный характер и отражающиеся во взаимоотношениях власти и общества. Дихотомия природы публичной власти заключается в том, что, с одной стороны, она выражена деятельностью его институтов, а с другой — активностью гражданского общества. Иными словами, сущность государства можно определить как совокупность властных воздействий субъектов властеотношений в условиях информационного общества. Данная связь развивается и приобретает новую форму как, например, электронное правительство, которая отражает изменения во властной природе государства, в то время как электронное участие отражает социальную активность граждан и их желания и возможность участвовать во властеотношениях посредством информационно-коммуникационных технологий.

Сущность государства включает в себя понятия его статики и динамики. Статика заключается в определении объема общественных отношений, которые нуждаются во властном регулировании, на основе применения власти. Статика сущности государства позволяет отразить его природу, уникальные исторические и социальные особенности. Динамика сущности государства заключается в объеме функций, которые реализует государство в процессе властного воздействия на общественные отношения, что позволяет понять тенденции его трансформаций, перспективы и потенциальные уязвимости.

Динамичная природа государства не позволяет дать ему однозначное определение, а существующие дискуссии слишком расширяют его сущностные характеристики, поскольку конкретизация признаков может привести к тому, оно не сможет стать целостным объектом исследования. Иными словами, такое определение уже нельзя будет отнести к государству как явлению, а придется рассматривать в социально-экономическом и историческом контекстах.

В теории государства и права существуют различные подходы к определению сущности государства. Так, например, В.Е. Чиркин считает, что классический подход к анализу государства заключается в его определении как совокупности трех слагаемых: власти, территории, населения; геологический, юридический, социологический, кибернетический (государство как особая система в связи с потоками информации, прямыми и обратными связями) и другие⁴. Однако в услови-

² Абдулаев М.И. Теория государства и права. М.: Финансовый контроль, 2004. С. 24.

³ Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М.: Юристъ. 2004. С. 29.

⁴ Чиркин В.Е. Три ипостаси государства // Государство и право. 1993. № 8. С. 107–115.

ях информатизации общественных отношений говорить о результатах влияния современных технологий как просто еще одного шага в развитии государства недостаточно, так как такой подход исключает возможность анализа последствий информатизации и исключает анализ дихотомии власти и общества. Меняется сущность государства на основе диалектики отрицания старых форм управления и перехода к новой модели властотношений, сохранившей общую структуру институтов власти, наполнив ее новым сущностным содержанием. Такой подход можно охарактеризовать как коммуникативный, однако государство становится не просто «формой общения»⁵, но формой организации общения и связанных на его основе кардинальных преобразований.

Такой подход подтверждает свою научную целесообразность, так как позволяет говорить о тенденциях по унификации форм и функций государства в связи с развитием научного прогресса и повышением значения экономической сферы жизни общества в политической деятельности. Таким образом, при развитии научных технологий и роста мировой экономики, потребности общества посредством них все легче и легче удовлетворять, что делает государства, как политико-правовые образования, более похожими друг на друга, и, как следствие, право становится все более похожим в рамках своей правовой семьи. В результате это приводит к тому, что исторически принятые критерии определения сущности государства в рамках информационного общества преобразуются, что делает актуальным ее исследование в теоретико-правовом контексте.

Стоит отличать «понятие государства» от «сущности государства», так как данные понятия имеют различные признаки в теории государства и права. Если для «понятия государства» важными являются признаки, характеризующие его существование, то для «сущности государства» главнее становятся факторы, способствующие его появлению и трансформации. Исследование сущности государства возможно в рамках его исторического становления, социального и экономического развития. Оно позволяет не только в понимании причин появления государства, обладающего индивидуальными особенностями, но и при анализе перспектив его развития.

Существуют различные подходы к анализу сущности государства. Так, например, существует мнение, что сущность государства — это его «главное, закономерное качество, свойство, отношение, которое остается постоянным на всем протяжении времени его развития, определя-

ет его цели и является источником развития»⁶. По нашему мнению, такое определение подразумевает наличие у государства некоего основополагающего идеологического или иного начала, которое не способно трансформироваться под действием социального, экономического, культурного и научного и т.д. прогресса. При анализе предпосылок формирования государства в условиях информационного общества, связанных новыми моделями государственного управления, следует исходить из того, что сущность современного государства: высокотехнологичность, но при этом гибкость, экономическая и социальная интеграция в мировое сообщество, главным ресурсом которого становится человеческий капитал.

Ю.М. Зверев пишет, что «в вестфальской системе государства, контролирующей определенную территорию с населяющими ее людьми, обладают суверенитетом, определяют внутреннюю и внешнюю политику, поддерживают дипломатические отношения и не признают никакой вышестоящей власти». При этом он подчеркивает, что «Вестфальская модель международного права и международных отношений в настоящее время подвергается эрозии под воздействием набирающих силу процессов глобализации и регионализации»⁷. Раскрытие понятия «сущность государства» позволяет выделить и провести анализ тех факторов, которые влияют на трансформацию государства и позволяют говорить о нем как о совокупности признаков и функций.

Информационное общество формируется на основании возникающих общественных отношений по поводу создания, обработки и обмена информацией как особого продукта трудовой деятельности. Такие процессы в первую очередь стали возможны благодаря развитию компьютерных технологий, а сам обмен ею происходит в виртуальном пространстве. В первую очередь «виртуализация» общественных отношений приводит к появлению цифровой экономики, основанной на создании виртуального продукта, имеющего реальную экономическую ценность. В этом процессе необходимым является «воспитание личности как элемента гражданского общества, формирование у нее соответствующей политической культуры, развитие умения критически мыслить и оценивать интересы и убеждения каких-либо политических партий, способности сопоставлять их, что мо-

⁵ Кузнецова Н.И. Философия науки и история науки: эволюция взаимоотношений на фоне XX столетия // Философия науки. 1998. Вып. 4. С. 376.

⁶ Сущность государства [Электронный ресурс] // URL: http://studopedia.ru/2_114195_sushchnost-gosudarstva.html (дата обращения: 08.02.2018).

⁷ Зверев Ю.М. Национальное государство в эпоху глобализации: конец или трансформация? // Регион сотрудничества. 2004. № 14. С. 17.

жет быть достигнуто посредством развития «электронной демократии»⁸.

Такое общество становится слабоуправляемым традиционными методами государственного принуждения, поэтому государство вынуждено реагировать на вновь возникающие общественные отношения посредством введения соответствующего правового регулирования и развития государственной инициативы по поддержке, сдерживанию и запрету определенного вида деятельности. Правда, такие меры становятся слабоэффективными. Компьютеризированное общество способно легко преодолевать любые способы регулирования доступа к информации, возвращаясь к саморегуляции, оно в очередной раз доказывает превосходство децентрализации сетевой организации перед прошлыми моделями государственной власти и управления. Такое общество уже сейчас становится критически относящимся к возможностям государства как властного регулятора, считающего себя в силах обеспечивать собственные потребности самостоятельно.

Однако такой подход является утопичным, поскольку децентрализация не способна осуществлять координирующие функции, применять в случае необходимости средства принуждения,

слабо ориентирована на поддержание культурных ценностей и традиций и не может осуществлять защитные, оборонительные функции в глобальном значении. На основании проведенного анализа можно констатировать, что сущность государства информационного общества — адаптация и содействие самореализации интересов личности и общества при поддержании культурной идентичности и общественной безопасности. Определение сущности государства, а не только его функций, являющихся опосредованным механизмом регулирования общественных отношений, позволяет говорить о происходящих изменениях и закономерностях его существования и развития. Государство может стать формой защитника и служителя народа, а не становится пассивным «ночным сторожем»⁹ и переносит ответственность за построение «общества всеобщего благоденствия» на гражданское общество, оказывая правовой сервис населению в процессе обеспечения, соблюдения законных прав граждан, гарантированных Конституцией. Таким образом, определение сущности государства можно вывести исходя из анализа процессов глобализации, информатизации и демократизации современного общества.

⁸ Федотова Ю.Г. Электронная демократия как средство обеспечения информационной безопасности государства // Информационное право. 2016. № 3. С. 17.

⁹ Бакулина Л.Т. Социальное государство и принципы либерализма: проблемы соотношения // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2008. Т. 150. № 5. С. 7–16.

Литература

1. Абдулаев М.И. Теория государства и права / М.И. Абдулаев. М.: Финансовый контроль, 2004. 410 с.
2. Бакулина Л.Т. Социальное государство и принципы либерализма: проблемы соотношения // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки 2008. Т. 150. № 5. С. 7–16.
3. Бредихин А.А. О функциях государства / А.А. Бредихин // История государства и права. 2013. № 22. С. 7–20.
4. Зверев Ю.М. Национальное государство в эпоху глобализации: конец или трансформация? / Ю.М. Зверев // Регион сотрудничества. 2004. № 14. С. 17–24.
5. Кузнецова Н.И. Философия науки и история науки: эволюция взаимоотношений на фоне XX столетия / Н.И. Кузнецова // Философия науки. 1998. Вып. 4. С. 61–72.
6. Матузов Н.И. Теория государства и права / Н.И. Матузов, А.В. Малько. М.: Юрист, 2004. 512 с.
7. Федотова Ю.Г. Электронная демократия как средство обеспечения информационной безопасности государства / Ю.Г. Федотова // Информационное право. 2016. № 3. С. 17–24.
8. Чиркин В.Е. Три ипостаси государства / В.Е. Чиркин // Государство и право. 1993. № 8. С. 107–115.

References

1. Abdulaev M.I. Teoriya gosudarstva i prava [Theory of State and Law] / M.I. Abdulaev. Moskva : Finansovy'y kontrol — Moscow : Financial Control, 2004. 410 s.
2. Bakulina L.T. Sotsialnoe gosudarstvo i printsipy' liberalizma: problemy' sootnosheniya [Social State and Principles of Liberalism: Correlation Issues] / L.T. Bakulina // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki — Scholarly Notes of the Kazan University. Series : the Humanities. 2008. Vol. 150. № 5. S. 7–16.
3. Bredikhin A.L. O funktsiyakh gosudarstva [On Functions of the State] / A.L. Bredikhin // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2013. № 22. S. 7–20.
4. Zverev Yu.M. Natsionalnoe gosudarstvo v epokhu globalizatsii: konets ili transformatsiya? [National State in the Globalization Epoch: the End or Transformation?] / Yu.M. Zverev // Region sotrudnichestva — Cooperation Region. 2004. № 14. S. 17–24.
5. Kuznetsova N.I. Filosofiya nauki i istoriya nauki: evolyutsiya vzaimootnosheniy na fone XX stoletiya [Philosophy of Science and History of Science: Evolution of Interrelations against the Background of the XX Century] / N.I. Kuznetsova // Filosofiya nauki — Philosophy of Science. 1998. Is. 4. S. 61–72.
6. Matuzov N.I. Teoriya gosudarstva i prava [Theory of State and Law] / N.I. Matuzov, A.V. Malko. Moskva : Yurist — Moscow : Lawyer, 2004. 512 s.
7. Fedotova Yu.G. Elektronnaya demokratiya kak sredstvo obespecheniya informatsionnoy bezopasnosti gosudarstva [Electronic Democracy as a Means of Securing Informational Safety of the State] / Yu.G. Fedotova // Informatsionnoe pravo — Informational Law. 2016. № 3. S. 17–24.
8. Chirkin V.E. Tri ipostasi gosudarstva [Three Guises of the State] / V.E. Chirkin // Gosudarstvo i pravo — State and Law. 1993. № 8. S. 107–115.